

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Том 18
№ 2

Санкт-Петербург
2026

Редколлегия:

Ирина Ильинична Елисеева, чл.-корр. РАН, д. э. н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ, гл. н. с.
(СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН / СПбГЭУ) — главный редактор;

Михаил Федорович Черныш, чл.-корр. РАН, д. соц. н., профессор,
директор Института социологии ФНИСЦ РАН;

Нина Владимировна Агабекова, д. э. н., профессор
(Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Республика Беларусь);

Сания Исааковна Бояркина, к. соц. н., доцент
(Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ));

Константин Александрович Галкин, к. соц. н., старший научный сотрудник
(СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);

Геннадий Викторович Каныгин, д. соц. н., вед. н. с.
(СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);

Наталья Владимировна Колесник, к. соц. н.
(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург) — ответственный секретарь;

Михаил Валентинович Масловский, д. соц. н., профессор,
ведущий научный сотрудник
(СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);

Инна Борисовна Назарова, д. э. н., главный научный сотрудник
(Институт социологии ФНИСЦ РАН / РУДН);

Марина Юрьевна Сурмач, д. мед. н., профессор
(Гродненский государственный медицинский университет,
Республика Беларусь);

Елена Валериевна Тыканова, к. соц. н., зам. директора по научной работе
(СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);

Жанна Владимировна Чернова, д. соц. н., ведущий научный сотрудник
(СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);

Ye Qing, PhD, профессор
(Центр исследований модернизации Китайской академии наук /
Университет Китайской академии наук).

Сборка выпуска — *Дарья Анатольевна Рябчикова* (СПбГЭУ);

Размещение на сайте ПСС — *Юлия Александровна Яшина* (Институт социологии
ФНИСЦ РАН);

Размещение в РИНЦ — *Николай Иванович Карбаинов*, н. с. (СИ РАН —
филиал ФНИСЦ РАН).

Editorial board:

Irina I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, Corr. Member of RAS
(Sociological Institute of FCTAS RAS /
Saint-Petersburg State Economic University) —
Editor-in Chief;

Mikhail F. Chernysh, Doctor of Sociology, Professor, Corr. Member of RAS,
Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS;

Nina V. Agabekova, Doctor of Economics, Professor
(Belarusian State University of Economics,
Minsk, Republic of Belarus);

Sania I. Boyarkina, PhD, associate professor
(Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU));

Konstantin A. Galkin, PhD, senior researcher
(Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation);

Gennady V. Kanygin, Doctor of Sociology
(Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation);

Natalia V. Kolesnik, PhD
(HSE University, SPb) — Executive Secretary;

Mikhail V. Maslovsky, Doctor of Sociology, professor
(Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation);

Inna B. Nazarova, Doctor of Economics
(Institute of Sociology of FCTAS RAS / RUDN University);

Marina Yu. Surmach, Doctor of Medicine, Professor
(Grodno State Medical University, Republic of Belarus);

Elena V. Tykanova, PhD, Deputy Director for Research
(Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation);

Zhanna V. Chernova, Doctor of Sociology, Leader Researcher
(Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation);

Ye Qing, PhD, Professor
(China Center for Modernization Research
Chinese Academy of Sciences (CAS) /
University of Chinese Academy of Sciences (CAS)).

Issue assembly — *Daria A. Ryabchikova* (UNECON);

Publishing on the PSS website — *Yulia Aleksandrovna Yashina* (Institute of Sociology of FCTAS RAS);

Publishing in the Russian Science Citation Index — *Nikolay Ivanovich Karbainov*, researcher (Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation).

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

EDN: QHHFHK

Научное периодическое издание
«Петербургская социология сегодня» выходит с 2009 года.
Периодичность: четыре номера в год (до 2023 г. — два номера в год).
Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Регистрационный номер СМИ: ПИ № ФС 77-55387 от 17.09.2013 г.

ISSN 2308-3166

© Авторы статей, материалов, 2026
© ФНИСЦ РАН, 2026
© Оригинал-макет. ООО «Реноме», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Социальное и гендерное неравенство

<i>Сошникова Л. А., Овсёенко В. А.</i> Гендерное неравенство на рынке труда: измерение на данных России и Беларуси	7
<i>Бабурина К. С.</i> Психологическое насилие в отношении женщин-кандидатов в электоральном дискурсе (на примере Мексики)	28

Индивид, семья, общество

<i>Филиппова Е. Б., Кокорева С. О., Прокопенко М. И.</i> Инвестиции в спортивную карьеру детей: основа для будущих успехов или упущенные возможности?	56
---	----

Рецензии

<i>Корякин К. А.</i> Рецензия на книгу: «Российская идентичность и межэтническое согласие: новые ресурсы консолидации и риски дезинтеграции» : [монография] / Е. М. Арутюнова, И. М. Кузнецов [и др.] ; отв. ред. И. М. Кузнецов, С. В. Рыжова ; ФНИСЦ РАН. — М. : ФНИСЦ РАН, 2025. — 308 с.	79
--	----

Научная жизнь

<i>Лактюхина Е. Г., Мартыненко А. А.</i> IV Всероссийская научная конференция «(Не)новые вызовы и возможности социологии»	89
<i>Бочаров В. Ю., Васькина Ю. В., Егорова С. В.</i> Шестые студенческие социологические чтения имени Б. Г. Тукумцева «Трансформация социальных институтов современной России»: взгляд самарских молодых ученых	104

In Memoriam

<i>Докторов Б. З.</i> Памяти коллеги и друга Олега Борисовича Божкова . . .	112
<i>Каныгин Г. В.</i> Вместе с Олегом Борисовичем: четыре кейса	121
<i>Божкова Э. Б.</i> Олег Борисович Божков в воспоминаниях внучки	133
<i>Протасенко Т. З.</i> Памяти Олега Божкова	136

CONTENTS

Social and Gender Inequality

<i>Soshnikova L. A., Ovseenko V. A.</i> Gender Inequality on the Labour Market: Measurement on Data from Russia and Belarus	7
<i>Baburina K. S.</i> Psychological Violence Against Women Candidates in Electoral Discourse: the Case of Mexico	28

Individual, Family, Society

<i>Filippova E. B., Kokoreva S. O., Prokopenko M. I.</i> Investing in a Children's Sports Career: a Foundation for Future Success or a Lost Opportunity? . . .	56
--	----

Reviews

<i>Koryakin K. A.</i> Book Review: "Russian Identity and Interethnic Harmony: New Resources of Consolidation and Risks of Disintegration": [monograph] / E. M. Arutyunova, I. M. Kuznetsov [et al.]; eds. I. M. Kuznetsov, S. V. Ryzhova; FSTAS RAS. — Moscow: FSTAS RAS, 2025. — 308 p.	79
--	----

Scientific Life

<i>Laktyukhina E. G., Martynenko A. A.</i> The 4th All-Russian Scientific Conference "(Not-)New Challenges and Opportunities of Sociology"	89
<i>Bocharov V. Yu., Vaskina Yu. V., Egorova S. V.</i> The Sixth Student Sociological Readings in Memory of B. G. Tukumtsev "Transformation of Social Institutions in Contemporary Russia": a view from Samara young scholars	104

In Memoriam

<i>Doctorov B. Z.</i> In Memory of Colleague and Friend Oleg Borisovich Bozhkov	112
<i>Kamygin G. V.</i> Together with Oleg Borisovich: Four Cases	121
<i>Bozhkova E. B.</i> Oleg Borisovich Bozhkov in the Memoirs of His Granddaughter.	133
<i>Protasenko T. Z.</i> In Memory of Oleg Bozhkov	136

СОЦИАЛЬНОЕ И ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.rg8g-d911

EDN: LHTPPD

УДК 331.5:305

Людмила Антоновна Сошникова¹,

Валерия Александровна Овсенко²

¹ *Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Республика Беларусь*

² *Национальный статистический комитет Республики Беларусь,
Минск, Республика Беларусь*

ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО НА РЫНКЕ ТРУДА: ИЗМЕРЕНИЕ НА ДАННЫХ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Аннотация: В рамках социологического подхода к рынку труда рассматривается проблема гендерного неравенства и методология его измерения с помощью Индекса гендерного неравенства (ГИ) и Глобального индекса гендерного разрыва (GGGI). Обсуждается методика построения индексов; приводятся расчеты по данным РФ и РБ. Делается вывод, что положение мужчин и женщин в обеих странах отражает как глобальную тенденцию гендерного неравенства, так и особенности постсоветской социально-экономической модели.

Ключевые слова: рынок труда, гендерное неравенство, индекс гендерного неравенства (ГИ), глобальный индекс гендерного разрыва (GGGI), методика, показатели, измерение, Республика Беларусь, Российская Федерация

Ссылка для цитирования: Сошникова Л. А., Овсенко В. А. Гендерное неравенство на рынке труда: измерение на данных России и Беларуси // Петербургская социология сегодня. — 2026. — Т. 18. — № 2. — С. 7–27. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.rg8g-d911; EDN: LHTPPD

1. Понятие и особенности гендерного неравенства на рынке труда

Гендерное неравенство — одна из наиболее, а может быть, даже самая устойчивая форма неравенства в мире. Это серьезное препятствие на пути человеческого развития, которое негативно сказывается на

жизни половины населения планеты. Согласно Докладу о человеческом развитии за 2020 г., Беларусь теряет 6,3% человеческого развития из-за неравенства, которое проявляется в здравоохранении, образовании, на рынке труда и во многих других сферах.

Термин «гендерное неравенство» впервые появился в 1980 г. благодаря введению понятия «гендер» в феминистской теории (Дж. Скотт). Гендерное неравенство характеризует общественное устройство, при котором социальные группы (мужчины и женщины) имеют стойкие различия, обусловленные неравными возможностями в обществе [1, с. 178].

В сфере занятости существует проблема *гендерной дискриминации*, заключающаяся в том, что работники с идентичными показателями производительности могут подвергаться разному обращению в зависимости от их принадлежности к различным социально-демографическим группам. Происхождение гендерных стереотипов указывает на то, что женщины традиционно имели меньше прав и возможностей для самореализации по сравнению с мужчинами. Например, в России право голоса для женщин было предоставлено только весной 1917 г., а юридически равенство мужчин и женщин стало официально признанным лишь после Октябрьской революции в 1917 г., получив закрепление в 1918 г.

Гендерное неравенство и дискриминация по полу часто пересекаются, но имеют различия в природе и проявлениях.

Гендерное неравенство — это системное неравенство возможностей, ресурсов и прав между мужчинами и женщинами, обусловленное социальными, культурными и экономическими факторами. Оно проявляется в неравном доступе к образованию, труду, руководящим позициям, оплате труда и т.д. Гендерное неравенство может быть результатом общественных норм и стереотипов, а не всегда осознанных действий и сложнее поддается правовой оценке, так как часто связано с косвенными факторами (традиции, культура).

Дискриминация по полу — это целенаправленные действия или политики, которые ставят одного человека или группу в невыгодное положение из-за их пола: отказ в найме, увольнение или неравная оплата исключительно на основе пола. Дискриминация по полу регулируется законодательством (например, Трудовым кодексом Республики Беларусь, Национальным планом действий по обеспечению гендерного равенства) и подлежит юридической ответственности. Примером дискриминации является ситуация, когда работодатель отказывает женщине в найме, считая, что она скоро уйдет в декрет.

Гендерное равноправие предполагает одинаковый доступ к идентичным правам, перспективам, средствам и наградам для представителей

слабого и сильного пола, вне зависимости от их половой принадлежности [2, с. 80].

Главным документом в Беларуси, нацеленным на предоставление условий равного включения мужчин и женщин во все области жизни, является Национальный план действий по обеспечению гендерного равноправия в Республике Беларусь на 2021–2025 гг.

ПРООН содействует и подкрепляет национальные стремления Беларуси к построению общества, основанного на гендерном равенстве. Гендерное равенство — один из четырех драйверов достижения целей устойчивого развития (ЦУР) в Беларуси. Вопросы гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин являются основополагающими в страновой программе ПРООН и Национальном плане по обеспечению гендерного равенства в течение предыдущей пятилетки. Эти темы сохранили центральное место в деятельности ПРООН и в пятилетний период 2021–2025 гг. [3].

Помимо рассмотренного выше понятия «гендерного неравенства», в международной статистике часто употребляется термин «гендерный разрыв». Гендерное неравенство и гендерный разрыв — смежные, но различающиеся понятия, используемые для описания диспропорций между мужчинами и женщинами в различных сферах. Основные различия этих понятий представлены на рис. 1.

Рис. 1. Ключевые различия между понятиями «гендерное неравенство» и «гендерный разрыв».

Примечание: источник — разработка авторов

Примером гендерного неравенства является тот факт, что женщины реже занимают руководящие должности из-за стереотипов о лидерстве или неравного доступа к карьерным возможностям. Фокус гендерного

неравенства сконцентрирован на устранение несправедливости и создание равных условий через изменение структур и норм.

Гендерный разрыв — количественная разница в показателях или результатах между мужчинами и женщинами в конкретной области (например, зарплаты, представленности, образования); измеряется статистически (в процентах, долях, числах), является следствием или проявлением гендерного неравенства, но не всегда его причиной, и фокусируется на конкретных показателях, а не на системных причинах. Примером гендерного разрыва может служить оценка различий в оплате труда женщин и мужчин: женщины в среднем зарабатывают 80% от зарплаты мужчин за ту же работу.

Гендерный разрыв часто является следствием гендерного неравенства. Разрыв в оплате труда (гендерный разрыв) может быть вызван дискриминацией, неравным доступом к образованию или распределением семейных обязанностей (гендерным неравенством).

Гендерное неравенство на рынке труда — социальное явление, которое определяется не биологическими различиями между мужчинами и женщинами, а главным образом неравномерным распределением между ними экономических, политических и социальных ресурсов [4]. В зависимости от формы проявления можно выделить следующие виды гендерного неравенства на рынке труда (табл. 1).

Таблица 1

Виды гендерного неравенства на рынке труда в зависимости от формы его проявления

Вид гендерного неравенства	Форма проявления
Должностное	Проявляется как ограничение доступности для женщин отдельных должностей, чаще всего руководящих
Неравенство при найме	Определяет предпочтение работодателей при найме на работу женщин
Неравенство при оплате труда	Предполагает, что в ряде случаев труд женщин и мужчин при выполнении ими одних и тех же должностных обязанностей оплачивается по-разному
Карьерное	Возникают ограничения и дискриминация при продвижении женщин по службе
Образовательное	Ограничивается доступность отдельных видов образования для женщин либо его более низкое качество

Примечание: источник — [5].

Систематизация форм гендерного неравенства на рынке труда, представленная в табл. 1, позволяет сделать вывод, что на современном этапе развития экономики эту проблему следует считать скорее субъективной, нежели объективной, сформировавшейся под влиянием традиционных представлений о роли женщины в обществе.

Гендерное неравенство на рынке труда затрагивает как доступ к занятости, так и условия труда, уровень заработной платы, а также возможности карьерного роста. Среди основных форм гендерного неравенства выделяют:

- гендерный разрыв в оплате труда,
- гендерную трудовую сегрегацию,
- влияние стереотипов,
- неравный доступ к профессиональному росту и образованию.

Гендерный разрыв в оплате труда (*gender pay gap*) — это одна из наиболее очевидных и изучаемых форм дискриминации. Как уже отмечалось, он выражается в устойчивом различии между средними заработками мужчин и женщин, как правило, в пользу первых. Причинами разрыва выступают не только открытая дискриминация, но и более глубокие структурные факторы, такие как различия в профессиональной занятости, перерывы в трудовой деятельности из-за материнства, а также недооценка «женских» профессий [6, 7].

В исследовании [8] выявлены ключевые проблемы гендерной трудовой сегрегации: женщины, работающие в типично «женских» профессиях, получают более низкую заработную плату по сравнению с мужчинами, имеют ограниченные перспективы карьерного роста, более низкий социальный статус и меньшие шансы занять руководящие позиции или принимать значимые профессиональные решения.

Гендерная сегрегация на рынке труда делится на два типа: горизонтальную и вертикальную.

Горизонтальная сегрегация проявляется в преобладании мужчин или женщин в определенных профессиональных сферах или секторах экономики. Б. Рескин (Reskin) отмечает, что рынок труда характеризуется выраженной горизонтальной сегрегацией, где существуют «мужские» и «женские» профессии (например, строительство для мужчин, образование и здравоохранение для женщин) [8].

Вертикальная сегрегация связана с неравным распределением мужчин и женщин по уровням профессиональной иерархии. Исследование [9] подтверждает, что в большинстве стран Европы женщины реже занимают руководящие должности и чаще находятся на нижних ступенях карьерной лестницы по сравнению с мужчинами.

В XX в. наблюдался значительный рост участия женщин в трудовой деятельности, особенно в странах с ранней индустриализацией. Этот процесс сопровождался устойчивыми тенденциями увеличения женской занятости в развитых и развивающихся странах. При разных темпах и времени начала этого процесса увеличение доли женщин в рабочей силе стало важной чертой экономических и социальных изменений XX в. [10, с. 3].

Гендерные стереотипы играют ключевую роль в воспроизводстве неравенства. На женщин нередко накладываются ожидания, связанные с «заботой» и «поддержкой», в то время как от мужчин ожидается лидерство и амбициозность. Это влияет на выбор профессии, карьерные траектории и самооценку, особенно на ранних этапах профессионального становления [11].

Неравенство в доступе к образованию и профессиональному развитию сохраняется несмотря на формальное равенство возможностей. Женщины реже могут участвовать в программах повышения квалификации из-за двойной нагрузки (работа и семья) и недостаточной поддержки со стороны работодателей.

Таким образом, формы проявления гендерного неравенства на рынке труда многообразны и взаимосвязаны. Они обусловлены как институциональными особенностями экономики, так и культурными и социальными установками, укорененными в общественном сознании.

Гендерное неравенство на рынке труда имеет не только этическое и социальное значение, но и ощутимые экономические последствия — как для отдельных индивидов, так и для общества и экономики в целом. Условно их можно разделить на три уровня: индивидуальный, институциональный и макроэкономический.

На индивидуальном уровне гендерное неравенство приводит к ограниченному доступу женщин к высокооплачиваемым и престижным видам занятости, снижает их экономическую независимость и повышает риск бедности, особенно в пожилом возрасте. Женщины, сталкиваясь со «стеклянным потолком» и дискриминацией, теряют мотивацию к карьерному росту и профессиональному развитию [12]. Отмечается более высокая занятость женщин в неформальном секторе и нестабильных формах занятости, что снижает социальную защищенность.

Организации, игнорирующие принципы гендерного равенства, теряют доступ к широкому пулу талантов и разнообразия. Исследования показывают, что гендерно разнообразные команды принимают более эффективные управленческие решения, а компании с более высоким

числом женщин в руководстве демонстрируют лучшие финансовые результаты [13]. Дискриминация и неравенство внутри компании могут вести к снижению лояльности сотрудников, увеличению текучести кадров и репутационным издержкам.

На макроуровне гендерное неравенство снижает уровень совокупной занятости, ВВП и человеческого капитала. По оценкам Всемирного банка, устранение гендерных барьеров на рынке труда может привести к росту глобального ВВП на 20% в долгосрочной перспективе. Гендерные ограничения снижают отдачу от инвестиций в образование и подрывают устойчивость социально-экономического развития. Неравный доступ женщин к ресурсам и возможностям способствует усилению социального расслоения и воспроизводству бедности.

Сохраняющееся неравенство в распределении обязанностей по уходу за детьми и ведению домашнего хозяйства тормозит участие женщин в высокооплачиваемых видах деятельности и профессиональном развитии. Это усиливает демографические и социальные риски: снижение рождаемости, рост числа неполных семей, зависимость от социальной помощи.

Таким образом, гендерное неравенство на рынке труда выступает не только нарушением прав человека, но и барьером на пути к устойчивому развитию, инновационности и экономической эффективности.

Разработанные международные гендерные индексы обеспечивают возможность общего обзора ситуации в мире. Нами рассматриваются два основных индекса:

- 1) Индекс гендерного неравенства (далее ИГН/GII);
- 2) Глобальный индекс гендерного разрыва (далее — ИГР/GGI).

Индекс гендерного неравенства (*Gender Inequality Index*) — показатель, который отражает неравенство между мужчинами и женщинами в трех измерениях: здоровье, расширение прав и возможностей в целом и на рынке труда.

Индекс гендерного неравенства введен Организацией Объединенных Наций в 2010 г. как один из интегральных показателей состояния общества, использующийся в Докладе о человеческом развитии.

ИГН принимает значения от 0 до 1, где 0 — полное равенство полов по всем показателям, 1 — полное неравенство по всем показателям.

Как и Индекс человеческого развития, Индекс гендерного неравенства объединяет несколько индикаторов на взвешенной основе, представляя количественную оценку гендерного неравенства в каждой стране. При вычислении ИГН учитываются следующие показатели (рис. 2).

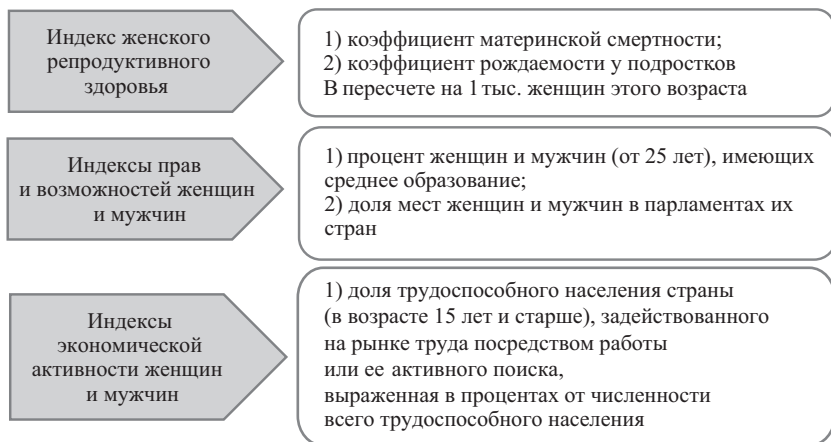

Рис. 2. Факторы измерения индекса гендерного неравенства.

Примечание: источник — разработка авторов на основе [14, с. 29]

Вначале рассчитывается гендерный индекс женщин (G_F) по формуле (1):

$$G_F = \sqrt[3]{\left(\frac{1}{MMR} \times \frac{1}{AFR}\right)^{\frac{1}{2}} \times (PR_F \times SE_F)^{\frac{1}{2}} \times LFPR_F} \quad (1),$$

где MMR — индекс материнской смертности; AFR — уровень рождаемости среди подростков; PR_F — доля женщин в парламенте; SE_F — доля женщин, имеющих среднее образование; $LFPR_F$ — доля экономически активных женщин.

Затем рассчитывается гендерный индекс мужчин (G_M) по формуле (2):

$$G_M = \sqrt[3]{1 \times (PR_M \times SE_M)^{\frac{1}{2}} \times LFPR_M} \quad (2),$$

где PR_M — доля мужчин в парламенте; SE_M — доля мужчин, имеющих среднее образование; $LFPR_M$ — доля экономически активных мужчин.

На основе этих двух показателей рассчитывается интегральный показатель. Агрегирование по гендерным группам осуществляется с использованием средней гармонической по формуле (3).

$$I_{harm(G_F, G_M)} = \frac{2}{\frac{1}{G_F} + \frac{1}{G_M}} \quad (3).$$

Определяется стандарт для расчета неравенства путем агрегирования соответствующих индексов для женщин и мужчин с использованием равных весов по формуле (4).

$$I_{stand(G_F, G_M)} = \sqrt[3]{I_{здоровье}^{F,M} \cdot I_{расширение прав}^{F,M} \cdot I_{участие на рынке труда}^{F,M}} \quad (4),$$

где:

$$I_{здоровье}^{F,M} = \frac{\sqrt{\left(\frac{10}{MMR} \cdot \frac{1}{AFR}\right)} + 1}{2} \quad (5),$$

$$I_{расширение прав}^{F,M} = \frac{\sqrt{PR_F \cdot SE_F} + \sqrt{PR_M \cdot SE_M}}{2} \quad (6),$$

$$I_{участие на рынке труда}^{F,M} = \frac{LFPR_F + LFPR_M}{2} \quad (7),$$

где — $I_{здоровье}^{F,M}$ компонента здоровья; $I_{расширение прав}^{F,M}$ — компонента расширения прав и возможностей; $I_{участие на рынке труда}^{F,M}$ — компонента участия на рынке труда.

Индекс гендерного неравенства рассчитывается как отношение равномерно распределенного индекса к его стандартному значению по формуле (8).

$$ИГН = 1 - \frac{I_{harm(G_F, G_M)}}{I_{stand(G_F, G_M)}} \quad (8).$$

Низкий ИГН свидетельствует о низком уровне неравенства между женщинами и мужчинами, и наоборот.

Глобальный индекс гендерного неравенства определяется для стран, по которым имеются качественные данные. Индекс показывает ущерб для развития человека, обусловленный неравенством достижений женщин и мужчин по этим измерениям.

Глобальный индекс гендерного разрыва (*Global Gender Gap Index*) был создан Всемирным экономическим форумом в 2006 г. для последовательной и всеобъемлющей оценки гендерного равенства, позволяющей наблюдать развитие страны со временем и сопоставлять с другими странами. В основе индекса лежит изначальное условие, что гендерное неравенство — итоговый результат разных социально-экономических, политических и культурных переменных.

Индекс предоставляет количественную оценку масштабов и размаха гендерного неравенства в четырех ключевых областях: здравоохранение, уровень образования, экономическое участие, а также расширение политических прав и возможностей, и отслеживает прогресс со временем.

Методология индекса остается неизменной с момента его первоначального создания в 2006 г., обеспечивая основу для надежного межстранового анализа и анализа динамики.

Цель индекса — сосредоточиться на том, сократился ли разрыв между женщинами и мужчинами по выбранным показателям, а не на том, побеждают ли женщины в так называемой «битве за права и возможности».

Индекс разработан для измерения гендерных разрывов в доступе к ресурсам и возможностям, а не фактических уровней имеющихся ресурсов и возможностей в этих странах. Это сделано для того, чтобы отделить значение Глобального индекса гендерного разрыва от уровня развития стран.

Отличительная особенность Глобального индекса гендерного разрыва заключается в том, что он ранжирует страны в зависимости от степени приближенности к гендерному равенству, а не по степени расширения прав и возможностей женщин.

Гендерное неравенство на рынке труда остается одной из наиболее устойчивых форм социальной и экономической несправедливости, препятствующей человеческому развитию и ограничивающей потенциал половины населения планеты. Оно проявляется через системные ограничения в доступе к ресурсам, возможностям и правам, включая гендерный разрыв в оплате труда, трудовую сегрегацию, стереотипы и неравный доступ к карьерному росту. В отличие от дискриминации по полу, которая выражается в конкретных актах нарушения прав, гендерное неравенство носит более широкий, структурный характер, а гендерный разрыв выступает его количественным отражением. Последствия неравенства затрагивают индивидуальный, организационный и макроэкономический уровни, снижая экономическую независимость женщин, ограничивая доступ организаций к талантам и тормозя рост

ВВП. Сохранение неравенства в распределении домашних и семейных обязанностей дополнительно усугубляет ситуацию. Глобальные индексы, такие как ИГН и ИГР, помогают отслеживать прогресс в достижении гендерного равенства, подчеркивая необходимость целенаправленных мер для устранения системных барьеров и обеспечения равных возможностей для всех.

2. Гендерный разрыв в оплате труда в Беларуси и России

Положение мужчин и женщин на рынке труда в Республике Беларусь и Российской Федерации отражает как глобальные тенденции гендерного неравенства, так и особенности постсоветской социально-экономической модели. Несмотря на формально равные права в сфере труда, сохраняются значительные различия в уровнях занятости, характере занятости и доступе к профессиональной мобильности.

Уровень участия в рабочей силе. В обеих странах уровень участия в рабочей силе мужчин традиционно выше. По данным национальных статистических органов, в 2023 г. в Беларуси доля участия в рабочей силе мужчин составила 74,8%, а женщин — 65,3% [15]. В России аналогичные показатели равны 70,6 и 56,3% соответственно [16]. Такое соотношение объясняется в том числе тем, что женщины чаще прерывают карьеру из-за необходимости ухода за детьми и пожилыми и пожилыми родственниками, а также заняты в неформальной или теневой занятости, не всегда отраженной в официальной статистике.

Уровень занятости и безработицы. Уровень занятости женщин несколько ниже, чем у мужчин. В Беларуси в 2023 г. уровень занятости среди женщин составлял 63,4%, а среди мужчин — 71,7% [15]. В России — 54,4 и 68,4% соответственно [16]. При этом уровень безработицы в Республике Беларусь у женщин ниже на 1,3 п. п., чем у мужчин, а в Российской Федерации — выше на 0,3 п. п.

Отраслевая структура занятости (горизонтальная сегрегация). Женщины доминируют в отраслях с относительно низким уровнем оплаты труда: образовании, здравоохранении, социальном обслуживании, культуре и административной деятельности. Мужчины в большей степени представлены в промышленности, строительстве, транспорте и IT-секторе. В Беларуси, например, женщины составляют более 80% работников сферы образования и около 85% в здравоохранении. В России ситуация схожа: женщины составляют около 77% занятых в образовании и более 80% в здравоохранении.

Распределение по должностям (вертикальная сегрегация). Несмотря на высокий уровень образования среди женщин (в обеих странах женщины чаще получают высшее образование, чем мужчины), они реже занимают руководящие должности. В России доля женщин среди руководителей организаций составляет около 41%, однако большинство из них возглавляют небольшие структуры. В Беларуси женщины занимают около 47% управленческих должностей, но также преимущественно в бюджетном секторе (где преобладает женский труд). В частном секторе мужчин в руководстве значительно больше, особенно на высоком уровне управления.

Как свидетельствуют статистические данные, феминизированными сферами являются торговля, образование и культура, финансы, кредит, страхование, здравоохранение, физкультура и спорт, социальное обеспечение, т. е. в основном отрасли бюджетного финансирования. Тенденция превалирования женской занятости в бюджетном секторе экономики объясняется подходом «гарантии занятости» в поведении женщин на рынке труда, согласно которому женщины сохраняют более высокую приверженность занятости в условиях стабильности и минимального риска, что фактически соответствует ориентации на бюджетный сектор.

Неформальная и нестандартная занятость. Женщины чаще заняты в нестабильной форме занятости: временные контракты, неполный рабочий день, самозанятость без социального страхования. В Беларуси, по данным на 2023 г., женщины составляли 51,3% всех работников, занятых неполный рабочий день; в России — около 63%.

Таким образом, при внешнем формальном равенстве и высокой доле женщин на рынке труда сохраняется устойчивая гендерная стратификация по отраслям, условиям труда и уровню профессионального статуса. Эти различия создают основу для устойчивого гендерного разрыва и требуют учета при разработке социально-экономической политики в обеих странах.

Наличие гендерного неравенства на рынке труда Республики Беларусь подтверждается данными о номинальной начисленной средней заработной плате в разрезе по полу в динамике (рис. 3).

На рис. 3 видно, что на протяжении всего рассматриваемого периода номинальная зарплата мужчин выше, чем у женщин, разрыв в заработной плате растет по мере роста самой заработной платы с каждым годом. Наибольший разрыв в заработной плате наблюдался в 2022 г. и был равен 663,1 руб.

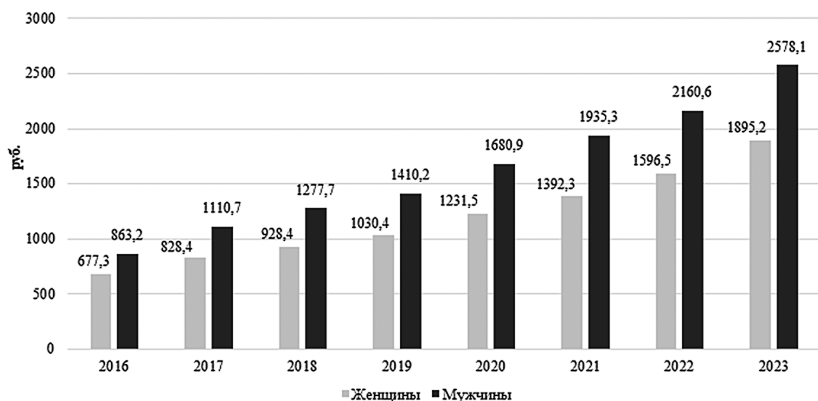

Рис. 3. Динамика номинальной начисленной средней заработной платы в Республике Беларусь за 2016–2023 гг.

Примечание: источник — разработка на основе данных [15]

Наиболее значительный гендерный разрыв в оплате труда наблюдается в высокооплачиваемых и технических отраслях. В Беларуси, например, в информационных технологиях и финансовой деятельности женщины зарабатывают в среднем на 20–30% меньше мужчин. В России аналогичная ситуация: в сфере финансов и страхования разрыв составляет более 35%, в сфере информационных технологий — около 30%.

При этом в традиционно «женских» отраслях, таких как образование и здравоохранение, разрыв несколько ниже, но все равно сохраняется. Это может быть связано с доминированием женщин на низших должностях и ограниченным доступом к административным и управленческим позициям.

В последние годы в Беларуси наблюдается умеренное снижение гендерного разрыва, в том числе благодаря государственным программам по продвижению гендерного равенства. В России, по оценкам экспертов, динамика снижения замедлилась, а в некоторых секторах разрыв даже увеличился [13].

Так что, несмотря на определенные достижения, как в Беларуси, так и в России сохраняется устойчивая система различий в оплате труда по гендерному признаку, обусловленная как структурными, так и дискриминационными факторами.

Перейдем к анализу Беларуси и России по индексам, рассмотренным в начале статьи.

Согласно данным отчета Global Gender Gap Report за 2021 г., Республика Беларусь занимает 33-е место из 156 стран ($GGI = 0,758$) по индексу гендерного разрыва.

Позиции Беларуси в ключевых областях: экономическое участие и карьерные возможности — 5-е место (лучший результат в регионе Восточной Европы и Центральной Азии); уровень образования — 41-е место; здоровье и средняя продолжительность жизни — 47-е место; политические права и возможности — 66-е место. В 2024 г. Беларусь спустилась на достаточное количество позиций, заняв 55-е место. Россия же в 2021 г. заняла 81-е место. Проанализировав данные по GGI, представим значения данного индекса по Беларуси и России в динамике на рис. 4.

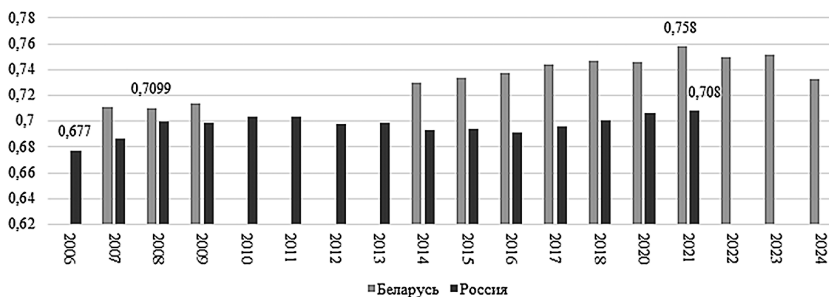

Рис. 4. Динамика индекса гендерного разрыва в Республике Беларусь и Российской Федерации за 2006–2024 гг.

Примечание: источник — разработка авторов на основе данных [15]

На рис. 4 видна положительная тенденция индекса гендерного разрыва. Максимальные значения, говорящие нам о лучшем положении стран исходя из позиции гендерного равенства, были отмечены в 2021 г. и равны 0,758 для Республики Беларусь и 0,708 для России. Видно, что на протяжении всего периода Беларусь показывала наилучшие результаты по сравнению с Россией. Худшие показатели для Беларуси и России были в 2008 и 2006 гг. со значениями 0,7099 и 0,677 соответственно. Все это говорит о положительной динамике в устранении гендерного неравенства в обеих странах.

Сравним показатели стран по четырем основным сферам общественной жизни, которые учитываются при расчете ИГР, со средними значениями по данным показателям по всем странам в 2021 г. на рис. 5 (после 2021 г. ИГР для России не рассчитывался).

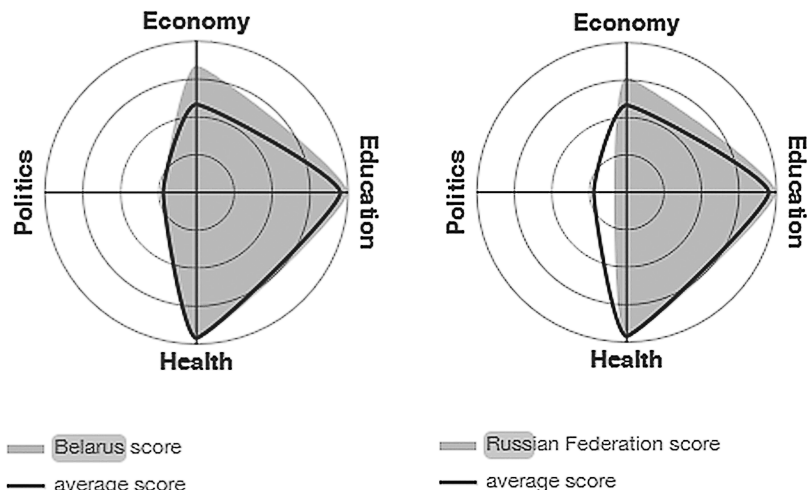

Рис. 5. Сравнение значений Республики Беларусь и Российской Федерации по четырем измерениям ИГР.

Примечание: источник — [3]

Можно отметить, что в России намного меньше уровень участия женщин в политике по сравнению с средним значением и значением Беларуси. Однако в Беларуси и России уровень участия женщин примерно на четверть превышает средний уровень по всем странам, что говорит о высокой вовлеченности женщин в экономику, но различия в зарплатах между мужчинами и женщинами все еще сохраняются. В России наблюдается похожая ситуация на рынке труда, особенно в отношении руководящих позиций. Обе страны демонстрируют высокие уровни образования женщин, причем в России существует незначительное преимущество по доле женщин с высшим образованием. Показатели здоровья женщин и мужчин схожи. Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни женщин в Беларуси более высокая.

Обобщим рассмотренные выше показатели в табл. 2.

Проведенный анализ позволяет выявить ключевые особенности гендерного неравенства на рынке труда и зафиксировать устойчивые тенденции, характерные как в глобальном контексте, так и для сравнения национальных рынков Республики Беларусь и Российской Федерации.

Таблица 3

**Сравнительный анализ Республики Беларусь и Российской Федерации
по показателям, характеризующим гендерное неравенство**

Показатель	Республика Беларусь	Российская Федерация	Комментарий
Уровень участия женщин в рабочей силе (2023 г.)	65,3%	56,3%	В Беларуси выше вовлеченность женщин на рынке труда
Средняя зарплата женщин (в % от мужской) (2023 г.)	73,5%	70,3%	В России более выражен разрыв в оплате труда
Доля женщин в парламенте (2019 г.)	34,5%	16,2%	В Беларуси политическое участие женщин выше
Распространенность вертикальной сегрегации	Высокая	Высокая	В обеих странах женщины редко занимают высокие должности
Индекс гендерного неравенства (ГИ) (2019 г.)	0,118	0,225	Ниже значение — меньше неравенства
Место в рейтинге ГИ (из 162 стран) (2019 г.)	31	50	Беларусь занимает более высокую позицию
Индекс гендерного разрыва (GGGI) (2021 г.)	0,758	0,708	Чем ближе к 1 — тем выше уровень равенства
Место в рейтинге GGGI (из 146 стран) (2021 г.)	55	81	Беларусь ближе к странам с высоким гендерным равенством
Основные проблемные области	Политика, стеклянный потолок	Политика, зарплаты, IT-сектор	В России проблемы более масштабны в экономике и политике

Примечания: источник — разработка авторов на основе данных [15, 16]; по каждому из показателей приведены последние обновленные данные, находящиеся в открытом доступе.

Во-первых, гендерное неравенство проявляется в различных формах: от горизонтальной и вертикальной профессиональной сегрегации до систематического разрыва в оплате труда и ограниченного доступа женщин к управленческим и высокооплачиваемым позициям. Эти различия обусловлены как объективными социально-экономическими факторами, так и устойчивыми гендерными стереотипами, а также институциональными барьерами.

Во-вторых, ситуация на рынке труда в Беларуси и России демонстрирует как общие черты (низкий уровень политического представительства женщин, выраженная сегрегация по отраслям и должностям), так и различия. Беларусь показывает несколько более позитивную динамику по ключевым показателям гендерного равенства — меньший разрыв в оплате труда, более высокий уровень участия женщин в экономике, а также лучшие позиции по международным индексам (GII и GGGI). Однако и в этой стране сохраняются проблемы неформальной занятости, недооценки женского труда и ограничения карьерного роста.

В-третьих, международные индексы GII и GGGI предоставляют наглядную и количественную оценку масштабов гендерного разрыва, что позволяет не только сопоставлять страны между собой, но и оценивать эффективность национальной гендерной политики. Результаты расчетов показывают, что, несмотря на формальное равенство прав, фактическое неравенство остается значительным, особенно в сфере экономических и политических возможностей.

Так что для обеих стран сохраняется актуальность формирования комплексной и системной политики, направленной на сокращение гендерного разрыва, устранение дискриминационных практик на рынке труда и поддержки равного участия женщин во всех сферах общественной жизни.

Источники

1. Кейзик А. С. Гендерное неравенство на современном этапе развития общества // Символ науки. — 2015. — № 7-2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernoe-neravenstvo-na-sovremennom-etape-razvitiya-obschestva> (дата обращения: 24.04.2025).

2. Алебастрова И. А. Гендерное равноправие и гендерные привилегии: цели и средства // СКО. — 2015. — № 1 (104). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernoe-ravnopravie-i-gendernye-privilegii-tseli-i-sredstva> (дата обращения: 24.04.2025).

3. Программа развития ООН, 2023 [Электронный ресурс]. — Минск, 2025. — URL: <https://www.undp.org/ru/belarus> (дата обращения: 25.03.2025).

4. Вайкок Э. Г. Гендерный аспект трудовой культуры // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2008. — № 8. — С. 290–295.

5. Дадожанова М. Ш. Проблема гендерного неравенства на рынке труда в рамках современной экономической теории // Вестник ТГУПБП. — 2019. — № 1 (78). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-gendernogo-neravenstva-na-rynke-truda-v-ramkah-sovremennoy-ekonomicheskoy-teorii> (дата обращения: 24.04.2025).

6. Rubery J. Women and work in the UK: the need for modernisation of labour market institutions // Women and Employment: Changing Lives and New Challenges / Ed. by J. Scott, S. Dex, H. Joshi. — Cheltenham: Edward Elgar, 2008. — P. 289–312.

7. Blau F. D., Kahn L. M. The Gender Wage Gap: Extent, Trends, and Explanations // Journal of Economic Literature. — 2017. — Vol. 55, no. 3. — P. 789–865. — DOI: 10.1257/jel.20160995.

8. Reskin B. Sex Segregation in the Workplace // Annual Review of Sociology. — 1993. — Vol. 19. — P. 241–270. — DOI: 10.1146/annurev.so.19.080193.001325.

9. Coré F. The Continuing Saga of Labour Market Segregation // OECD Observer. — 1999. — No. 216. — P. 42–43.

10. Гневашева В. А. Гендерная сегрегация рынка труда: современные тренды // РЭиУ. — 2023. — № 2 (74). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-segregatsiya-rynka-truda-sovremennye-trendy> (дата обращения: 24.04.2025).

11. Риджвей К. Л. Конструкции гендера: как гендерное неравенство сохраняется в современном мире. — Оксфорд: Oxford University Press, 2011. — 256 с.

12. Коттер Д., Хермсен Дж., Овадия С., Ваннеман Р. Эффект «стеклянного потолка» // Social Forces. — 2001. — Т. 80, № 2. — С. 655–681.

13. Международная организация труда (МОТ). Женщины и мужчины на неформальном рынке труда: глобальный обзор. — Женева: МОТ, 2018. — 132 с.

14. Гостенина В. И., Кейзик А. С. Индекс гендерного неравенства: методика расчета и реализация // Среднерусский вестник общественных наук. — 2016. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/indeks-gendernogo-neravenstva-metodika-rascheta-i-realizatsiya> (дата обращения: 24.04.2025).

15. Гендерная статистика, 2024 [Электронный ресурс]. — Минск, 2025. — URL: <https://gender.belstat.gov.by/economics/> (дата обращения: 24.04.2025).

16. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2024 / Стат. сб.: Росстат. — М., 2024. — 152 с.

Сведения об авторах

Сошникова Людмила Антоновна,

доктор экономических наук, профессор,
Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Республика Беларусь,
ludmila_sosh@mail.ru

Овсенко Валерия Александровна,

ведущий специалист управления статистики окружающей среды
Главного управления статистики сельского хозяйства и окружающей
среды, Национальный статистический комитет Республики Беларусь,
Минск, Республика Беларусь,
lerov2707@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 28.08.2025;
поступила после рецензирования и доработки: 17.02.2026;
принята к публикации: 14.04.2026.

SOSHNIKOVA L. A.¹, OVSEENKO V. A.²

¹ Belarus State Economic University,
Minsk, Republic of Belarus

² National Statistical Committee of the Republic of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus

GENDER INEQUALITY ON THE LABOR MARKET: MEASUREMENT ON DATA FROM RUSSIA AND BELARUS

Abstract: This article examines gender inequality and the methodology for measuring it using the Gender Inequality Index and the Global Gender Gap Index (GGGI) within the framework of a sociological approach to the labor market. The index's construction methodology is discussed, and calculations based on data from the Russian Federation and the Republic of Belarus are presented. It concludes that the status of men and women in both countries reflects both the global trend of gender inequality and the specific features of the post-Soviet socioeconomic model.

Keywords: labor market, gender inequality, Gender Inequality Index, Global Gender Gap Index (GGGI), methodology, indicators, measurement, Republic of Belarus, Russian Federation

For citation: Soshnikova L. A., Ovsenko V. A. Gender inequality on the labour market. GGGI Index and It's Application on Data from Russia and Belarus. *St. Petersburg Sociology Today*. 2026. Vol. 18. No. 2. P. 7–27. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.rg8g-d911; EDN: LHTPPD

References

1. Keizik A. S. Gender Inequality at the Present Stage of Social Development. *Simvol nauki* [Symbol of Science], 2015, no. 7-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernoe-neravenstvo-na-sovremennom-etape-razvitiya-obschestva> (access date: 24.04.2025). (In Russ.)
2. Alebastrova I. A. Gender Equality and Gender Privileges: Goals and Means. *SKO*, 2015, no. 1 (104). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernoe-ravnopravie-i-gendernye-privilegii-tseli-i-sredstva> (access date: 24.04.2025). (In Russ.)
3. United Nations Development Programme. (2023) *United Nations Development Programme* [Electronic Resource]. Minsk, 2025. URL: <https://www.undp.org/ru/belarus> (access date: 25.03.2025).
4. Vaikok E. G. Gender Aspect of Labour Culture. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya [Bulletin of Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies], 2008, no. 8, pp. 290–295. (In Russ.)
5. Dadozhonova M. Sh. The Problem of Gender Inequality in the Labour Market within the Framework of Modern Economic Theory. *Vestnik TGUPBP* [Bulletin of TSULBP], 2019, no. 1 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-gendernogo-neravenstva-na-rynke-truda-v-ramkah-sovremennoy-ekonomicheskoy-teorii> (access date: 24.04.2025). (In Russ.)
6. Rubery J. *Women and Work in the UK: The Need for Modernisation of Labour Market Institutions*. In: Scott J., Dex S., Joshi H. (eds.) *Women and Employment: Changing Lives and New Challenges*. Cheltenham, Edward Elgar, 2008, pp. 289–312.
7. Blau F. D., Kahn L. M. The Gender Wage Gap: Extent, Trends, and Explanations. *Journal of Economic Literature*, 2017, vol. 55, no. 3, pp. 789–865. DOI: 10.1257/jel.20160995.
8. Reskin B. Sex Segregation in the Workplace. *Annual Review of Sociology*, 1993, vol. 19, pp. 241–270. DOI: 10.1146/annurev.so.19.080193.001325.
9. Coré F. The Continuing Saga of Labour Market Segregation. *OECD Observer*. 1999, no. 216, pp. 42–43.
10. Gnevasheva V. A. Gender Segregation of the Labour Market: Modern Trends. *REiU* [Russian Economics and Management], 2023, no. 2 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-segregatsiya-rynka-truda-sovremennye-trendy> (access date: 24.04.2025). (In Russ.)
11. Ridgeway C. L. *Framed by Gender: How Gender Inequality Persists in the Modern World*. Oxford, Oxford University Press, 2011, 256 p.
12. Cotter D., Hermesen J., Ovadia S., Vanneman R. The Glass Ceiling Effect. *Social Forces*, 2001, vol. 80, no. 2, pp. 655–681.
13. International Labour Organization. *Women and Men in the Informal Economy: A Statistical Picture*. Geneva, ILO, 2018, 132 p.
14. Gostenina V. I., Keizik A. S. Gender Inequality Index: Calculation Methodology and Implementation. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences], 2016, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/indeks-gendernogo-neravenstva-metodika-rascheta-i-realizatsiya> (access date: 24.04.2025). (In Russ.)
15. *Gender Statistics*. (2024) [Electronic Resource]. Minsk, 2025. URL: <https://gender.belstat.gov.by/economics/> (access date: 24.04.2025).
16. Rosstat. Labour Force, Employment and Unemployment in Russia: Based on the Results of Sample Labour Force Surveys. *Statistical Yearbook*. Moscow, Rosstat, 2024, 152 p. (In Russ.)

Information about the authors

Lyudmila Antonovna Soshnikova,

Doctor of Economics, Professor,
Belarus State Economic University,
Minsk, Republic of Belarus,
ludmila_sosh@mail.ru

Valeria Aleksandrovna Ovseenko,

Leading Specialist, Department of Environmental Statistics,
Main Directorate of Statistics for Agriculture and the Environment,
National Statistical Committee of the Republic of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus,
lerov2707@gmail.com

Received: 28.01.2026;

revised after review: 17.02.2026;

accepted for publication: 14.04.2026.

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.g916-8674

EDN: IAMFGE

УДК 323.2-055.2:316.647.8

КАРИНА СЕРГЕЕВНА БАБУРИНА

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Санкт-Петербург, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН-КАНДИДАТОВ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ МЕКСИКИ)

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию психологического насилия в отношении женщин-кандидатов на мексиканских выборах в 2024 г. Анализируется научная литература в области политологии и социологии, которая рассматривает подходы к изучению политического насилия в отношении женщин и контекст Мексики. Ключевым подходом становится подход НОЖ (насилие в отношении женщин), потому что именно он определяет роль гендера в проблеме и предлагает типологию насилия, включающую психологическое. Данное исследование дополняется также применением теорий гендерных стереотипов и амбивалентного сексизма, которые позволяют объяснить роль женщины в политике и ее восприятие обществом. Для проведения эмпирического исследования был применен метод качественного контент-анализа текстовых и визуальных публикаций пользователей социальных сетей о женщинах-кандидатах. В результате исследования выявлено, что «символическое насилие» (в трактовке П. Бурдьё) в отношении женщин-кандидатов на мексиканских выборах проявилось в онлайн-среде — в текстовых и визуальных инструментах, а также воспроизводилось через враждебный сексизм и гендерные стереотипы.

Ключевые слова: психологическое насилие, политическое насилие, подход НОЖ, выборы, Мексика

Ссылка для цитирования: Бабурина К. С. Психологическое насилие в отношении женщин-кандидатов в электоральном дискурсе (на примере Мексики) // Петербургская социология сегодня. — 2026. — Т. 18. — № 2. — С. 28–55. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.g916-8674; EDN: IAMFGE

Introduction

The problem of political violence against women is very serious and has been on the agenda in Latin America and the Caribbean for years. According to the GIWPS (Georgetown Institute for Women, Peace and

Security) statistics, Latin America and the Caribbean region became the worst in the absence of security and political violence against women in 2023¹. In addition, the Latin culture of ‘machismo’ and ‘marianismo’ strengthens the social roles of men and women, subordinating the latter and reinforcing the hypermasculinity of the former. The issue is particularly aggravated in Mexico, where the level of violence becomes higher during elections, as there were more than 500 political candidates’ assassinations for 20 years [1]. Indeed, Mexico has laws that criminalise violence against female politicians and defend their political rights, for example, there is law “Parity in Everything” that mandates equal numbers of seats for women and men in politics since 2019 [2]. Also, in 2023, Mexico adopted “Regional Declaration on the Eradication of Gender Stereotypes in Public Spaces that Translate into Symbolic Violence and Political Gender-Based Violence”². Despite existing measures in Mexico to regulate and criminalise violence against women, violence still remains high in elections and women are often discriminated against and excluded from politics. A relevant example is the recent 2024 Mexican election, in which at least two female presidential candidates were attacked by male politicians and the public [3].

This leads to the phenomenon of political violence against women (VAW), which states that the violence perpetrated against women is done to exclude them from the political sphere [4]. Although there are a sufficient number of approaches to the study of this phenomenon, such as the Traditional Political Violence approach and Intersectionality, the present analysis favours the VAW approach. The latter offers a clear typology of violence that distinguishes not only physical and sexual violence, but also psychological one [5]. Psychological violence aims to demoralise and discredit women in politics through insults, ridicule and the creation of fake information [6]. Today, social networks play a significant role, and psychological violence against women is particularly prevalent in these networks. Thus, everything that is written above leads to the main research question — how has psychological violence against women candidates been used in 2024 Mexican elections? The relevance of this study is both that female candidates subjected to psychological violence more, and they do not have legal protection, and the particular growing role of ICTs and the virtual environment, in which the spreading of misinformation leads to the psychological pressure on women [7]. In addition, the recent Mexican

¹ “Security,” GIWPS, October 20, 2023, <https://giwps.georgetown.edu/index-dimension/security/>.

² “Measures | UN Women Data Hub,” UN Women, 2023, <https://data.unwomen.org/global-database-on-violence-against-women/country-profile/Mexico/measures>.

election in 2024, where violence is high, as previously noted, is the first time a woman became a president, although she was also under pressure. This also adds to the relevance of the study because there is lack of research on the topic of violence against women in the Mexican elections in 2024. Therefore, the focus here is on psychological violence against women candidates. The research subject is tools and forms of psychological violence used against women candidates in the social network X¹ during Mexican elections, the aim is to identify those tools and forms.

Approaches to Study Political Violence against Women

In order to observe psychological violence and how it is used against women candidates, first, it is necessary to understand political violence against women itself and what approaches to studying this phenomenon exist. It is worth starting with the Traditional Political Violence Approach, which is rarely called as such in research papers on political violence, but is by default assumed to be so. This name for the approach is mentioned by Gabrielle Bardall, Elin Bjarnegard and Jennifer Piscopo (2019), who in their work on gendered political violence distinguish studies of political violence into those that are gendered and those that are not. These authors identify the main features of this approach: timing, actors, motives, etc. [8]. First, scholars of the Traditional Approach usually study events during elections and after elections, i. e., “election-related violence or post-election violence” [8]. Gianmarco Daniele and Gemma Dipoppa, in their article on Italian electoral violence, also address this periodisation of political violence adopted within the Traditional Approach. They propose periods before election and after, as the first one is used “to minimize the adverse selection of politicians” and the second one is used “to minimize the moral hazard from politicians” [9]. In any case, this leads to the general concept of electoral violence, which aims to change and/or influence the outcome of elections. Within electoral violence, in addition to the standard periods of violence (pre- and post-election), for example, Kristine Höglund (2010) distinguishes one more — “the day or days of the election,” Second, The motive within electoral violence is obvious — it is to influence the electoral process. But Höglund would not agree with such point; she calls influence on the electoral process the purpose of violence, and the motives, she says, can range from reluctance to hold elections to protesting against the existing authorities [10]. Third, within electoral violence, forms of political violence, vary with the targets, at whom

¹ Banned on the territory of the Russian Federation.

or against what the violence is directed [10]. Höglund (2010) identifies four targeting groups: electoral stakeholders, electoral information, electoral facilities, and electoral events; and activities can range from intimidation of electoral stakeholders to political assassination, and tactics are chosen according to the goal. Francisco Gutierrez-Sanin and Elisabeth Jean Wood (2017) also consider violence, but do not focus on electoral violence, rather on mass and organised violence that may not only be directed at politicians; however, they also promote the idea of a diversity of repertoires (forms of violence), from homicide to forced displacement. Because of this diversity of activities, researchers of the Traditional Approach work with quantitative data, as cases are well recorded and captured very often in large databases such as the ACLED. However, it is difficult to collect data on political violence directed at women, which Conway Henderson also criticises, because this approach excludes gender and “privileges men’s experiences.” [8, 11].

There is another, but no less important, approach to the study of this phenomenon, which is called Violence against Women Approach (VAW). Other names can also be encountered, such as Violence against Women in Politics Approach (VAWIP) or Electoral Violence against Women Approach, which is more specific to the type of violence used against women. Authors such as Mona Lena Krook and Juliana Restrepo Sanin define the VAWIP “as the physical and psychological aggressions deployed by party bosses and other actors, in order to resist women’s presence and role in public life” [4]. These authors, studying the specificities of the phenomenon in Latin American countries, also give the example of an existing Law 238 in Bolivia called Political violence and political harassment towards women (*i. e. Violencia política y acoso político hacia las mujeres*) [5]. The law defines specific acts of ‘political harassment’ and ‘political violence’ and indicates that the actions taken “target women as women to leave politics by pressuring them to step down as candidates or resign a particular political office” [5]. Thus, the definitions that form the concept of violence indicate — firstly, violence is gendered and directed at women because they are women; secondly, the goal is to exclude women from politics; thirdly, the forms of violence used are also partially mentioned. In fact, in order to define gender-based violence, at least one of the important elements (gendered motive, form, or impact) must be present in an act of committed political violence. In other words, political gender violence may be directed (*motive*) at maintaining gender roles in politics; it may take a *form* that is used against a particular gender (e. g. rape often aims to undermine a woman as a woman, a mother, a wife and/or a politician);

the act of violence committed may be interpreted (*impact*) according to the gender of the person it was directed against [8].

Although the focus on gender bias in this approach is criticised by some researchers. For example, Jennifer Piscopo fully disagrees with the work of Mona Lena Krook and Restrepo Sanín, saying that the approach overlooks the context of Latin America, which calls into question the gendered nature of violence. In her opinion, the categorisation of VAWIP proposed by the founders of this approach fails to address an issue of violence because of its framing. In the author's view, this approach institutionalises sexism, which undermines women's political rights and, as a consequence, makes it more difficult for legal response [4]. Mona Lena Krook (2020) identified the following types of violence: *physical violence* (includes a wide range of physical impacts on a person); *psychological violence* (harms a person's psychological state and health); *sexual violence* (is an unwanted impact on a person's sexuality); and *economic violence* (places financial hardship and control over a person). While it's debatable, Krook (2020) singles out *semiotic violence*, or *symbolic violence*, which includes the use of visual, symbolic, textual and other means aimed at subjugation and harm. Looking at this typology, it is difficult to clearly define acts of violence as gender-based, as they can equally apply to male politicians. In such a case, then, it is worth referring to the scheme of Bardall et al. according to which gender-based violence becomes such if the motive, form or perception has a gendered aspect and is directed specifically against women.

Psychological Violence against Women

Political violence has a typology or type of activity directed against women politicians. Among them, it is worth noting psychological violence, which can also be called as symbolic or semiotic violence. To understand the gist of psychological violence, it is better to turn to Mona Lena Krook as she has described in detail all types of gendered violence. Initially, Krook (2017) described the types of violence in an article "Violence Against Women in Politics", within which she distinguished psychological and symbolic violence. She claimed that "psychological violence entails hostile behavior and abuse intended to cause emotional damage," while symbolic violence means "abuse and aggression at the level of portrayals that seek to deny women's competence as political actors" [7]. That is, among psychological violence there are threats, stalking, destruction of the reputation of a female politician, etc., and symbolic violence is only about images that undermine a woman's reputation stand out. Importantly, Krook's definition of symbolic

violence is not entirely complete since images that portray a woman as a sexualised object and/or undermine her reputation cause psychological and emotional damage to the victim, i. e., psychological violence itself. In addition, the actions that Krook identified as psychological violence can essentially include the same negative images directed at women, as this is associated with stalking, threats, and reputation. Thus, it is inappropriate to present these two types of violence as separate from each other. Significantly, later in her own book on political violence against women, Krook kept these two types of violence separate, but changing the name symbolic violence to semiotic one. The author expanded the forms of psychological violence to include not only threats, harassment, etc., but also illegal interrogations, bullying, “cancellation” campaigns, and others; she also added that violence could be carried out in a virtual environment, i. e., on social networks, by phone, and by mail (Krook 2020). And the level of online abuse, according to the IPU’s report, is one of the highest, and female politicians deal with it by blocking and deleting social networks [6]. As for semiotic (symbolic) violence, the author explained it much more than in her previous work. First, it expanded the forms of this violence from images to words and body language, in fact to anything in which a certain narrative of the humiliation of women can be found [6]. Secondly, the actions are aimed at shaping public opinion, i. e. *gendered impact*, as Bardall wrote. The goal is to eliminate women from politics and to emphasize that women in politics do not correspond to their intended social role [6]. In fact, semiotic violence can be represented in all forms of violence, especially in psychological one, because they have the same goal — to demoralize and humiliate a woman. Therefore, it is worthwhile to combine these two concepts, as Bardall (2013) did, “informal means of control [and] includes systematic ridicule, ostracism, shame, sarcasm, criticism, disapproval, exclusion and discrimination.”

Returning to the idea that psychological violence occurs also in the virtual online environment, Information and Communication Technologies (ICTs) play a crucial role in the latter. These technologies can be used “as a tool of intimidation by threatening or inciting physical violence against women candidates, voters or representatives” [12]. Defining violence in online, Shazia Akhtar and Catriona M. Morrison also note that abuse occurs on the basis of religion, gender, race, political beliefs, and includes “one form of online threatening behaviour” [13], which only confirms the Krook’s definition of psychological violence. These ICTs are one of the simplest ways to discredit a politician — firstly, because there is no law or punishment for this, and secondly, it is the most accurate way to convey information to the masses. The question is not whether women or men

are more subject to online abuse, the problem is that male politicians are more likely to be attacked because of their policies, and female politicians are more likely to be attacked because they are women [13]. When such violence is directed at women, it is called “online/digital misogyny” or “online violence against women in politics (OVAWP)”, and usually it “takes the form of gendered and sexualised attacks on their appearance or character that objectify, belittle, and disrespect them” [13]. At the same time, there are researchers like Louise Richardson-Self who distinguished between misogyny and sexism, which significantly influences the theoretical framework and conceptualisation of the phenomenon. She noted that sexism is “the subordination of women as a group to men as a group” and it is accompanied by stereotypes about women, whereas misogyny divides women into “good” and “bad” according to social roles, and marginalises the latter [15]. Therefore, it is not worth generalising online abuse as misogyny. Anyway, the exclusion of women from the political sphere is the goal of violence through discrediting them and thereby causing moral harm in the online environment, which is psychological violence. However, in the question of forms of online (psychological) violence, we need to turn to semiotic violence: words, pictures, body language. All of this is also used in the online environment, it just has slightly different names, for example, hate speech, misogyny, or deep-fakes. The most common form of abuse is hate speech on social platforms such as the X¹ (earlier Twitter) and Facebook². Gabrielle Bardall also notes the significant role of X (Twitter), as it is the short and ridiculous posts there that represent violence against women and are quickly reposted [12]. So, as Louise Richardson-Self (2018) mentioned, hate speech is used to “silence, malign, disparage, humiliate, intimidate, incite violence, discriminate, vilify, degrade, persecute, threaten.” As for visual materials, Eleonora Esposito (2023) claimed that it is characterised by “image manipulation and false identity attribution” which represented in the distribution of false and, usually, sexualised photos of women. Progress in AI technology plays an important role, as it allows making AI-generated fake photos and video. Another name for this is “deepfakes”, which are generated photos or videos with “famous figures whose face have been believably mapped onto the bodies of others, engaging in pornographic or sexually explicit acts” [7]. The dissemination of deepfakes may have the potential to destabilise the political situation, change electoral votes, etc., and is also a major threat to female politicians as it undermines their professionalism

¹ Banned on the territory of the Russian Federation.

² Banned on the territory of the Russian Federation. Belongs to Meta Corporation, whose activities are recognized as extremist and banned in Russia.

and privacy (Soto Santana 2022). Summing up, psychological and semiotic violence in the online environment should be considered as a single concept, which has one goal — to cause moral damage to women and push them out of politics. ICTs contribute to the spread of violence in its various forms, the most common are short hate speeches and deepfakes.

Context of Latin America and the Caribbeans

The Latin American region is quite violent and unsafe towards women, as GIWPS statistics show³. However, countries in the region have been working to improve the status of women for several decades. The history of the struggle dates back to 1981, when the first meeting of feminists and human rights activists took place in Bogotá, during which the problem of violence against women was recognized and discussed (Sagot 2008). But it was not until more than a decade later that this problem was recognized internationally. In 1993, a world conference was held in Vienna, the result of which was the creation and recognition of a UN declaration signed by many states [16]. The declaration, which was called “Declaration on the Elimination of Violence Against Women (DEVAW)”⁴, for the first time, established the responsibility of the state for the violence against women that occurs. Probably the consequence of this declaration was the reaction of the Latin region, in which this violence is so great. A year later, in 1994, the Inter-American Convention (or in other words the Belém do Pará Convention) was concluded, which also made states responsible for crimes against women and obliged them to take measures to combat violence⁵. Femicide, the horrific murders of women because they are women in the 2010s that led to its subsequent criminalization, played a major role in the fight for women’s rights. Despite the long process of criminalisation of femicide, at least 17 countries in the Latin region have laws on the subject [17]. In fact, 13 types of femicide have been established by the Latin American Protocol [18]. In addition, women’s political freedom, which had been limited for centuries in the region, was also put on the agenda. Thus, Colombia became the first country in the region to begin addressing the

³ “Security,” GIWPS, October 20, 2023, <https://giwps.georgetown.edu/index-dimension/security/>.

⁴ UN General Assembly, “Declaration on the Elimination of Violence against Women,” 1993.

⁵ Organization of American States (OAS), “Inter-American Convention on the Prevention, Punishment and Eradication of Violence against Women (“Convention of Belem do Para”),” 1994.

problem of political violence since the 2000s, but in fact, the law was only passed after the murder of local councilwoman Juana Quispe [5]. Bolivia's Law 234 criminalised political violence and harassment against women, and defined the first one as "acts and/or threats of physical, psychological, or sexual violence, aimed at shortening, suspending, impeding, or restricting the exercise of a woman's political position, or inducing a woman, against her will, to commit an act or fail to do something related to her political mandate." [5, 19]. Subsequently, women politicians in a number of countries have begun to propose bills on political violence: in 2012 in Mexico it was proposed by senator Lucero Saldaña, in 2013 in Peru and Costa Rica it was by congresswoman Verónica Fanny Mendoza Frisch and deputy Pilar Porras Zúñiga respectively [5]. In addition to protecting women from political violence, states have been increasing women's representation in government since the 1990s. The most common initiative was the quota law, which allocates a certain number of seats to women in parliament or government. Most Latin American countries, including Brazil, Colombia, Mexico, etc., have a quota law with about 25–20 per cent of seats for women [20]. Despite the criticism of this law by authors such as K. Wylie, D. Marcelino, and P. Santos (2019) because of existing schemes to manipulate quotas (as in Brazil), other authors such as M. Buvinic and V. Roza (2004) argue that the laws are effective because they allow educated women to enter politics. Thus, the Latin American region has shown itself to be committed to combating severe violence against women, and is constantly developing laws to protect women in all spheres of life, including politics.

Even despite the relevant work in the field of protection of women and their social, political, economic and other rights, the level of violence remains high. The debate on the cause of the existing violence against women is focused on the historical-social factor and the unworkability of laws and the state. In terms of the failure of existing laws to address the problem, it is worth noting the high level of impunity, especially in electoral violence where cases are not heard by a criminal court [4]. Also, as other authors add, the failure of laws (including quotas) lies in sexist thinking [21]. Violence against women is the result of several factors such as: social norms, male material domination and cultural conceptions of masculinity [22]. In other words, violence is at the heart of socially constructed reality, in prescribed and shaped gender-behavioural scripts. In Latin American culture, there is a term 'machismo' that refers to macho men who treat women badly [23]. Ashley Rogers (2019) also supports this notion and explains it as "hypermasculinity and aggression." That is, machismo culture perpetuates the idea of patriarchy and aggressive and violent behaviour

towards women, which is a consequence of the region's colonial past and the unequal treatment of women. Another Latin American term 'marianismo' is added to this culture. Despite the more religious characterisation of the term, referring to Our Lady of the Virgin Mary, in modern reality the term stereotypes the image of a woman, the opposite of the 'macho' image of a man. As Evelyn P. Stevens (1973) noted, the term characterises Latin woman as semi-divine (i. e. ideal), self-denying and sacrificial; Ana Marina Tzul Tzul and Serena Cosgrove (2022) added that woman, according to this belief, should be submissive and suffer. Thus, the dichotomy of machismo and marianismo reinforces the images of men and women in society and their gender hierarchy, which is subsequently institutionalized and exists in everyday practice. The Latin American context, where violence and the struggle for women's rights coexist, provides good background for understanding Mexico as a country that is part of this region.

Case of Mexico

There are a number of factors why Mexico is unsafe. First, for a very long time, law enforcement and judicial authorities were unable to reduce violence due to institutional problems such as lack of resources, corruption and inefficiency [24]. It is also noted that after 2000, political assassinations remained unpunished. Secondly, drug smuggling has also played an important role in political processes and beyond. Attempts to fight drug cartels led to even more mass killings that law enforcement agencies could not prevent and punish. It is important that the killing of political candidates still persists, for example, about 48 candidates were killed in the 2018 elections [25]. This means the difficult electoral culture in Mexico.

When it comes to women and their participation in politics, it is worth noting that women received full political rights in 1953, and in 1974 men and women were legally recognized as equal [26]. And while Mexico has made strides in women's political representation today, Mexican women have had a difficult struggle in this area and still face violence to this day. Many studies provide the following statistics on women's representation in government bodies up to 2018: a woman was not a president (although there were candidates), a woman became governor only 9 times, only 23 women were in the 236-member cabinet, etc. [27]. These figures only confirm the difficulty of women entering politics and point to the existing obstacles. Alberto Espejel Espinoza and Mariela Díaz Sandoval identify four levels at which women in Mexico may encounter violence: in the party, in the electoral process, in the executive and legislative branches [26]. When it

comes to the party, it is important to remember that until 2014, the party actually decided everything, and for example, presidential elections and other positions were exclusively nominated by the party, which suggests possible internal restrictions for women. Women in executive and legislative positions also face political harassment and any other form of violence in the workplace. During the electoral process, women also face pressures, both in competing with other candidates and parties that exert pressure against own female candidates.

To move on to laws on equal representation in politics, it is worth noting first the main national laws on gender equality in Mexico. Since 2006 General Law on Equality between Women and Men (*Ley General para la Igualdad entre Mujeres y Hombres*) is to “guarantee equality between women and men in public and private spheres and to promote the empowerment of women”¹. In fact, the law obliges the state to create programs and other laws to make gender equality in all spheres of life, i. e. it holds the state responsible for existing inequality and discrimination against women. A year later, in 2007, another General Law on Women’s Access to a Life Free of Violence (*Ley General de Acceso de las Mujeres a una Vida Libre de Violencia*) was also introduced that defined violence against women in the public sphere, namely in the workplace, and banned all forms of this violence. As for quotas, gender equality in political representation took a long time: from 1996, when the Code of Political Parties (*Cofipe para que los partidos*) provided for no more than 70% of candidates of the same sex to be nominated [26]; until 2019, when an amendment to the Constitution was approved, the law called “Parity in Everything” (*“Paridad en todo”*), implying the representation of 50% women and 50% men [2]. Also, the Chamber of Deputies in 2017 approved and included “political violence against women” in several legal systems, namely: in the General Law on Electoral Institutions and Procedures (*la Legipe*), in the General Law on Political Parties (*la Ley General de Partidos Políticos*), in the General Law on Electoral Offences (*la Ley General en Materia de Delitos Electorales*) and in the General Law on the Electoral Disputes System (*la Ley General del Sistema de Medios de Impugnación en Materia Electoral*) [26]. The reason for these changes was the repeated pressure and violence against women, the purpose of which was to prevent women from gaining power. Although women were given political rights in the 20th century and had the right to participate in politics, the very idea of a woman having power and governing somewhere was unacceptable

¹ Natividad Cárdenas Morale, “Mexico Case Study: Gender Equality and Women’s Empowerment in Public Administration” (UNDP, 2012), <https://www.undp.org/>.

to society and some male politicians. In Mexico, similar to Brazil, there was a method of circumventing quotas. This phenomenon was called “Las Juanitas” (or “Las Juanitas de San Lázaro”) and involved replacing women in the Chamber of Deputies with men, with women giving up their seats for their brothers, husbands, friends, and colleagues [27]. The same story repeated itself in 2018, when the phenomenon was called “Las Manuelitas” (or “Las Manuelitas de Chiapas”), because local women deputies were also forced to give up their seats because of men deputies [27]. In fact, such situations only prove the A. Espejel Espinoza and M. Díaz Sandoval’s idea that women face political pressure both during and after elections.

However, despite the struggle for women’s representation in politics and the introduction of the concept of political violence into laws, there also remained an external threat against women, which was particularly acute during elections. Illegal drug trafficking schemes and existing drug cartels had a direct role in organising crimes against politicians. Women politicians were no exception to the victims of their crimes. In 2018, during the Mexican Drug War, women politicians (and their relatives) suffered a lot. In addition to the 110 politicians murdered overall, there was also an increase in sexual assaults with female candidates for president, governor, etc. [26]. At the same time, Víctor Antonio Hernández Huerta (2020) examined the killings of candidates in 2018 and concluded that the killings occurred mainly in the most criminal municipalities, where there was a need for a criminal gang to put pressure on a candidate; and against candidates who are least protected from attacks. It is worth noting that the author does not specifically draw conclusions about gender influence in the killing, but it should not be forgotten that existing forms of violence (such as rape) are usually used against women.

Theoretical Framework

Gender Stereotypes

Theories of stereotyping are different as they are used in different studies, namely, in political science, psychology, sociology, and etc., in this paper the theory of stereotyping is used with the help of socio-cultural approach. Within the framework of this approach, it is stated that society and culture influence the process of stereotyping, producing and legitimising it [28]. In addition, the theory of social roles points to the role of stereotyping, which assigns social roles to people [28]. There are social roles in society that dictate people’s behavior. Very often, these roles are determined by gender, which

can be defined as “the set of rules established socially for each sex” [29]. In the framework of the social psychological theory, gender is especially important because it shapes the reality of the relationship between men and women and their roles in society [30]. When one talks about stereotypes, it should be understood that regardless of the theory of stereotyping, any of them indicates the mutual perception and definition of another group and one’s own (i. e. “self” and the “other”). As Lippman noted, stereotypes are necessary within the broader social world; other authors such as Backman and Stewart have also noted that stereotypes can be “general expectations” about a person and/or based on the personal perception of another [31]. It is gender stereotypes that are among the most persistent [32].

Despite the long-term exclusion of women from politics, they currently have significant representation in this field, although not in all countries. However, politics is not a place where there are no gender stereotypes, rather, on the contrary. Stereotypes can be both descriptive and prescriptive, i. e. they are a tool for evaluating what a man or woman should be like and whether he corresponds to his role [32]. If we transfer this to the sphere of politics, it means that a woman or a man will be evaluated by voters and rivals according to their gender characteristics and how they correspond to them. It is argued that if a woman does not match the “feminine” qualities, then she is more likely to be less attractive as a candidate [33]. At the same time, it is worth considering that politics is considered a men’s sphere in which “masculine” qualities prevail and are encouraged, which creates a contradiction for women. So, it is necessary to define gender stereotypes (qualities) of men and women in politics:

- As for men, they are defined as people who are suitable for agent roles and whose expected priorities are work and personal tasks [34]. Men are usually characterised as competent, national, determined, assertive, aggressive, and tough (i. e., the best for politics) [35]. It should also be noted that it is believed that a man is good in certain areas of politics — economics, crime, defence and foreign policy [36]. As for Latin American men, they are characterised by hypermasculinity, i. e. qualities such as aggressiveness, dominance and rigidity are enhanced.

- As for women, they exist for a community and to care for others (including family) [34]. That is why it is believed that women are the most competent in social policy, demography and child protection, since this is associated with the role of housewife and mother [36]. A woman is characterised by such qualities as warmth, tenderness, passivity, affectionateness, responsiveness, beauty, etc. (i. e. not so good for

politics) [35]. Within Latina American marianismo, the woman is presented as more feminine and hardy.

As noted earlier, a woman is in a difficult position in the political sphere: 1) she must conform to the social role that society prescribes for her; 2) her “feminine” characteristics may not be the most suitable for politics. So, Tatiana Riabova’s research on gender stereotypes in Russian politics shows that voters usually prefer politicians with more “masculine” qualities, namely intelligence, honesty, responsibility, decisiveness, activity, etc. [28]. In general, people still consider politics as a male sphere. And if one pays attention to the policy areas that are divided into male and female, one can also realise a gender barrier to the representation of women in higher political positions [28]. Accordingly, it can be concluded that if a woman tries to get a higher position, for instance, the position of president or governor, she probably will meet more resistance from society, as she will not be as good as a man, or, on the contrary, she will have the qualities of a man and will not fulfil her social role of a woman.

Accordingly, a woman is not excluded from politics, but rather included in it. However, despite existing research suggesting that a candidate’s gender does not play a role in elections, or that a woman who exhibits more masculine personality traits becomes preferable as a candidate, it is worth paying attention to the context and conditions of the country in which the elections are taking place. Mexico has a strong dominant culture of machismo and marianismo, where men and women share gender roles. Accordingly, we should expect that gender stereotypes matter in elections. Previously, it was argued that psychological violence has various forms and its purpose is to inflict moral damage on a woman (undermine her personality and authority as a candidate and a woman) and oust her from politics. One should expect that gender stereotypes will play a significant role in psychological violence, i.e. one should expect statements and/or visual material addressed to a female candidate that characterises her not as warm and sympathetic, and incompetent, and also highlights her appearance in one way or another.

Ambivalent Sexism theory

A significant addition to the theory of gender stereotypes will be the theory of ambivalent sexism, developed by researchers such as Peter Glick and Susan T. Fiske (1997). This theory is also based on the acceptance of the idea that the social world of relationships is a hierarchy of power, or rather a patriarchal society in which there is a gender dominance of men over

women. The idea of ambivalent sexism arises from the fact that there are also intimation and sexual reproduction in the relationship between a man and a woman, which means that these attitudes cannot carry a one-sided hostile attitude of a man towards a woman. In other words, in a patriarchal society, there are gender roles — the man is in charge and the woman is dependent on him, but at the same time, the man cannot be without the woman. That is why a man cannot treat a woman exceptionally badly, but can also exalt her, while maintaining his control over her. Hence, the following concepts should be considered:

- Hostile sexism (HS). The authors defined this sexism “as antipathy and [it] reflects the hostile derogation of women who pose a threat to the gender hierarchy” [37]. That is, this sexism openly justifies male power and humiliates a woman.

- Benevolent sexism (BS). This sexism means “a set of interrelated attitudes toward women that are sexist in terms of viewing women stereotypically and in restricted roles but that are subjectively positive in feeling” [37]. In other words, this sexism has less harsh and do not directly reinforce a woman’s weaker position.

Since this is a theory of ambivalent sexism, both hostile and benevolent sexism are complementary, i. e. “two sides of a sexist coin” [38]. HS and BS work together, and usually if a person is committed to one type of sexism, they are automatically committed to the other type as well. To be more precise, the HS punishes a woman for disobeying and not accepting her gender patriarchal role, while the BS rewards her for obedience and fulfilment of the traditional role of a woman [38]. This returns to the paradox of the difficult position of women in politics that was described in the previous section — the female politician does not conform to the gender role, for which she is penalised and becomes disfavoured. Glick and Fiske also made their theory of ambivalence wider and extended it to women’s political participation. There is a correlation with gender stereotypes that force a woman to conform to the male sphere — politics — and have “masculine” qualities [37]. And at the same time they are punished for it (Hostile Sexism), i. e. they are insulted, negatively objectified and sexualised. It also makes the female politician less attractive, but it is worth noting that she is unattractive only to those who remain committed to the ideas of hostile and benevolent sexism (i. e., people who do not accept these attitudes simply sought to accept a politician who has “masculine” qualities) [39]. Benevolent sexism, in turn, supports women who match their feminine characteristics through praise or comparison with other women [37]. However, this does not mean that she becomes attractive as a candidate. As for politics, a woman receives

a symbolic award, but remains in her place and does not advance higher. Also, the application of BS to women in politics has a significant impact on the consolidation of gender stereotypes, for example, incompetence [37].

Method and Methodology

Method and coding

Content analysis allows using and analysing different data formats — from text to images [40]. Quality content analysis allows any data format to be read and interpreted [40]. It is worth remembering that semiotic violence refers to the format that contains violence against women in the online environment — image, video, text, i.e. the formats that can be used for content analysis.

The coding scheme is created within the framework of gender stereotype theory and ambivalent sexism theory. To perform this study, a two-level coding is proposed, i.e. the element will be assigned the first code and then the second — the corresponding sub-code. The first level of coding is created based on the ambivalent sexism theory and includes two categories — ‘*Hostile Sexism*’ and ‘*Benevolent Sexism*’. Thus, each element (text or image) will be assigned one of these codes. To be coded as ‘*Hostile Sexism*’, the element must contain a negative characterisation of the female candidate; more specifically, the negative characterisation of the female politician is manifested in openly hostile narratives due to gender and social role incongruence. In contrast, element of those narratives still contain a woman’s gender role, but seem to reward her for conforming to that role (including in comparison to another woman), will be coded as ‘*Benevolent Sexism*’.

Next, the second stage of encoding — subcoding (or second level encoding) — will take place. This coding is formed on the basis of gender stereotype theory. Earlier, gender stereotypes attributed to women and women in politics were presented. Since a woman has a difficult position in the political sphere — she does not correspond to a woman’s gender role in the social world and/or does not correspond to a man’s gender qualities, which are most welcome in politics — codes of gender stereotypes will be formulated in accordance with this ambiguity. As part of the code of ‘*Hostile Sexism*’, the following subcodes were created: “*Incompetent*” (elements that characterise a woman as unsuitable for politics, stupid, without education and dependent from a man), “*Unladylike*” (elements that indicate a lack of femininity in a woman’s appearance and behavior), “*Bad wife/mother/woman*” (elements indicating that a woman is not coping with her social

role), *“Emotional/Aggressive”* (elements indicating excessive emotionality in a woman’s reaction or an overly harsh and rude reaction corresponding to male behavior), *“Authoritative”* (elements that contain a denial of a woman’s altruism and openness to people), and *“Ugly/Negatively Sexualised”* (elements with denying a woman’s beauty or putting her in a submissive sexualised position). As for the code of ‘Benevolent Sexism’, there are only three subcodes: *“Beautiful and Sexual”* (elements that emphasize a woman’s beauty and sexuality, especially comparing to another woman), *“Feminine/True Woman”* (elements that emphasize femininity in behavior or characterise her as a woman corresponding to her gender and social role), and *“Intelligent”* (elements that emphasize a woman’s mental abilities in comparison with another woman).

Selection

Content analysis will be used to analyse text and image data taken from the social network X¹ (formerly Twitter). Since the focus is on the electoral period, the best option would be to take the period one month before the election, as the level of violence usually increases during this period. In Mexico, the elections were on June 2, 2024, respectively, the period from May 1 to June 1, 2024 will be set for filtering published posts and comments. The language of posts will also be used for filtering — Spanish, since there is one of the national languages. The data will be selected in accordance with the fact that textual and visual material should reflect demoralisation and/or psychological pressure on a woman candidate. According to Bardall, this is often reproduced through “systematic ridicule, ostracism, shame, sarcasm, criticism, disapproval, exclusion and discrimination”². Thus, the comments are interpreted for the presence of any demoralisation and discrimination of the woman, and then selected accordingly.

As for the variables, these are the female candidates in the 2024 Mexican General Election. As part of the General Elections, the president, the Senate, the Chamber of Deputies and nine state governors were elected³. The key variables will be female candidates for the Presidency. The selection will also be expanded by including female candidates for the Gubernatorial in nine states. The chosen variables should be considered in more detail.

¹ Banned on the territory of the Russian Federation.

² Bardall, “Gender-Specific Election Violence,” 2.

³ “Elecciones 2024 — Instituto Nacional Electoral,” Instituto Nacional Electoral, n.d., <https://ine.mx/voto-y-elecciones/elecciones-2024/>.

As for the female presidential candidates, there were two — Claudia Sheinbaum and Xóchitl Gálvez. Claudia Sheinbaum is a representative of the ruling left-wing “Morena” (*Movimiento de Regeneración Nacional, or the National Regeneration Movement*) party, previously served as First Secretary of the Environment, and was Mayor of Mexico City in 2018–2023⁴. Claudia Sheinbaum has been nominated as the presidential candidate of the ruling coalition Sigamos Haciendo Historia (a coalition composed of parties of “Morena”, “PT” (*Partido del Trabajo, or Labour Party*), and “PVEM” (*Partido Verde Ecologista de México, or Ecologist Green Party of Mexico*))⁵. Claudia Sheinbaum became the first female president in Mexico, winning nearly 60 per cent of the vote⁶. As for Xóchitl Gálvez, she is a former senator and became the presidential candidate of the opposition coalition Fuerza y Corazón por México (a coalition composed of parties “PAN” (*Partido Acción Nacional, or National Action Party*), “PRI” (*Partido Revolucionario Institucional, or Institutional Revolutionary Party*), “PRD” (*Partido de la Revolución Democrática, or Party of the Democratic Revolution*))⁷. Xóchitl Gálvez was not the winner, but came second in the presidential race with about 27 per cent of the vote⁸. The final amount of data included 50 and 46 respectively units for coding.

As for women candidates for governor in nine states: Jalisco, Morelos, Tabasco, Chiapas, Veracruz, Puebla, Yucatán, Guanajuato, and Mexico City⁹. Pueblo State is excluded from the sample because there were no female candidates there. Starting with Mexico City, there was one woman candidate, Clara Brugada, who won the election. She is from the Morena Party and in 2018 she was the governor of Iztapalapa¹⁰. For coding, there were 10 units about her. Olga Luz is a candidate in the state of Chiapas,

⁴ Carolina Millan, Jason Kao, and Yasufumi Saito, “Mexico Election 2024: Results,” *Bloomberg*, June 2, 2024, <https://www.bloomberg.com/graphics/2024-mexico-election-results/>.

Shannon K. O’Neil, “Mexico’s 2024 Elections: What to Know,” Council on Foreign Relations, May 24, 2024, <https://www.cfr.org/expert-brief/mexicos-2024-elections-what-know>.

⁵ “IFES Election Guide | Elections: Mexican Presidency 2024 General,” Electionguide.org, 2024, <https://www.electionguide.org/elections/id/4311/>.

⁶ “Cómputos Distritales 2024,” Instituto Nacional Electoral, 2024, <https://computos2024.ine.mx/presidencia/nacional/candidatura>.

⁷ “IFES Election Guide | Elections: Mexican Presidency 2024 General,” Electionguide.org, 2024.

⁸ “Cómputos Distritales 2024,” Instituto Nacional Electoral, 2024.

⁹ “Elecciones 2024 — Instituto Nacional Electoral,” Instituto Nacional Electoral, n.d.

¹⁰ “Conóceles,” Instituto Electoral de la Ciudad de México (IECM), 2024, <https://sirec.iecm.mx/conoceles/resultados>.

a representative of the opposition coalition¹. She did not win the election and lost to the Morena candidate. The data collected about her were not included in the final sample because they were insufficient in quantity and quality. In the Guanajuato, there were three female candidates — Libia García (a representative of coalition “Fuerza y Corazón por Guanajuato” and a winner of elections), Alma Alcaraz (a representative of the Morena Party) and Yulma Rocha (a candidate of the Movimiento Ciudadano)². Total number of units for coding: 11, 9 and 9 respectively. In the state of Jalisco, there were two female candidates — Claudia Delgadillo from the ruling party and Laura Haro from the opposition party — but neither won the election³. The final sample for them included 13 and 12 units respectively. Margarita González (Morena), Lucía Meza (PRI) and Jessica Ortega (MC, or Movimiento Ciudadano) were candidates in the state of Morelos, and the former won⁴. Their data were not included in the final sample due to a lack of necessary data in the specific period. The same situation occurred with the lack of necessary data on women candidates in the remaining states: in Tabasco, with Inés de la Fuente Dagdug (MC) and Lorena Beauregard (PRI)⁵; in Veracruz, with Rocío Nahle (Morena)⁶; and in Yucatán, with Vida Gómez Herrera (MC)⁷.

Findings

Women Candidates for the Presidency

A review of the results of the two presidential candidates will be done separately, with Claudia Sheinbaum first and Xóchitl Gálvez after. According to the results, the politicians were subjected to the Hostile Sexism the most, with Benevolent Sexism at a lower level. Within Hostile Sexism, the

¹ “Conoceles,” Instituto Electoral y Participación Ciudadana de Chiapas (IEPC), 2025, <https://conoceles.iepc-chiapas.org.mx/>.

² “Candidatas y Candidatos, Conóceles 2023–2024,” Instituto Electoral del Estado de Guanajuato (IEEG), 2023, <https://conoceles.ieeg.mx/#/gubernatura/entidad/candidaturas>.

³ “Candidaturas En Jalisco,” Instituto Electoral y de Participación Ciudadana de Jalisco (IEPC), 2024, <https://www2.iepcjalisco.org.mx/proceso-electoral-2024/cargos-a-elegir/>.

⁴ “¡Candidatas Y Candidatos, Conóceles!,” Instituto Morelense de Procesos Electorales y Participación Ciudadana (IMPEPAC), 2024, <https://conoceles.impepac.mx/#red>.

⁵ “Conóceles,” Instituto Electoral y de Participación Ciudadana de Tabasco (IEPC), 2024, <https://conoceles.iepc-tmx/>.

⁶ “Candidatas Y Candidatos Locales 2024,” Instituto Nacional Electoral, April 4, 2025, <https://ine.mx/voto-y-elecciones/elecciones-2024/candidatas-y-candidatos-locales-2024/>.

⁷ “Resultados Electorales,” Instituto Electoral y de Participación Ciudadana de Yucatán (IEPAC), 2024, <https://mail.iepac.mx/micrositios/resultados-electorales>.

gender stereotypes most assigned to women are incompetence and negative appraisals of appearance and sexualisation. In terms of Benevolent Sexism, women's gender conformity in appearance and their sexuality are most noted.

It is worth considering in more detail what has been found about Claudia Sheinbaum. 43 units of Hostile Sexism and 8 units of Benevolent Sexism were coded about her. So, it has already been noted that the code assigned the most was 'Incompetent', namely 25 times, followed by the code 'Ugly/Negative Sexualised', i.e. 13 times. Speaking of Claudia Sheinbaum's incompetence, there have been comments about her lack of ability in governance and that Mexico's future will be under threat under her rule. Examples of such statements are, "Votar por Sheinbaum es votar por su clara incompetencia para gobernar" (*To vote for Sheinbaum is to vote for her clear incompetence to govern*) or "Votar por ti sería ver como destruyes las instituciones que rigen nuestra democracia" (*To vote for you would be to watch how you destroy the institutions that govern our democracy*). Units containing an assessment of the candidate's mental ability were also coded in the same way, e.g., "NO ES LAS QUE UNA BUFONA DEL BIENESTAR, RECITANDO NECEDADES A NIVEL DE NIÑA DE PRIMARIA" (*IT IS NOTHING MORE THAN A WELFARE BUFFOON, RECITING NONSENSE AT THE LEVEL OF A PRIMARY SCHOOL GIRL-CHILD*). Special attention should be paid to comments that point to the candidate being run by a male politician and her inability to do things on her own, "La señora Claudia es un títere de Lopez obrador porque el le dice lo que debe hacer y si llegara a ganar el que va a gobernar el país va hacer López obrador" (*Mrs. Claudia is a puppet of Lopez obrador because he tells her what to do and if she wins, the one who will govern the country will be Lopez obrador*). The subordination and puppetry of the candidate is particularly evident in images and caricatures (and sometimes even of a pornographic kind), as in the examples of the Images 4, 14 and 15. Speaking of the code 'Ugly/Negative Sexualised', it usually manifests itself in the publication of images that distort the candidate's appearance or show an unfortunate shot, as in the example Images 3 and 9; also the code indicates the hypersexualisation of the female candidate and denigrates her dignity, as in the example image 10. Next in terms of the number of codes are gender stereotypes 'Authoritative' (8 units), 'Unladylike' (5 units) and 'Emotional/Aggressive' (4 units). Comments coded 'Authoritative' indicate arrogance and the importance of the candidate's personal ambitions, "Ahora es la descarada defensora de un régimen autoritario, corrupto y abusivo, cuyo único propósito verdadero es la acumulación y conservación de poder" (*She is now the unabashed defender of an authoritarian, corrupt and abusive regime, whose only real purpose*

is the accumulation and retention of power). Under ‘Unladylike’, feminine gender qualities like kindness and sincerity may be denied, e.g. “No sólo es CORRUPTA, también es mitómana, narcisista, PREPOTENTE, desalmada, etc, etc” (*She is not only CORRUPT, she is also a mythomaniac, a narcissist, PREPOTENT, heartless, etc., etc.*), while under ‘Emotional/Aggressive’, aggressive behaviour is more noted, e.g. “Está siendo ignorante y grosera con los votantes!!” (*She is being ignorant and rude to the voters!!*).

As for Benevolent Sexism, only Claudia Sheinbaum has been subjected to it, when Xóchitl Gálvez has no units with this code. The ‘Beautiful and Sexual’ and ‘Feminine/True woman’ codes are on the same level (4 units for each), and there are only 2 units for the ‘Intelligent’ code. Mostly this is evident in images and photoshopped images that compare Claudia and Xóchitl, extolling the former in beauty, sexiness, dedication, and intelligence. Claudia is portrayed as more beautiful, slimmer, and as a sexualised warrior, while Xóchitl is shown as fat and ridiculous. Examples of this are the Images 2 and 8. The importance of the future president’s beauty is also emphasised, for example, “Si la presidenta es mujer, que sea tan hermosa como ella” (*If the president is a woman, let her be as beautiful as she is*).

The same analysis is done for Xóchitl Gálvez, excluding only the Benevolent Sexism code due to lack of data. So, this candidate was subjected to the same gender stereotypes as Claudia at the level of the first code of Hostile Sexism. Xóchitl Gálvez has been accused of incompetence 33 times, and her appearance has been insulted about 18 times. In fact, speaking of incompetence, the factors here are the same as Sheinbaum’s, i.e., her uneducation and lack of knowledge in governance, “No es ingeniera, ni idea tiene de lo que es ser un ingeniero. Con su nula capacidad no podría superar ni el primer semestre de la carrera, es muy primaria” (*She is not an engineer, she has no idea what it is to be an engineer. With her lack of ability, she couldn’t even get past the first semester of her degree, she is very elementary*). There are even direct insults against this candidate, such as “Eres una ruin, corrupta, payas, tonta sin cerebro” (*You’re a mean, corrupt, clownish, brainless fool*). She is also accused of being a puppet of male politicians and is not capable to do something. This is evident both in text comments like “La cara de Xóchitl Gálvez cuando le dicen en su cara que solo la están usando unos machos como alito y marko entre otros” (*The face of Xochitl Galvez when she is told that she is only being used by macho men like Alito and Marko among others*), as well as in images like 22 and 31. As for the code ‘Ugly/Negative Sexualised’, her appearance is constantly mocked, noting that she is fat and ugly. For instance, “jajajaja

la presidenta es una gorda” (*hahahahaha the president is a fat woman*) and “Pink OLD woman mentirosa” (*Pink OLD woman liar*). More rarely, she was accused of being overly emotional/aggressive or authoritative (2 units each, respectively). More attention is paid to the code ‘Unladylike’, when it was noted that she was unclean as here “XochitlGalvez es una mujer SUCIA, ANTIHIGIENICA, CORRUPTA, IGNORANTE” (*XochitlGalvez is a DIRTY woman, UNHYGIENIC, CORRUPT, IGNORANT*), and disgusted by her behaviour like here “Notaron que Traía el chicle pegado atrás de la oreja? Cuando termina de decir lo del chicharo se lo echa a la boca... guácala!! que mujer tan puerca” (*Did you notice that she had a gum stuck behind her ear? When she finishes of saying about the chicharo, she throws it in her mouth... this woman is so dirty*).

Women Candidates for the Gubernatorial

Describing the results obtained for additional variables, i. e. for female candidates who ran for governor, it shows that none of them were exposed to Benevolent Sexism. Since the level of hostile sexism remains high for each of them, the gender stereotypes for this code will be considered separately. In general, there is a general trend that women are most often accused of incompetence and least of all of excessive emotionality/aggressiveness (with exceptions) and authoritativeness.

Starting with the code “Incompetent”, there are about 5–7 units with such code, what is the highest number of all. This was most noted for candidates such as Libia García, Yulma Rocha, and Claudia Delgadillo. Libia García received comments such as “Si votan por esta mujer, luego no se quejen que hay tantas masacres y violencia en su estado” (*If you vote for this woman, then don’t complain that there are so many massacres and violence in your state*) and “eres una política inútil” (*you are a useless politician*) that pointed to her inability to govern the state well. Yulma Rocha has also been subjected to insults that focus on her illiterate speech, “Necesitas ir a clases donde te enseñen a hablar. Muy pobre tu discurso. Expresiones muy... Fuera de lugar” (*You need to go to classes where they teach you how to speak. Your speech is very poor. Expressions very... Out of place*). There were more aggressive comments about Claudia Delgadillo, which were probably related to the publication of a video from a party where she was under the alcohol, “La señora ClaudDelgadillo solo sabe organizar buenas pedotas, de gobernar no sabe nada” (*Mrs ClaudDelgadillo only knows how to organise good alcohol parties, she knows nothing about governing*).

As for the “Bad wife/mother/woman” code, which was applied to absolutely all female candidates at the gubernatorial election level, it is better to consider Laura Haro and Alma Alcaraz as the most susceptible to this gender stereotype (4 and 3 units respectively). Laura Haro was accused of a woman’s role in politics, separately emphasizing that she did not behave like a real woman and vice versa that she behaved like a typical woman: “Pues muy dulce no eres Laura, interrumpiste, manoteaste, levantaste la voz, también ofendiste, tú si puedes por ser mujer o cómo?” (*Well, you’re not very cute Laura, you interrupted, you groped, you raised your voice, you also offended, you can because you’re a woman or why?*) and “Clásico de las mujeres en la política y en casi todos lados..ellas si pueden ofender calumniar y agredir a un hombre pero si tantito les dices algo les respondes pummm violencia de género agresión abuso...clásico” (*Classic of women in politics and almost everywhere..they can offend slander and attack a man but if you say something to them, you answer them pummm gender violence aggression abuse...classic*). Alma Alcaraz was also accused of supporting the government, highlighting the fact that she was a woman (and should not have acted in such way), “Dan vergüenza y lo peor es que seas mujer y apoyes a un gobierno que nos ha dejado solas” (*Shame on you, and the worst thing is that you are a woman and support a government that has left us alone*).

Four of the six candidates were coded by “Authoritative”. For example, it was said about Libia García, “Si así busca el poder cegada por la ambición como será en persona” (*If this is how she seeks power, blinded by ambition, what will she be like in person?*). The other three women were also accused of being arrogant and interfering with the management of the state. Even fewer women were exposed to insults of appearance and sexualisation, only two of them — Clara Brugada (5 units) and Alma Alcaraz (2 units). In fact, Clara Brugada became the only woman whose appearance was compared to “ugly” cartoon characters like the Images 32 and 33, and was also reproached for using Photoshop to be more beautiful. Despite the fact that this applies to almost only one candidate wife, it is necessary to specify the code “Emotional/Aggressive”. So, Laura Haro received 8 coded units, the narratives of which were that she was too rude and did not know how to control her emotions. For instance, “Laura Haro pierde los estribos y se enfrenta a periodistas. La acusan de frivolar la violencia de género, y ella responde súper agresiva” (*Laura Haro loses her temper and confronts journalists. They accuse her of frivolling gender violence, and she responds super aggressively*). Excessive aggression against the candidate about her

emotionality was associated with rather harsh responses to reporters at the debate, which the voters did not like.

Conclusion

The analysis was aimed at the problem of psychological violence against women candidates during 2024 Mexican elections and finding tools and forms of such violence in the social network. Based on the literature review, it can be concluded that the VAW approach has a significant advantage in studying the phenomenon of political violence against women. This approach proposes psychological violence, which is the subject of the present study. It was also proposed to combine semiotic violence and psychological violence under the name of the latter, because, as it turned out, semiotic violence has the same direct goal — to inflict moral damage on women and push them out of politics — as psychological violence. An important contribution of semiotic violence is the tools of violence — text, image, and others. Moreover, with the growing popularity of information technology and virtual communication platforms, psychological abuse has moved into the virtual environment, where value judgements, misinformation and fake news about female politicians spread rapidly.

Also, based on the literature review, it is possible to infer a violent and hypermasculine culture of both the entire Latin American region and specifically Mexico. Despite significant work in criminalising political violence against women, women politicians continue to feel pressured and threatened by both society and male colleagues. The example is exactly what has been studied here, the Mexican election in 2024, which resulted in a woman president for the first time, although she and other female candidates were discriminated. The findings show that female politicians were subjected to a greater extent of hostile sexism, i. e. being ‘punished’ for either not conforming to the female gender role or the male gender role as required in politics. In terms of gender stereotypes, women were most condemned for being ‘incompetent’, ‘ugly’, ‘emotional’, and were negatively sexualised.

Thus, returning to the research question that was stated at the beginning of this paper, psychological violence against female candidates in the Mexican elections was used in an online environment using textual and visual tools. This violence was reproduced in the form of hostile sexism (to a greater extent) and benevolent sexism (to a lesser extent), as well as through gender stereotypes about women in politics. In this way, Mexican female candidates were discredited both as politicians and as women.

*Сведения об авторе***Бабурина Карина Сергеевна,**

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»;

Санкт-Петербург, Россия.

kbaburina@hse.ru

Статья поступила в редакцию: 03.04.2026;
поступила после рецензирования и доработки: 12.04.2026;
принята к публикации: 26.04.2026.

KARINA S. BABURINA*HSE University,**St. Petersburg, Russian Federation*

**PSYCHOLOGICAL VIOLENCE AGAINST WOMEN
CANDIDATES IN ELECTORAL DISCOURSE:
THE CASE OF MEXICO**

Abstract. This paper is devoted to the study of psychological violence against women candidates in the 2024 Mexican elections. The paper analyses the scientific literature in the field of political science and sociology, which examines approaches to the study of political violence against women and the context of Mexico. The VAW approach (Violence against Women) becomes the most influential approach, because it defines the role of gender in the problem and offers a typology of violence that includes psychological one. This research is complemented by the application of theories of gender stereotypes and ambivalent sexism, which explain the role of women in politics and their perception by society. To conduct an empirical part, the method of qualitative content analysis of textual and visual social networks users' publications about female candidates was applied. As a result, it was found that psychological violence against women candidates in the Mexican elections was used in the online environment through textual and visual tools, and reproduced more through hostile sexism and gender stereotypes.

Keywords: psychological violence, political violence, VAW approach, elections, Mexico

For citation: Baburina K. S. Psychological violence against women candidates in electoral discourse: The case of Mexico. *St. Petersburg Sociology Today*. 2026. Vol. 18 No. 2. P. 28–55. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.g916-8674; EDN: IAMFGE

References

1. Gutiérrez-Romero, Roxana, and Nayely Iturbe. 'Causes and Electoral Consequences of Political Assassinations: The Role of Organized Crime in Mexico'. *Political Geography* 115 (1 November 2024): 103206. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2024.103206>.
2. Nava, Felizardo Carrera. 'Violencia política contra las mujeres en México'. *RD-ICUAP* 7, no. 19 (15 January 2021): 79–90. <https://doi.org/10.32399/icuap.dic.2448-5829.2021.19.506>.
3. Calderón, María. 'Political Violence in Mexico's 2024 Elections: Elections Gender-Based Political Violence against Women', March 2024.
4. Piscopo, Jennifer M. 'State Capacity, Criminal Justice, and Political Rights: Rethinking Violence Against Women in Politics'. *Política y Gobierno* 23, no. 2 (2016): 437–58.
5. Krook, Mona, and Juliana Restrepo. 'Gender and Political Violence in Latin America: Concepts, Debates and Solutions'. *Política y Gobierno* 23, no. 1 (1 January 2016): 127–62.
6. Krook, Mona Lena. 'Violence Against Women in Politics'. *Journal of Democracy* 28 (1 January 2017): 74–88. <https://doi.org/10.1353/jod.2017.0007>.
7. Soto Santana, Miosotis. 'Justice for Women: Deep Fakes and Revenge Porn', 2022. <https://www.dpublication.com/abstract-of-3rd-womensconf/27-10177/>.
8. Bardall, Gabrielle, Elin Bjarnegård, and Jennifer Piscopo. 'How Is Political Violence Gendered? Disentangling Motives, Forms, and Impacts'. *Political Studies* 68, no. 4 (18 September 2019). <https://doi.org/10.1177/0032321719881812>.
9. Daniele, Gianmarco, and Gemma Dipoppa. 'Mafia, Elections and Violence against Politicians'. *Journal of Public Economics* 154 (1 August 2017). <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2017.08.004>.
10. Höglund, Kristine. 'Electoral Violence in Conflict-Ridden Societies: Concepts, Causes, and Consequences'. *Terrorism and Political Violence* 21, no. 3 (29 June 2009): 412–27. <https://doi.org/10.1080/09546550902950290>.
11. Henderson, Conway. 'The Political Repression of Women'. *Human Rights Quarterly* 26, no. 4 (1 November 2004): 1028–49. <https://doi.org/10.1353/hrq.2004.0044>.
12. Bardall, Gabrielle. 'Gender-Specific Election Violence: The Role of Information and Communication Technologies'. *Stability : International Journal of Security and Development* 2, no. 3 (1 November 2013). <https://doi.org/10.5334/sta.cs>.
13. Phillips McLennan, Lisa, Michele Pathé, and Troy McEwan. 'Gender Differences in Stalking, Threats and Online Abuse Reported by Victorian Politicians'. *Psychiatry, Psychology and Law* 30, no. 6 (23 January 2023): 1–22. <https://doi.org/10.1080/13218719.2022.2142975>.
14. Koch, Luise, Raji Ghawi, Jürgen Pfeffer, and Janina Isabel Steinert. 'Online Misogyny Against Female Candidates in the 2022 Brazilian Elections: A Threat to Women's Political Representation?', 16 March 2024. <http://arxiv.org/abs/2403.07523>.
15. Richardson-Self, Louise. 'Woman-Hating: On Misogyny, Sexism, and Hate Speech'. *Hypatia* 33, no. 2 (23 January 2018). <https://doi.org/10.1111/hypa.12398>.
16. O'Hare, Ursula A. 'Realizing Human Rights for Women'. *Human Rights Quarterly* 21, no. 2 (1999): 364–402.
17. Kuperberg, Rebecca. 'Intersectional Violence against Women in Politics'. *Politics & Gender* 14 (13 November 2018): 1–5. <https://doi.org/10.1017/S1743923X18000612>.
18. Caicedo Roa, Monica, Lourdes Bandeira, and Ricardo Cordeiro. 'Femicídio e Feminicídio: Discutindo e Ampliando Os Conceitos'. *Revista Estudos Feministas* 30 (19 September 2022). <https://doi.org/10.1590/1806-9584-2022v30n383829>.
19. Rogers, Ashley. "'But the Law Won't Help Us": Challenges of Mobilizing Law 348 to Address Violence Against Women in Bolivia'. *Violence Against Women* 26, no. 12–13 (19 September 2019). <https://doi.org/10.1177/1077801219870613>.

20. Buvinic, Mayra, and Roza. 'Women, Politics and Democratic Prospects in Latin America'. Sustainable Development Department Technical Paper Series WID-108 (2004). <https://www.bibalex.org/baifa/en/resources/document/455710>.

21. Sabino, Maria Jordana Costa, and Patricia Verônica Pinheiro Sales Lima. 'Igualdade de Gênero No Exercício Do Poder'. *Revista Estudos Feministas* 23, no. 3 (2015): 713–34.

22. Sagot, Montserrat. 'Strategies to Face Violence against Women: Latin American Feminists' Reflections'. *Athenea Digital. Revista de Pensamiento e Investigación Social*, 1 September 2008, 215–28. <https://doi.org/10.5565/rev/athenea.571>.

23. Tzul, Ana Marina Tzul, and Serena Cosgrove. 'Latin America: Introducing the Region'. In *Gendered Lives: Globa Issue*. Albany: State University of New York Press, 2022. <https://iastate.pressbooks.pub/workshophdemo/chapter/chapter-7-latin-america-introducing-the-region/>.

24. Schatz, Sara. *Murder and Politics in Mexico: Political Killings in the Partido de La Revolucion Democratica and Its Consequences*. Vol. 10, 2011. <https://doi.org/10.1007/978-1-4419-8068-7>.

25. Hernández Huerta, Víctor Antonio. 'Candidates Murdered in Mexico: Criminal or Electoral Violence?' *Política y Gobierno* 27, no. 2 (December 2020). http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_abstract&pid=S1665-20372020000200008&lng=es&nrm=iso&tlng=en.

26. Espinoza, Alberto Espejel, and Mariela Díaz Sandoval. 'Violencia Contra Las Mujeres En Política En México: Una Propuesta de Análisis Desde Las Caras Partidistas.' *Revista Apuntes Electorales*. 18, no. 60 (1 January 2019).

27. Corral Limas, Dra. Lizbeth Gabriela, Master Alma Yolanda Morales Corral, and Master Verónica Ofelia Lozano Sandoval. 'Gender-Based Political Violence in Mexico: A Complex Assignment'. *Saudi Journal of Humanities and Social Sciences* 5, no. 8 (20 August 2020): 400–417. <https://doi.org/10.36348/sjhs.2020.v05i08.003>.

28. Riabova, Tatiana. 'Pol Vlasti: Gendernye Stereotypy v Sovremennoj Rossijskoj Politike'. *Ivanovskij Gosudarstvennyj Universitet*, 2008.

29. Vidales, Paola, and Carlos Muñiz. 'Women Stereotyping in Political Advertising. Analysis of Gender Stereotypes in Electoral Spots during Election Campaign of Nuevo Leon 2015'. *Comunicacion y Sociedad*, no. 29 (1 January 2017): 69–91.

30. Dolan, Kathleen. *When Does Gender Matter?: Women Candidates and Gender Stereotypes in American Elections*. Oxford University Press, 2014.

31. Van Langenhove, Luk, and Rom Harré. 'Cultural Stereotypes and Positioning Theory'. *Journal for the Theory of Social Behaviour* 24, no. 2 (December 1994). <https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.1994.tb00260.x>.

32. Heilman, Madeline. 'Description and Prescription: How Gender Stereotypes Prevent Women's Ascent Up the Organizational Ladder'. *Journal of Social Issues* 57 (1 December 2001): 657–74. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00234>.

33. Bauer, Nichole. 'Emotional, Sensitive, and Unfit for Office? Gender Stereotype Activation and Support Female Candidates'. *Political Psychology* 36, no. 6 (1 May 2014). <https://doi.org/10.1111/pops.12186>.

34. Ellemers, Naomi. 'Gender Stereotypes'. *Annual Review of Psychology* 69, no. Volume 69, 2018 (4 January 2018): 275–98. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-122216-011719>.

35. Huddy, Leonie, and Nayda Terkildsen. 'Gender Stereotypes and the Perception of Male and Female Candidates'. *American Journal of Political Science* 37 (1 February 1993): 119–47. <https://doi.org/10.2307/2111526>.

36. Aalberg, Toril, and Anders Todal Jenssen. 'Gender Stereotyping of Political Candidates: An Experimental Study of Political Communication'. *Nordicom Review* 28, no. 1 (1 May 2007): 17–32. <https://doi.org/10.1515/nor-2017-0198>.

37. Connor, Rachel, Peter Glick, and Susan Fiske. 'Ambivalent Sexism in the 21st Century'. In *The Cambridge Handbook of the Psychology of Prejudice*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2016.

38. Glick, Peter, and Susan Fiske. 'Ambivalent Sexism Revisited'. *Psychology of Women Quarterly* 35, no. 3 (1 September 2011): 530–35. <https://doi.org/10.1177/0361684311414832>.

39. Geus, Roosmarijn de, Elizabeth Ralph-Morrow, and Rosalind Shorrocks. 'Understanding Ambivalent Sexism and Its Relationship with Electoral Choice in Britain'. *British Journal of Political Science* 52, no. 4 (11 February 2022): 1–20. <https://doi.org/10.1017/S0007123421000612>.

40. Krippendorff, Klaus. *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology*. SAGE, 2013.

Information about the author

Baburina Karina S.,
HSE University;
St. Petersburg, Russian Federation.
kbaburina@hse.ru

Received: 03.04.2026;

revised after review: 12.04.2026;

accepted for publication: 26.04.2026.

ИНДИВИД, СЕМЬЯ, ОБЩЕСТВО

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.pxns-rs39

EDN: FCGXHV

УДК 316.356.2:796

**ЕКАТЕРИНА БОРИСОВНА ФИЛИППОВА,
СОФЬЯ ОЛЕГОВНА КОКОРЕВА,
МАРИЯ ИГОРЕВНА ПРОКОПЕНКО**

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Санкт-Петербург, Россия

ИНВЕСТИЦИИ В СПОРТИВНУЮ КАРЬЕРУ ДЕТЕЙ: ОСНОВА ДЛЯ БУДУЩИХ УСПЕХОВ ИЛИ УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ?

Аннотация. Работа посвящена исследованию восприятия бывшими спортсменами родительских инвестиций (финансовых, психологических, временных) в их спортивную карьеру. Эмпирическая база исследования — 25 полуструктурированных глубинных интервью с молодыми людьми в возрасте от 16 до 24 лет, которые завершили спортивную карьеру не более пяти лет назад и достигли успехов в таких видах спорта, как футбол, художественная гимнастика и спортивные балльные танцы. В ходе исследования было выявлено, что психологическая поддержка занимает центральное место в осмыслении родительского вклада бывшими спортсменами. При этом финансовые инвестиции оценивались как особенно значимые бывшими спортсменами, которые занимались художественной гимнастикой и спортивными балльными танцами. На основании анализа индивидуального опыта спортивной деятельности и восприятия родительских вложений в нее была разработана типология бывших спортсменов: «реинвесторы», «сберегающие» и «прогоревшие». Результаты исследования согласуются с основной теоретической рамкой работы — теорией ожиданий-ценностей — и демонстрируют важную роль родителей в спортивной карьере молодых людей. Данная работа подчеркивает значимость рассмотрения различных аспектов родительского вклада в спортивную деятельность и неоднозначность восприятия подобных инвестиций бывшими спортсменами.

Ключевые слова: спортивная карьера, инвестиции в спортивную карьеру, детско-родительские отношения, социология спорта, теория ожиданий-ценностей

Ссылка для цитирования: Филиппова Е. Б., Кокорева С. О., Прокопенко М. И. Инвестиции в спортивную карьеру детей: основа для будущих успехов или упущенные возможности? // Петербургская социология сегодня. — 2026. — Т. 18. — № 2. — С. 56–78. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.pxns-rs39; EDN: FCGXHV

Введение

Спортивная карьера — это длительный и целенаправленный путь развития в спорте, направленный на достижение высоких спортивных результатов и постоянное самосовершенствование [1]. Она отличается от карьеры в других сферах, так как в первую очередь зависит от физического состояния спортсмена: значительное влияние на результаты оказывает и наличие травм, избежать которых удастся лишь немногим. Спортивная карьера рано начинается и столь же рано заканчивается [2], поэтому возникает несовпадение во времени профессиональной и возрастной зрелости спортсменов [3]. Быстротечность и высокая интенсивность спортивной деятельности становятся причинами значительного физического и психологического напряжения. Более того, для соревновательного аспекта спортивной деятельности характерна публичность, высокая значимость для спортсмена, а также непривычные условия ее осуществления, что также приводит к возникновению состояния нервно-психического напряжения [4]. При этом спорт требует значительных финансовых вложений в оплату тренировок, приобретение специализированной экипировки, организацию поездок на соревнования и на тренировочные сборы, однако не всегда приносит доход [5]. Таким образом, материальные и нематериальные инвестиции в спортивную карьеру становятся рискованными вложениями со стороны спортсмена и его семьи, которые не могут гарантировать достижение успеха в данной сфере.

В современной спортивной индустрии заметна тенденция к систематическому вовлечению родителей в спортивную деятельность детей, что позволяет говорить об особенно значимой роли родительского вклада в карьеру молодых спортсменов [6]. Возникает некоторое противоречие. С одной стороны, зачастую именно родители становятся инициаторами начала спортивной деятельности ребенком и оказывают ему поддержку в этом начинании. С другой стороны, ввиду непредсказуемости и нестабильности спортивной карьеры инвестиции в нее не могут гарантировать высокие достижения, хорошее состояние здоровья и другие аспекты, которые родители ожидают, отдавая ребенка в спорт. Становится интересным исследование опыта тех людей, которые завершили

спортивную карьеру несмотря на вложенные ресурсы и имеющиеся достижения. Какое значение в таком случае имеют родительские инвестиции в спортивную деятельность детей? Как бывшие спортсмены относятся к поддержке, которую они получали от родителей в период своей спортивной карьеры? После завершения спортивной деятельности этот вклад становится свидетельством упущенных возможностей и усилий, которые можно было бы направить в другое русло? Или же родительские инвестиции в любом случае становятся основой для будущих успехов ребенка, но уже в другой сфере деятельности?

Теоретические основания

Социально-экономический подход позволяет трактовать термин «инвестиции» не только как материальные вложения, но и как совокупность общественных отношений, реализуемых в процессе экономической деятельности [7], и рассматривать инвестиции в спортивную карьеру как комплексный процесс, включающий в себя материальные (финансовая поддержка, затраты на тренировки и соревнования) и нематериальные (время, усилия, психологическая поддержка) аспекты.

Инвестиции в спортивную карьеру могут иметь «явные» и «латентные» функции. Под «явными» функциями подразумеваются «те объективные последствия, которые вносят свой вклад в регулирование или приспособление системы и которые входили в намерения и осознавались участниками системы». «Латентные» функции представляют собой объективные последствия, которые не входили в первоначальные намерения и не были в полной мере осознаны [8]. С одной стороны, вложения в деятельность молодых спортсменов могут способствовать достижению ими значительных успехов, например звания КМС или МС, победы на всероссийских соревнованиях. С другой стороны, спортивная деятельность опосредованно способствует расширению круга общения и мировоззрения, формированию дисциплинированности, самостоятельности и других качеств, что не всегда является первоначальной целью.

В данном исследовании мы концентрируемся на вложениях в спортивную карьеру, которые потенциально могли способствовать дальнейшему успеху в карьере спортсмена. Инвестиции родителей в спортивную деятельность детей могут включать финансовую составляющую, которая подразумевает оплату тренировок, экипировки, участия в соревнованиях и спортивных сборах; эмоциональную и психологическую составляющую, то есть поддержку ребенка, поощрение

его интересов и позитивную оценку любых достижений в спорте; а также другие аспекты — помощь в поиске хороших спортивных клубов и профессиональных тренеров, сопровождение во время тренировок и соревнований, а также обеспечение благоприятной социальной среды в рамках спортивной деятельности.

Спорт как социальное пространство

Инвестирование неразрывно связано с понятием капитала не только в его экономическом воплощении, так как представляет собой процесс, направленный на приращение капитала путем вложения сил, денег, времени и других ресурсов. Поэтому для нашей работы при рассмотрении родительских инвестиций в спортивную карьеру спортсменов будет важно обратиться к концептуальной рамке Пьера Бурдьё, позволяющей изучить контекст разнородного спортивного социального пространства, сформировать представление о функционировании социальных полей и обосновать выбор трех рассматриваемых видов инвестиций (финансовые, психологические, временные).

Социальное пространство — это абстрактное измерение, созданное набором полей, структура которых определяется неравномерным распределением капитала [9], а внутри них взаимодействуют агенты или их группы. Особенно удачной является метафора Бурдьё о том, что подобное поле схоже с футбольным. И в том, и в другом случае мы наблюдаем множество индивидов, которые обладают разными позициями, объемом накопленного капитала и выполняют различные функции. От позиции агентов зависят их шансы на успех в определенном социальном поле. В рамках поля существуют формальные и неформальные правила, которые важно знать для сохранения своей позиции в нем или ее изменения.

Под капиталом подразумеваются накопленный труд и знания. Бурдьё выделял три основные формы капитала: экономический, социальный и культурный [10]. Все эти виды капитала могут перетекать друг в друга, подвергаться обмену и конвертации. В контексте спортивной карьеры важное значение имеет экономический капитал семьи, который определяет порог вхождения в конкретное «поле». Степень дороговизны вида спорта напрямую влияет на объем родительских инвестиций: например, футбол является относительно малозатратным и обходится родителям значительно дешевле, чем гимнастика или теннис [11]. В таких затратных сферах, как балльные танцы или художественная гимнастика, экономический капитал конвертируется в материальные

атрибуты (дорогостоящие костюмы, обувь, инвентарь), что становится необходимым условием конкурентоспособности агента.

При этом вовлеченность родителей в инвестирование носит рациональный характер и часто подкрепляется ожиданием вознаграждения в ситуации успеха [4]. Если родители видят в ребенке перспективного атлета, чей капитал в будущем может быть конвертирован обратно в экономические блага или высокий статус, они охотнее затрачивают ресурсы. Напротив, отсутствие видимых перспектив снижает склонность семьи к финансовым вложениям. Этот материальный аспект остается значимым даже в моменты кризиса: многим спортсменам трудно решиться на уход из спорта именно из-за нежелания потерять накопленные материальные привилегии и блага, которые дает им позиция в поле [3].

Важным является и понятие «габитус» у Бурдьё: это набор норм и правил поведения, которые формируются у индивида на основе его окружения в раннем возрасте [12]. Габитус создает некий паттерн, в соответствии с которым человек живет и взаимодействует с окружающим миром. В спорте габитус проявляется через формирование специфических личностных качеств: эмоциональной устойчивости, самоконтроля и стремления к лидерству, но также и перфекционизма [13]. Родители участвуют в формировании этого габитуса, закладывая в детей определенные установки и поощряя качества, необходимые для выживания в конкурентной среде.

В этом контексте психологическая и эмоциональная поддержка со стороны родителей может рассматриваться как специфический ресурс социального капитала семьи. Эта поддержка выступает не только как защитный механизм против стресса [13], но и как необходимый фундамент для формирования спортивного габитуса. Исследования подтверждают значимость этого ресурса: до 86% атлетов, завершивших карьеру, отмечали дефицит именно психологической поддержки со стороны близких [14]. Таким образом, эмоциональные инвестиции родителей конвертируются во внутреннюю устойчивость и волевые качества спортсмена (уверенность, самоконтроль, инициативность), позволяющие ему успешно конкурировать в спортивном поле.

Таким образом, выделение трех видов инвестиций (финансовые, психологические, временные) родителей в спортивную карьеру их ребенка обусловлено их ролью в процессе воспроизводства и накопления различных форм капитала в рамках теории П. Бурдьё. *Финансовые инвестиции* рассматриваются как реализация экономического капитала семьи, обеспечивающего материальный базис для вхождения в спортивное поле. *Временные инвестиции* выступают необходимым

условием для накопления любого вида капитала, поскольку время является фундаментальным ресурсом для трансформации внешних вложений в индивидуальные достижения. *Психологические инвестиции* интерпретируются как активация социального капитала семьи и направлены на формирование специфического габитуса спортсмена (психологической устойчивости и волевых качеств), что в совокупности обеспечивает возможность конвертации родительских ресурсов в успешную спортивную траекторию.

Особенности спортивной карьеры

Спортивная карьера имеет ряд особенностей по сравнению с другими профессиональными сферами. В первую очередь, высокий уровень физической подготовки является главной целью спортсменов, в связи с чем многие из них начинают занятия в очень юном возрасте [2]. Из-за высокого уровня психологического давления во время соревнований, контроля со стороны тренера и родителей, возложения на него серьезной ответственности за результат тренировок ребенок «взрослеет» раньше, чем его сверстники. Более того, посвящая жизнь спорту, молодые люди зачастую жертвуют другими сферами своей жизни, в том числе образованием [15]. Многие из них стараются построить «двойную карьеру» и подготовиться для окончательного ухода из спорта больших достижений или, например, для начала карьеры тренера, при этом на способность спортсмена к адаптации к социальной жизни вне спортивной сферы влияет и уровень его достижений: чем он выше, тем индивиду сложнее приспособиться к другим условиям [16].

Спортивная карьера сопровождается интенсивным психологическим и эмоциональным напряжением и неразрывно связана с постоянным состоянием борьбы и конкуренции [17, 5], [18]. Высокое напряжение приводит к возникновению различных кризисов, с которыми сталкиваются спортсмены на разных этапах своей карьеры: кризис перехода от юношеского к взрослому спорту, кризис перехода от любительского спорта высоких достижений к профессиональному спорту, а также кризис, связанный с завершением спортивной карьеры [19, 20]. Данные кризисы сопровождаются переосмыслением идентичности спортсмена и возникновением чувства отчужденности.

Спортивная карьера крайне нестабильна и непредсказуема, она находится под влиянием многих факторов, порой не зависящих от самого спортсмена. Основу для мотивации молодых спортсменов в начале карьерного пути могут закладывать их родители, транслируя им свои

убеждения и установки с детства, а дальнейшую мотивацию спортсменов можно интерпретировать через призму личностно-ситуационной модели мотивации [1]. Она демонстрирует, как на мотивированность спортсмена оказывают влияние два аспекта: личностные (потребности, интересы, цели и личностные особенности) и ситуационные факторы (стиль воспитания тренера, спортивная инфраструктура, успешность команды).

Детско-родительские отношения в контексте спортивной деятельности

Важной концепцией для данного исследования является теория ожиданий и ценностей (Expectancy-value Theory). Она предполагает, что выбор определенной деятельности и результаты в ней взаимосвязаны с ценностями индивида и его ожиданиями относительно успеха [21, 22]. Ожидания и ценности зависят от восприятия собственных компетенций, субъективной трудности поставленных задач, а также от отношения и убеждений других людей [21]. В том числе теория говорит о важности родительских систем убеждений, а не только их ролевого моделирования поведения как такового [23]. Таким образом, ожидания родителей относительно успеха их детей в той или иной сфере вместе с их представлением о ценности данного успеха формируют определенные практики социализации и поддержки со стороны родителей [24]. Если родители уверены в спортивном успехе ребенка и ценности его спортивной карьеры, это может стать стимулом к повышению его собственных ожиданий.

Одной из тенденций развития современного детско-юношеского спорта является систематическое включение родителей в спортивную деятельность ребенка в качестве обязательного и неотъемлемого субъекта [6]. Родители оказывают влияние на многие аспекты спортивной карьеры: от выбора самого вида спорта и конкретного спортивного клуба до обеспечения эмоциональной и материальной поддержки. В связи с этим следует рассмотреть различные классификации детско-родительских отношений в контексте спортивной деятельности.

Согласно типологии И. О. Смолдовской, родительское поведение в спорте делится на доминирующий, заботливый и отстраненный типы, каждый из которых проявляется в полярных формах: от конструктивной поддержки, безусловной любви и предоставления автономии до деструктивного давления, подавляющей гиперопеки и полного безразличия [6]. Такое разделение позволяет анализировать родительские

инвестиции не только по их объему, но и по характеру их влияния на психологическое благополучие и самостоятельность юного спортсмена. Модель Хеллстедта классифицирует родительскую вовлеченность по степени интенсивности, выделяя недостаточный тип с дефицитом любых ресурсов, умеренный тип, успешно сочетающий контроль с автономией ребенка, и чрезмерный тип, характеризующийся тотальным давлением и игнорированием интересов спортсмена ради высоких достижений [21]. Согласно Фредриксу и Экклзу, родительские роли в спорте подразделяются на «поставщиков», обеспечивающих материальный доступ к занятиям, «переводчиков», формирующих у ребенка понимание ценности и успешности его деятельности, и «ролевых моделей», транслирующих спортивные установки через личный пример [21]. Такая классификация позволяет анализировать вовлеченность семьи как комплекс конкретных действий, направленных на создание условий и смысловое наполнение спортивной карьеры ребенка. Классификация Д. Баумринд дифференцирует стили воспитания через сочетание родительской требовательности и отзывчивости, выделяя авторитарный стиль с упором на послушание, снисходительный — с приоритетом желаний ребенка, и наиболее сбалансированный авторитетный стиль, сочетающий контроль с уважением к автономии. В расширенной версии типология также включает пренебрегающий стиль, характеризующийся отсутствием как требований, так и эмоционального отклика, что позволяет комплексно оценивать психологический контекст родительских инвестиций.

Методология и дизайн выборки

Данная работа направлена на определение того, как бывшие спортсмены воспринимают инвестиции родителей в свою спортивную деятельность, и типологизацию бывших спортсменов на основании их восприятия родительских инвестиций и опыта спортивной деятельности. Под «восприятием» подразумевается оценка объема и структуры родительских инвестиций и отношение бывших спортсменов к ним. Родительские инвестиции — финансовые ресурсы, время и усилия, вложенные родителями в спортивную деятельность детей. Исследование фокусируется на трех видах спорта: футболе, художественной гимнастике и спортивных бальных танцах. Выбранные виды спорта являются достаточно распространенными в России и представляют собой разные формы внутреннего спортивного взаимодействия: командный, индивидуальный и парный виды спорта соответственно.

В работе была использована качественная методология социологического исследования. Эмпирическую базу исследования составляют 25 глубинных полуструктурированных интервью с молодыми людьми (16–24 года), имеющими опыт спортивной деятельности и завершившими спортивную карьеру не более пяти лет назад, выборка исследования — целевая невероятностная, сформированная с использованием метода «снежный ком». В рамках исследования было важно рассмотреть опыт спортивной деятельности бывших спортсменов, достигших определенных результатов, — завершая спортивную карьеру, они жертвовали своими достижениями и делали выбор не в сторону их дальнейшего преумножения. Для определения наличия у бывшего спортсмена тех или иных достижений использовались следующие показатели: наличие спортивного разряда от третьего взрослого и выше, опыта участия в региональных, всероссийских и международных соревнованиях, а также опыта выезда на спортивные сборы. Данные аспекты показывают, что спортивная деятельность требовала значительных усилий и вложений не только со стороны спортсмена, но и со стороны родителей, которые могли всесторонне его поддерживать. Более того, именно в возрасте 16–24 лет молодые спортсмены сталкиваются с одним из главных кризисов спортивной карьеры при переходе из юношеского во взрослый спорт [19, 20]. Вследствие него многие из них завершают карьеру по разным причинам: из-за поступления в вуз, серьезной травматизации или потери интереса к спортивной деятельности. Рассмотрение бывших спортсменов, завершивших спортивную карьеру не более пяти лет назад, позволило нам изучить опыт людей, которые уже могут осмысленно и ретроспективно взглянуть на данный период своей жизни, но при этом сохраняют относительно свежие воспоминания о значимых событиях своей спортивной карьеры.

Среди 25 проведенных интервью 10 были даны бывшими гимнастками, 8 — бывшими футболистами и 7 — бывшими танцорами. Минимальный возраст среди информантов составил 18 лет, а максимальный — 23 года, в исследовании приняли участие 13 юношей и 12 девушек. Для решения поставленных задач был применен тематический анализ качественных данных. Были дедуктивно выделены четыре темы: *опыт спортивной деятельности* (описание опыта спортивной деятельности), *инвестиции родителей* (вклад родителей и его влияние на опыт спортивной деятельности), *завершение спортивной карьеры* (причины завершения спортивной карьеры, отношение бывших спортсменов и их родителей к этому решению) и *рефлексия* (оценка бывшим спортсменом своего опыта спортивной деятельности:

положительные и отрицательные стороны и ее влияние на последующую жизнь информанта).

Результаты

В первую очередь для нас было важно выявить, как бывшие спортсмены определяют инвестиции родителей в свою спортивную деятельность и оценивают их объем. Согласно полученным результатам, бывшие спортсмены определяют инвестиции родителей как совокупность временных, финансовых и психологических вложений, отмечая при этом особенно важную роль эмоциональной вовлеченности. Временной вклад родителей бывших спортсменов выражался, например, в том, что они прикладывали значительные усилия для сопровождения ребенка на тренировки и соревнования.

«Со мной везде катались, отвозили, там, грубо говоря, в 6 утра выходного ехали на другой конец города ради того, чтобы сын потренировался» (информант № 21, бывший футболист)

«Ну вот изначально, когда еще не была построена <...>, тогда, конечно, мама тратила там очень много своего времени, потому что мы там ехали, грубо говоря, на маршрутках в этот “Динамо”, чтобы я там потренировалась. Она сидела там, ждала меня, и мы ехали обратно. То есть времени в целом было затрачено немало» (информант № 1, бывшая гимнастка)

«То есть у меня мама была вовлечена, она всегда поддерживала меня, для нее это тоже было важно. Она вкладывалась, тратила время, ездила на соревнования и так далее, и так далее» (информант № 10, бывшая танцовщица)

Финансовый вклад родителей воспринимался как наиболее заметный бывшими танцорами и гимнастками в связи с особой значимостью внешнего вида спортсмена в рамках данных видов спорта. В балльных танцах каждый выход на паркет сопровождается затратами на создание полноценного сценического образа, а дополнительную роль играют затраты на тренировки и спортивные сборы. Тем не менее, выходя на высокий уровень и достигая звания мастера спорта, танцоры могут привлекать спонсоров, которые берут на себя все траты при их выходе на турнир. К такому уровню стремятся многие, однако доходят до него

единицы ввиду высокой конкуренции и огромных усилий, требуемых от самого спортсмена.

«...платья в общей сложности выходили под 100 тысяч, туфли у нас уже около 8 стоили, вот, ну и... собственно, взносы, когда ты приезжаешь на турнир» (информант № 11, бывшая танцовщица)

«И танцы сами по себе спорт достаточно недешевый. В этом плане пробиваются, естественно, в танцах быстрее те, у кого очень много денег. Тут никто не будет спорить из танцоров с этим утверждением» (информант № 12, бывший танцор)

Художественная гимнастика также подразумевает значимые вложения в спортивную деятельность: поездки на соревнования, постановка программ, спортивные сборы, купальники, приобретение предметов для выступлений. Большинство бывших гимнасток также высоко оценивали роль финансовых инвестиций родителей в их профессиональном становлении:

«Большую роль, да, очень большую, потому что, ну, я понимаю, что если бы там не было какой-то финансовой поддержки от родителей, то это не было бы предметов, не было бы купальников, то есть не было соревнований, не было бы опыта и вот этого всего» (информант № 7, бывшая гимнастка)

В отличие от балльных танцев, где как индивидуальные, так и групповые тренировки осуществляются исключительно на платной основе, в художественной гимнастике существует возможность бесплатных тренировок на базе спортивных школ с самого начала спортивной карьеры ребенка.

«Ну, на гимнастике мы тренировались бесплатно, сами тренировки, потому что это спортшкола как бы была. А предметы, экипировка, купальники — это все уже за свой счет» (информант № 7, бывшая гимнастка)

Для бывших футболистов финансовая составляющая родительского вклада была важна, но не являлась фактором, определяющим шанс на успех. Информанты акцентировали внимание на том, что величина необходимых финансовых вложений зависела от уровня спортивного

клуба и непосредственно от их результатов: при попадании в крупный футбольный клуб все тренировки и экипировка оплачивались организацией:

«...если это был более серьезный уровень, там выдавали форму, ее стирали. Это было как бы в принципе бесплатно, за счет государства, за счет футбольного клуба» (информант № 19, бывший футболист)

Тренировки, соревнования, форма — все это требовало небольших финансовых вложений со стороны семьи футболиста по сравнению с двумя другими рассматриваемыми нами видами спорта, тем более если футболист показывал хорошие результаты и тренировался в крупном спортивном клубе. Наши результаты согласуются с результатами предыдущих исследований, согласно которым 88% родителей футболистов сообщали об отсутствии финансовых трудностей в семье, а доля годового семейного бюджета, которую родители тратили на спортивную деятельность ребенка, составляла всего 3% [11].

Психологическая поддержка занимает центральное место в осмыслении бывшими спортсменами родительского вклада, что логично следует из интенсивного психологического и эмоционального напряжения, которым сопровождается спортивная карьера [17, 14].

«Мама была моим как личным психологом. <...> К маме я приходила как к лучшей подруге, все рассказывала, что было на тренировке» (информант № 5, бывшая гимнастка)

«В целом я считаю, что это важно, потому что когда семья не разделяет то, что ты делаешь, это как бы прям тяжело. Если они против, то вообще прям ужасно. Все желание этим заниматься пропадает. Когда они тебя поддерживают, они на твоей стороне, тебе как-то легче, что ли?» (информант № 3, бывшая гимнастка)

«Были ребята, у которых были менее обеспеченные родители, но там словно развились они в этом лучше просто потому, что родители их в этом плане поддерживали. больше уделяли этому времени, внимания и сил. То есть вели об этом диалоги. Это все-таки очень важно» (информант № 20, бывший футболист)

Следующим этапом нашей работы стало выделение типов бывших спортсменов, основанных на их восприятии родительских инвестиций,

опыта спортивной деятельности и представлений о желательности вовлечения своих будущих детей в спорт. Нам удалось сформулировать три типа бывших спортсменов: *реинвесторы*, *«сберегающие»* и *«прогоревшие»*. Наиболее яркой чертой *реинвесторов* является желание приумножить вклад собственных родителей и дать собственным детям еще больше поддержки и вовлеченности в контексте спортивной деятельности, чем они получили в свою очередь. Они считают, что их будущий ребенок должен обязательно заниматься спортом, как минимум — на любительском уровне, как максимум — на профессиональном.

«Я по-любому отдам в спорт, а вот профессиональным он будет или любительским, это уже решит сам ребенок» (информант № 1, бывшая гимнастка)

Реинвесторы не готовы совершать выбор конкретного вида спорта за своего будущего ребенка, но у них есть представление о том, какая конкретно спортивная активность была бы наиболее предпочтительной для них.

«Мальчика в балльные я бы не отдала. Это сто процентов. Девочку, как бы зависит все от нее, я бы поводила на какие-нибудь секции, да, там ритмика с балльными связана, там может быть гимнастика, может быть... может быть, там, плавание, почему бы и нет. И она бы уже там сама выбирала, где ей интереснее проводить время» (информант № 15, бывшая танцовщица)

Нередкими являются и случаи, когда такой типаж бывших спортсменов имеет желание воплотить собственные нереализованные амбиции в будущем ребенке: они были бы рады, если бы он выбрал такой же вид спорта, как и они. В таком случае им хотелось бы быть максимально вовлеченными и заинтересованными родителями.

«Я думаю, что я была бы вот этой вот гиперопекающей мамой, мне бы было все интересно, как проходят тренировки, какие результаты и так далее» (информант № 11, бывшая танцовщица)

«Не, ну если бы я был родителем, вот если сейчас у меня был ребенок, который занимался танцами, ему бы очень, наверное, несладко было. Потому что я знаю, как нужно, и я знаю, как не надо. И все, что как нужно, я бы использовал как раз, чтобы развивать своего ребенка.

То есть он бы не отдыхал вообще, мне кажется» (информант № 12, бывший танцор)

Стоит отметить, что реинвесторы могут быть как удовлетворены, так и несколько разочарованы участием собственных родителей в опыте их спортивной деятельности. В первом случае они благодарны родителям за полученную поддержку, не склонны обвинять их в том, что их вклад оказался недостаточным. Во втором случае их мотивирует и подстегивает к активному участию в спортивной жизни будущего ребенка именно недостаток вовлеченности собственных родителей.

«А я думаю, что по сравнению с тем, как был вовлечен я, недостаточно. Но я же понимаю, что родителям-то, наверное, это тоже не совсем интересно. <...> То есть вот я понимаю, что я, конечно, на них злился, я специально занимался, прям им хотел доказать всегда, там, их надежды, что я не стану футболистом, разрушить» (информант № 19, бывший футболист)

«Характер был, возможно, что “а я смогу, а я попробую”, “что вы мне тут говорите нет”, и все. Как бы не для себя» (информант № 8, бывшая гимнастка)

Реинвесторы могут выбрать для себя как карьеру тренера, так и занятость в другой сфере деятельности. Но в любом случае спорт будет оставаться для них значимой частью жизни, реинвесторов характеризует особенная привязанность и тяга к спортивной деятельности. Они склонны считать, что, если бы не внешние обстоятельства, им бы удалось достичь больших высот и продолжить свою карьеру в качестве спортсмена. Поэтому реинвесторы надеются на вовлеченность их детей в спорт, где они добьются более высоких результатов.

Второй тип бывших спортсменов — «сберегающие». Для них характерно спокойное отношение к собственному опыту спортивной деятельности и к потенциальной спортивной активности их будущего ребенка. Спорт стал для них важной частью жизни, но в большинстве своем они ценят не собственные спортивные успехи, а приобретенную силу характера, новых друзей и впечатления.

«У меня было шикарное детство. И я шикарно время проводил, поездки в Турцию бесплатные, и вообще с ребятами много времени проводили. Вообще всё супер. И плюс, меня футбол сделал немного

старше, чем есть на самом деле, и некую дисциплину ввел в мою жизнь» (информант № 23, бывший футболист)

Для родителей «сберегающих» бывших спортсменов характерна умеренная вовлеченность и снисходительное поведение в контексте участия в спортивной карьере своего ребенка. «Сберегающие» благодарны за инвестиции своих родителей, но не желают приумножить их вклад в будущем, вовлекаясь в спортивную активность будущего ребенка. Они извлекли выгоду из своего спортивного опыта, но не считают этот этап ключевым и чрезмерно значимым в своей жизни. Таким образом, «сберегающие» считают спорт в жизни ребенка необходимым для формирования здоровых привычек и общения со сверстниками, но для них будет неважно, в каком формате (любительском или профессиональном) спортивная деятельность будет осуществляться.

«Наверное, будучи родителем, я бы не хотела, чтобы это было что-то сильно травмоопасное, а в остальном, не знаю, без разницы, хоть теннис большой, хоть это гимнастика, хоть танцы. <...> Но я думаю, я бы сильно не лезла туда и в основном все решения оставляла бы на ребенка. Ну, то есть, типа, если ему нравится, то пусть продолжает, я буду это поддерживать. Если ему не нравится, то, ну, как бы нет смысла мучить его» (информант № 3, бывшая гимнастка)

В качестве третьего типа бывших спортсменов мы можем выделить «прогоревших». Такие молодые люди могут быть не удовлетворены своим опытом. Вклад родителей в их спортивную деятельность вызывает у них недовольство: он был либо слишком поверхностным и незначительным, либо чрезмерным и неуместным. Мотивация посещать занятия и тренироваться на высоком уровне была связана с желанием угодить родителям, оправдать уже сделанные инвестиции.

«Ну, вот у меня каждую весну, не знаю, с какого возраста, я начала свою программу по типу того, что я ухожу. Из-за этого были очень большие конфликты. Ну, именно со стороны мамы. Потому что она не могла принять эту точку зрения» (информант № 1, бывшая гимнастка)

Для «прогоревших» характерно довольно равнодушное отношение к собственному опыту спортивной деятельности. Спорт не стал для них делом всей жизни, многие из них не продолжают заниматься спортивной

активностью в каком-либо формате. Они не желают, чтобы их будущий ребенок занимался спортом в профессиональном формате. Вспоминая свой собственный опыт, они не готовы способствовать его повторению у своих детей.

«Нет, мои дети ни при каких обстоятельствах не будут заниматься спортивно-бальными танцами. Это просто исключено. Там неважно, мальчик, девочка, это точно нет. Профессиональным спортом точно никто никогда заниматься не будет. Это однозначно» (информант № 16, бывший танцор)

Выводы

Спортивная карьера осмысливается бывшими спортсменами как неотъемлемая составляющая их личностного становления. Бывшие спортсмены не склонны выражать сожаление относительно пройденного пути, они обращают внимание на ценность данного опыта для их последующей жизни. Особое значение в восприятии бывшими спортсменами их спортивной карьеры уделяется вкладу родителей. Родительская поддержка рассматривается как многогранный фактор, оказавший существенное влияние на спортивные достижения и личностное развитие. Вне зависимости от специфики вида спорта информанты склонны указывать на ключевую роль психологической поддержки. Именно этот аспект был наиболее значимым и эмоционально окрашенным в рассказах респондентов, что позволяет подтвердить ранее выдвинутое предположение о том, что доминирующим нарративом в оценке родительских инвестиций является значимость их эмоционального участия и одобрения.

Спорт представляет собой важный этап жизни каждого бывшего спортсмена. После завершения карьеры они отмечают начало нового жизненного этапа, к которому первоначально им было тяжело привыкнуть, поскольку до этого спорт являлся одной из значимых сфер их жизни и отнимал много времени и других ресурсов. Мы можем сделать вывод о том, что при описании своего опыта спортивной деятельности бывшие спортсмены склонны уделять особое внимание именно латентным, а не явным функциям спортивной карьеры [25]. Размышляя о своих достижениях и о вкладе данного опыта в их последующую жизнь, наши информанты уделяли внимание побочным эффектам от занятий спортом: формированию характера, социальных связей и расширению кругозора. После завершения спортивной карьеры и смены

сферы деятельности победы на соревнованиях, полученные разряды и призовые места отходят на второй план, а бывшие спортсмены начинают считать наиболее полезными для себя другие последствия спортивной карьеры. С точки зрения теории П. Бурдьё этот процесс отражает выход агента из автономного социального поля спорта в иные сегменты социального пространства, где иерархия значимых ресурсов и правил игры неизбежно меняется. В новых условиях узкоспециальный символический капитал (титулы и награды) уступает место накопленному габитусу и социальному капиталу, которые оказываются более важными ресурсами, способными к успешной конвертации и адаптации индивида в иных полях деятельности.

Рассмотрев разнообразные модели детско-родительских отношений в контексте спортивной деятельности, мы обнаружили, что заботливый тип поведения родителя приближен к наиболее эффективному, по мнению бывших спортсменов, но имеет и обратную сторону [6]. С одной стороны, такие родители предоставляют своим детям много поддержки, заботятся об их благополучии и не оказывают излишнего давления в процессе принятия решений. С другой стороны, недостаточная мотивированность и целеустремленность родителей в отношении спортивной деятельности ребенка может выступать в качестве предпосылки к отсутствию его дальнейшего профессионального развития в данной сфере. Таким образом, проведенная нами работа является свидетельством того, что теория ожиданий-ценностей находит отражение в реальности. На восприятие ребенком ценности и успешности своей деятельности значимое влияние оказывает мнение родителей [21, 22]. Если они изначально не ставят перед ребенком высоких целей в спорте, не транслируют ему идею перспективности и значимости профессионального развития в данной сфере, то его продолжительная и успешная карьера в спорте больших достижений становится маловероятной. Несмотря на значимость поступков родителей для развития спортсмена, наиболее значимым аспектом будет их искренняя вера в успешность своего ребенка и в возможность его реализации посредством профессиональной спортивной карьеры [23, 24]. Мы предполагаем, что родителям юных спортсменов стоит искать баланс между безусловной заботой и поддержкой ребенка, с одной стороны, и мотивированностью, заинтересованностью в его успехах — с другой. В начале спортивной карьеры ребенка является важным целеполагание и рациональное отношение к тому, какие результаты его занятий ожидаются родителями и им самим. Рефлексия на данную тему позволит более явно обозначить желаемые цели и достичь их благодаря взаимопониманию всех членов семьи.

Основным ограничением исследования является рассмотрение лишь трех видов спорта. Несмотря на то что из всего разнообразия видов спорта в рамках исследования были выбраны одни из самых популярных и представляющие собой различные виды внутреннего спортивного взаимодействия, этот аспект должен учитываться при рассмотрении результатов. Стоит отметить и социально-демографические характеристики опрошенных нами бывших спортсменов: большая часть информантов выросли в крупных российских городах в семьях со средним и высоким социально-экономическим статусом, что позволило некоторым из них на данный момент обучаться в ведущих вузах России. Таким образом, мы не рассматривали опыт жителей сел и поселков городского типа, имеющих невысокий социально-экономический статус. Вполне вероятно, что для представителей данной группы различные аспекты спортивной деятельности, например материальные, могут играть более значительную роль.

В завершение стоит обозначить, что мы видим два основных направления развития нашей работы. Во-первых, предполагается рассмотрение опыта молодых людей, имевших опыт спортивной деятельности в других видах спорта. Во-вторых, возможно сужение фокуса исследования до одного определенного вида спорта или аспекта спортивной деятельности, например завершения спортивной карьеры, взаимодействия с родителями или тренерами, процесса достижения результатов, и дальнейшая сфокусированная работа над выбранным направлением.

Источники

1. Лупекина Е. А., Мельникова О. Н. Психология личности и спортивной карьеры. — Гомель: ГТУ им. Ф. Скорины, 2010. — 127 с.
2. Рыкова И. И., Покатов Д. В. Спортивная карьера: опыт социологической рефлексии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2020. — № 5. — С. 73–78. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sportivnaya-kariera-opyt-sotsiologicheskoy-refleksii> (дата обращения: 14.01.2026).
3. Бакуниева Д. С. Смысловые ориентации в системе факторов профессиональной успешности спортсменов — представителей спорта высших достижений: дисс. ... канд. психол. наук. — М.: Ин-т психологии РАН, 2018. — 160 с.
4. Ильин Е. П. Психология спорта. — СПб.: Питер, 2019. — 352 с.
5. Рощина Я. М. Микроэкономический анализ отдачи от инвестиций в здоровье в современной России // Экономический журнал Высшей школы экономики. — 2009. — № 3. — С. 428–451.

6. Смолдовская И. О. Разработка и метрологическое обоснование опросника «Типология поведения родителей детей, занимающихся спортом» // Вестник спортивной науки. — 2022. — № 4. — С. 65–71.

7. Храпкина В. В., Веретенникова О. В. Инвестиции как социальная категория // Финансы: теория и практика. — 2016. — Т. 20, № 2. — С. 73–80. — DOI: 10.26794/2587-5671-2016-20-2-73-80.

8. Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. — М., 1996. — С. 393–461.

9. Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с фр.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с.

10. Thompson P. Field // Pierre Bourdieu: Key Concepts / Ed. by M. Grenfell. — London: Acumen, 2008. — P. 67–86.

11. Baxter-Jones A. D. G., Maffulli N. Parental influence on sport participation in elite young athletes // Journal of Sports Medicine and Physical Fitness. — 2003. — Vol. 43, no. 2. — P. 250–255.

12. Bourdieu P. Le Sens Pratique. — Paris: Les Éditions de Minuit, 1980. — 480 p. (рус. пер.: Бурдье П. Практический смысл / пер. с фр., общ. ред. Н. А. Шматко. — М.; СПб.: Алетейя, 2001. — 562 с.).

13. Гиссен Л. Д. Психология и психогигиена в спорте. — М.: ФиС, 1973. — 149 с.

14. Иванов И. Б., Станиславская И. Г. Трудности завершения спортивной карьеры // Уч. зап. Университета им. П. Ф. Лесгафта. — 2009. — № 2 (48). — С. 31–35.

15. Афанасьева В. М., Зотова Ф. Р. Спортивная карьера или высшее образование? К вопросу об интеграции образовательного процесса и спортивной подготовки // Наука и спорт: современные тенденции. — 2014. — № 3 (4). — С. 115–119.

16. Малах О. Н. Причины и трудности завершения спортивной карьеры студентами-спортсменами // Педагогический ИМИДЖ. — 2021. — Т. 15, № 4 (53). — С. 437–445. — DOI: 10.32343/2409-5052-2021-15-4-437-445.

17. Гозунов Е. Н., Мартыанов Б. И. Психология физического воспитания и спорта: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. — М.: Изд. центр «Академия», 2000. — 288 с.

18. Горская Г. Б. Психологические ресурсы и барьеры самореализации спортсменов на разных этапах спортивной карьеры // Рудиковские чтения: материалы XIII Международной научно-практической конференции психологов физической культуры и спорта. — 2017. — С. 128–132.

19. Самыгин С. И., Самыгин П. С., Осипова А. А. Молодежь и спорт: психологические барьеры в спорте высших достижений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2015. — № 9. — С. 280–284.

20. Dergach E. A., Ryabinina S. K. Main reasons for ending sport career and revealing the factors influencing its success with acting athletes // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. — 2011. — № 9. — С. 1330–1342.

21. *Olivier Y. R., Knight C. J., Lovett V. E., Heuzé J.-P.* Parent-athlete relationships: A central but underexamined consideration within sport psychology // *Sport and Exercise Psychology Review*. — 2020. — Vol. 16, no. 2. — P. 5. — DOI: 10.53841/bpssepr.2020.16.2.5.

22. *Wigfield A., Eccles J. S.* Expectancy-Value Theory of Achievement Motivation // *Contemporary Educational Psychology*. — 2000. — Vol. 25. — P. 68–81. — DOI: 10.1006/ceps.1999.1015.

23. *Brustad R.* Attraction to Physical Activity in Urban Schoolchildren: Parental Socialization and Gender Influences // *Research Quarterly for Exercise and Sport*. — 1996. — Vol. 67, no. 3. — P. 316–323. — DOI: 10.1080/02701367.1996.10607959.

24. *Eccles J. S., Harold R. D.* Gender differences in sport involvement: Applying the Eccles' expectancy-value model // *Journal of Applied Sport Psychology*. — 1991. — Vol. 3, no. 1. — P. 7–35. — DOI: 10.1080/10413209108406432.

25. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. — М.: АСТ: Хранитель, 2006. — 873 с.

Сведения об авторах

Филиппова Екатерина Борисовна,

студент бакалавриата факультета социальных наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия.
ORCID: 0009-0003-2946-0609.
ebfilippova@edu.hse.ru

Кокорева Софья Олеговна,

стажер-исследователь Центра социологии высшего образования,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия.
ORCID: 0009-0000-4782-3213.
sokokoreva@hse.ru

Прокопенко Мария Игоревна,

студент бакалавриата факультета социальных наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия.
miprokopenko@edu.hse.ru

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026;
поступила после рецензирования и доработки: 28.01.2026;
принята к публикации: 05.02.2026.

ЕКАТЕРИНА В. ФИЛППОВА, СОФЯ О. КОКОРЕВА, МАРИЯ И. ПРОКОПЕНКО

HSE University,

Moscow, Russian Federation

INVESTING IN CHILDREN'S SPORTS CAREER: A FOUNDATION FOR FUTURE SUCCESS OR A LOST OPPORTUNITY?

Abstract. This study investigates how former athletes perceive their parents' investments in their sports careers. The empirical focus is on young people aged 16 to 24 who retired from sports no more than five years ago and achieved success in such disciplines as football, rhythmic gymnastics and DanceSport. The research is based on data collected through 25 semi-structured in-depth interviews and analysed using qualitative sociological methods. The study found that psychological support is central to how former athletes make sense of their parents' contributions. At the same time, financial investments were perceived as particularly significant by former athletes who practiced rhythmic gymnastics and DanceSport. Based on the analysis of individual experiences in sports and the perception of parental investment, a typology of former athletes was developed: "Reinvestors", "Savers" and "Burnt-Out". The research results align with the Expectancy-Value Theory and demonstrate the important role of parents in young people's sports careers. This work highlights the significance of considering various aspects of parental contributions to athletic activities and the ambiguity in how such investments are perceived by former athletes.

Keywords: sports career, investment in sports career, parent-child relationships, sociology of sport, Expectancy-value Theory

For citation: Filippova E. B., Kokoreva S. O., Prokopenko M. I. Investing in children's sports career: a foundation for future success or a lost opportunity? *St. Petersburg Sociology Today*. 2026. Vol. 18. No. 2. P. 56–78. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.pxnrs-rs39; EDN: FCGXHV

References

1. Lupekina E. A., Mel'nikova O. N. *Psikhologiya lichnosti i sportivnoi kar'ery* [Personality psychology and the sports career]. Gomel', GGU in. F. Skoriny, 2010, 127 p. (In Russ.)
2. Rykova I. I., Pokatov D. V. Sportivnaya kar'era: opyt sotsiologicheskoi refleksii [Sports career: experience of sociological reflection]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*, 2020, no. 5, pp. 73–78. (In Russ.)
3. Bakunyaeva D. S. *Smyslozhiznennyye orientatsii v sisteme faktorov professional'noi uspekhnosti sportsmenov* [Meaning-of-life orientations in the system of factors of professional success of elite athletes]. PhD diss. Moscow, IPRAS, 2018. (In Russ.)

4. Il'in E. P. *Psikhologiya sporta* [Psychology of sport]. St. Petersburg, Piter, 2019, 352 p. (In Russ.)
5. Roshchina Ya. M. Mikroekonomicheskii analiz otdachi ot investitsii v zdorov'e v sovremennoi Rossii [Microeconomic analysis of returns from health investments in contemporary Russia]. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 2009, no. 3, pp. 428–451. (In Russ.)
6. Smoldovskaya I. O. Razrabotka i metrologicheskoe obosnovanie oprosnika «tipologiya povedeniya roditeli detei, zanimayushchikhsya sportom» [Development and metrological justification of a parental behaviour typology questionnaire]. *Vestnik sportivnoi nauki*, 2022, no. 4, pp. 65–71. (In Russ.)
7. Khrapkina V. V., Veretennikova O. V. Investitsii kak sotsial'naya kategoriya [Investments as a social category]. *Finansy: teoriya i praktika*, 2016, vol. 20, no. 2, pp. 73–80. DOI: 10.26794/2587-5671-2016-20-2-73-80. (In Russ.)
8. Merton R. Yavnye i latentnye funktsii [Manifest and latent functions]. In: *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'*. Moscow, AST, 1996, pp. 393–461. (In Russ.)
9. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [The sociology of social space]. Moscow, IES; St. Petersburg, Aletea, 2007, 288 p. (In Russ.)
10. Thompson P. Field. In: Pierre Bourdieu: *Key Concepts*, ed. by M. Grenfell. London, Acumen, 2008, pp. 67–86.
11. Baxter-Jones A. D. G., Maffulli N. Parental influence on sport participation in elite young athletes. *Journal of Sports Medicine and Physical Fitness*, 2003, vol. 43, no. 2, pp. 250–255.
12. Bourdieu P. *Le Sens Pratique*. Paris, Les Éditions de Minuit, 1980. 480 p.
13. Gissen L. D. *Psikhologiya i psikhogigiena v sporte* [Psychology and psychohygiene in sport]. Moscow, FiS, 1973, 149 p. (In Russ.)
14. Ivanov I. B., Stanislavskaya I. G. Trudnosti zaversheniya sportivnoi kar'ery [Difficulties of ending a sports career]. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*, 2009, no. 2 (48), pp. 31–35. (In Russ.)
15. Afanas'eva V. M., Zotova F. R. Sportivnaya kar'era ili vysshee obrazovanie? [Sports career or higher education?]. *Nauka i sport: sovremennye tendentsii*, 2014, no. 3 (4), pp. 115–119. (In Russ.)
16. Malakh O. N. Prichiny i trudnosti zaversheniya sportivnoi kar'ery studentami-sportsmenami [Reasons and difficulties of ending a sports career by student-athletes]. *Pedagogicheskii IMIDZh*, 2021, vol. 15, no. 4 (53), pp. 437–445. (In Russ.)
17. Gogunov E. N., Mart'yanov B. I. *Psikhologiya fizicheskogo vospitaniya i sporta* [Psychology of physical education and sport]. Moscow, Akademiya, 2000, 288 p. (In Russ.)
18. Gorskaya G. B. Psikhologicheskie resursy i bar'ery samorealizatsii sportsmenov na raznykh etapakh sportivnoi kar'ery [Psychological resources and barriers to athletes' self-realization at different career stages]. In: *Rudikovskie chteniya*, 2017, pp. 128–132. (In Russ.)
19. Samygin S. I., Samygin P. S., Osipova A. A. Molodezh' i sport: psikhologicheskie bar'ery v sporte vysshikh dostizhenii [Youth and sport: psychological barriers in elite sport]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2015, no. 9, pp. 280–284. (In Russ.)
20. Dergach E. A., Ryabinina S. K. Main reasons for ending sport career and revealing the factors influencing its success with acting athletes. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki*, 2011, no. 9, pp. 1330–1342. (In Russ.)
21. Olivier Y. R., Knight C. J., Lovett V. E., Heuzé J.-P. Parent-athlete relationships: A central but underexamined consideration within sport psychology. *Sport and Exercise Psychology Review*, 2020, vol. 16, no. 2, p. 5.

22. Wigfield A., Eccles J. S. Expectancy–Value Theory of Achievement Motivation. *Contemporary Educational Psychology*, 2000, vol. 25, pp. 68–81.

23. Brustad R. Attraction to Physical Activity in Urban Schoolchildren: Parental Socialization and Gender Influences. *Research Quarterly for Exercise and Sport*, 1996, vol. 67, no. 3, pp. 316–323.

24. Eccles J. S., Harold R. D. Gender differences in sport involvement: Applying the Eccles' expectancy-value model. *Journal of Applied Sport Psychology*, 1991, vol. 3, no. 1, pp. 7–35.

25. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Moscow, AST, Kchranitel', 2006, 873 p. (In Russ.)

Information about the authors

Filippova Ekaterina B.,

student, Faculty of Social Sciences,
HSE University,

Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0009-0003-2946-0609.

ebfilippova@edu.hse.ru

Kokoreva Sofya O.,

research intern,

Centre for Sociology of Higher Education,
HSE University,

Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0009-0000-4782-3213.

sokokoreva@hse.ru

Prokopenko Mariya I.,

student, Faculty of Social Sciences,
HSE University,

Moscow, Russian Federation.

miprokopenko@edu.hse.ru

Received: 15.01.2026;

revised after review: 28.01.2026;

accepted for publication: 05.02.2026.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.cv9p-cb77

EDN: FTVHQW

УДК 316.347:323.1

Константин Александрович Корякин

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

**Российская идентичность и межэтническое согласие:
новые ресурсы консолидации и риски дезинтеграции :
[монография] / Е. М. Арутюнова, И. М. Кузнецов [и др.] ;
отв. ред. И. М. Кузнецов, С. В. Рыжова ; ФНИСЦ РАН. —
М. : ФНИСЦ РАН, 2025. — 308 с.**

Аннотация: Рассматриваемая монография представляет собой комплексное исследование, сочетающее концептуальные наработки в области макрополитической идентичности с разносторонней эмпирической базой. Политическая нация в России определяется как динамичный объект целенаправленной государственной политики, одновременно обладающий собственной субъектностью и воспроизводящийся на основе коллективной идентичности. Теоретико-методологический базис монографии выстроен на пересечении западных классических теорий социальной идентичности и отечественной традиции изучения российской идентичности. Авторы монографии предлагают модусную концептуализацию, выделяя различные стороны российской идентичности, формируя более широкий спектр ее проявлений поверх гражданско-этнического дуализма. Вместе с тем в монографии остается нераскрытым взаимодействие общенационального и этнического представлений политической нации, в том числе возможность перекрытия российской идентичности русской с размытыми границами принадлежности. В различных частях монографии само понятие идентичности рискует стать чрезмерно разросшейся «зонтичной концепцией», утрачивающей аналитическую точность в духе предупреждений Р. Брубэйкера и Ф. Купера. Дискуссионными также являются экстраполяция региональных данных на общероссийский уровень, трактовка эмпирических тенденций

исключительно в ключе укрепления идентичности без учета возможного воздействия «ралли-эффекта» в условиях кризиса, а также недостаточное внимание к региональной идентичности и социально-экономическому неравенству как важным факторам национальной сплоченности. При всей стилистической неоднородности, обусловленной вкладом множества различных авторов, монография представляет значительный интерес как итог систематического анализа эволюции макрополитической идентичности в полиэтническом государстве в условиях внутренних и внешних вызовов последних лет, также предоставляя возможность ознакомиться с различными социальными тенденциями, рассматриваемыми в контексте строительства российской нации. Авторы убедительно показывают, что российская идентичность не сводится ни к советскому наследию надэтнической общности, ни к проекту политической мобилизации, а существует в условиях непрерывного формирования посредством конструирования и стихийного многовекторного самовоспроизводства в повседневных практиках, медийном пространстве, а также в рамках межэтнического взаимодействия.

Ключевые слова: российская идентичность, макрополитическая идентичность, политическая нация, межэтническое согласие, полиэтническое государство, гражданская идентичность, этническая идентичность, национализм, патриотизм, нациестроительство

Ссылка для цитирования: Корякин К. А. Рецензия на книгу: Российская идентичность и межэтническое согласие: новые ресурсы консолидации и риски дезинтеграции : [монография] / Е. М. Арутюнова, И. М. Кузнецов [и др.] ; отв. ред. И. М. Кузнецов, С. В. Рыжова ; ФНИСЦ РАН. — М. : ФНИСЦ РАН, 2025. — 308 с. // Петербургская социология сегодня. — 2026. — Т. 18. — № 2. — С. 79–88. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.cv9p-cb77; EDN: FTVHQW

Монография Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН представляет собой комплексный труд, в котором приведены как теоретические изыскания в области общегражданской идентичности, так и эмпирические данные целого ряда исследований современной российской идентичности. Авторы рассматривают политическую нацию в России как динамичный объект целенаправленной государственной политики, который при этом обладает субъектностью, выражающейся в самостоятельном воспроизводстве в рамках коллективной идентичности. Это означает, что российская идентичность конструируется государством и в то же время может формироваться ввиду воздействия различных внешних факторов, тогда как ее образ может создаваться и негосударственными акторами. Так, идентичность, по Э. Хобсбауму, соединяет под собой этническую,

культурную, территориальную и иные формы идентичности, взаимодействуя с ними как с отдельными элементами самосознания и как с составными единицами макрополитической идентичности (с. 30). Это же соотносится с представлениями У. Кимлики о важности этнокультурной (ethnocultural) идентичности как компоненты в построении полиэтнической нации как основы государственности [1].

Монография по стилю изложения и жанру представляет собой нечто среднее между аналитическим докладом, сборником статей и авторским эссе. В первых главах обеих частей описание результатов опросов представляется сдержанным и нейтральным, напоминая отчет о выполненной работе, тогда как в некоторых главах можно отметить более свободный авторский стиль, предполагающий даже некоторые оценочные суждения, пусть и завуалированные. Например, авторы отмечают явное неодобрение позиции политика: «Мы не будем дискутировать со Смолиным...» (с. 219), а также указывают на ценностные ориентиры и эмоциональный характер позитивных наблюдений: «Республика Тыва является приятным исключением: здесь языковое законодательство и его применение весьма близки к конституционным нормам российского законодательства» (с. 229). Таким образом, монография является неоднородной по своему стилю, создавая впечатление, что хотя оригинальный авторский почерк подвергся процессу редактирования, но единообразия, свойственного монографии, достичь не удалось. Это оправдано, поскольку в книге собраны разноплановые исследования как в качественной, так и в количественной традициях, предполагающих определенный подход к описанию наблюдений.

Что касается сильных сторон работы, то чередование методологий, направленных на многоаспектное рассмотрение проблемы в соответствии с устоявшимися практиками, позволяет полноценно рассмотреть проблему с разных сторон, формируя тем самым полную картину. В рамках исследования используются опросы, глубинные интервью, критические дискурсивные исследования по Т. Ван Дейку (с. 262), кластерный анализ, контент-анализ, а также, хотя об этом не заявляется напрямую, цифровая этнография¹. Под последним понимается то, что цифровые миры этих виртуальных сообществ воспринимаются как определенное поле для исследования ввиду воспроизводства культурных и социальных практик реального мира, что совпадает с мето-

¹ Преимущественно в рамках исследования фейков, а также деструктивных онлайн-сообществ, анализ которых выполнялся посредством погружения в среду для изучения контекста деятельности этих сообществ.

дологическими особенностями цифровой этнографии в восприятии П. Вариса [2]. При этом структура монографии, которая разделена на 2 части с 9 главами в совокупности, предполагает логичное и понятное межеевание подтем с применением одной методологии в рамках главы с подробным объяснением.

Переходя к обсуждению теоретической рамки исследования, необходимо отметить, что авторы используют концепции классических теорий социальной идентичности выдающихся зарубежных ученых (П. Бергер и Т. Лукман, Г. Тэжфел и Дж. Тернер, Э. Эриксон), в то же время словно наслаивая на их теоретический «скелет» теоретико-методологические составляющие российской идентичности, выявленные преимущественно отечественными исследователями (Горшков М. К., Дробижева Л. М., Перегудов С. П., Малинова О. Ю., Паин Э. А., Пантин В. И., Семененко И. С., Тишков В. А. и др.). И если в основном в западной традиции в изучении политической нации принято выделять гражданскую и этническую ее стороны, то в данной монографии рассматриваются государственный, гражданский, территориальный, цивилизационный, духовный и культурный модусы российской идентичности (с. 26), что предполагает более подробную деконструкцию этого понятия в зависимости от сфер его содержания. Этот подход также весьма удачно подводит к методологической подготовке операционализации этого несколько перегруженного феномена для составления опросов и их последующей обработки.

Обращая внимание на важность корректного понятийного аппарата, нельзя не отметить интерпретацию национализма как концепции в привычном для российского восприятия негативном ассоциативном ряду наряду с ксенофобией и шовинизмом. В то же время подчеркивается, что «в содержательном отношении этническая идентичность служит естественной социокультурной основой для российской общенациональной идентичности» (с. 38), а также отсутствие противоречий между гражданской и этнической идентичностью. И хотя в работе отмечается схожесть ключевых маркеров российской и русской идентичностей, а также относительная инклюзивность русской этнической идентичности с присущим ей культурным ядром (с. 214), не рассматривается возможность поглощения русской идентичностью российской. Этой позиции придерживается Х. Блакисруд, который утверждает, что российская идентичность во многом была заменена русской идентичностью на основе представления о существовании русской цивилизации с весьма размытыми границами принадлежности [3].

Взаимодействие российской и русской идентичности мы находим в знаменитой работе В. Тольц: они рассматриваются как гражданское и этническое представление политической нации в России [4]. В данной монографии российская и русская идентичности рассматриваются более подробно, в результате чего делается вывод, что гражданское представление не охватывает российскую политическую нацию как таковую, а лишь один из ее модусов. Тем не менее, в отличие от В. Тольц, авторы практически не рассматривают процесс этнизации гражданства в массовом восприятии, а также примордиальное представление по Э. Смиту как российской, так и русской идентичности, в частности в расовом смысле [5]. Так, некоторые приведенные отрывки интервью с молодежью содержат в себе суждения о самокатегоризации на основе российской идентичности за счет принадлежности к славянской этнической общности, а также с указанием восприятия неславянских и неевропейских маркеров внешности как чуждых для этой идентичности (с. 124). Это же дополняет объяснение существенно более положительной оценки белорусов в модели содержания стереотипов по С. Фиск по сравнению с чеченцами и узбеками по большинству параметров. Политизация этничности как таковая, демонстрируемая ростом значения этнической идентичности, результаты исследования которой авторы ассоциируют с русским большинством (с. 39). Это скорее может быть рассмотрено как возможность снижения инклюзивности российской идентичности, если брать во внимание аргумент И. Семененко об условиях формирования инклюзивной идентичности [6].

В монографии используется нетипичная терминология гражданского и охранительного патриотизма по И. Кузнецову (с. 92), воплощенная как умеренный и убежденный патриотизм соответственно. Судя по описанным установкам о готовности применить насилие для борьбы с иностранным влиянием носителями убежденного патриотизма, а также ориентированности носителей умеренного патриотизма на демократические нормы образа жизни экономически развитых государств, представляется, что таким образом были завуалированы политические взгляды, традиционно ассоциирующиеся с консерваторами и либералами. В целом такая терминология, как и способ изложения, вполне могут отражать определенные настроения и ценности без идеологической перегруженности понятий. Тем не менее отсутствие какого-либо пояснения или же приведения ссылок на соответствующую литературу на тему соотношения понятий выглядит неожиданным на

фоне постоянного обращения к классическим теориям и концепциям в остальных главах монографии.

Что касается эмпирических наблюдений и их описания, несмотря на то что Е. М. Арутюнова, И. М. Кузнецов с другими авторами монографии порой склонны генерализировать результаты эмпирических наблюдений или же подчеркивать лишь определенную часть наблюдений, в том числе с определенной политической установкой и явным желанием оказать влияние на государственную политику¹, это осуществляется предельно аккуратно и не в ущерб исследовательской оптике. В то же время некоторые методологические обоснования выглядят предельно упрощенными допущениями, воспринимаемыми оправданными ввиду общепризнанности такого подхода. Так, отмечается, что «данные о состоянии и динамике изменения российской идентичности, полученные в Республике Саха (Якутия), отражают этнокультурную, социально-экономическую, географическую специфику данного региона, тем не менее они дают нам возможность охарактеризовать общие для всех россиян тенденции изменения профиля гражданской идентичности, связанные с переживанием разных этапов проведения СВО» (с. 61). Экстраполяция данных по отдельному региону для описания общероссийских тенденций выглядит достаточно условной, пусть и имеет определенную логику ввиду отслеживания динамики представлений по методике К. Лича.

Некоторые эмпирические данные могут объясняться не укреплением российской идентичности или ее параметров, например «ралли-эффектом», который больше связан с конструированием и восприятием общественного мнения в кризисный момент [7]. И хотя такой эффект также может быть связан с основополагающими маркерами идентичности, она обрастает чрезмерно большим количеством представлений и концепций, что приводит к ее выводу на уровень чрезмерной абстракции по лестнице теорий Д. Сартори [8]. Здесь также уместным будет замечание Р. Брубэйкера и Ф. Купера о перегрузке значения идентичности ввиду ее постоянного употребления в различных значениях, что приводит к потере аналитической пользы [9]. Таким образом, в монографии российская идентичность скорее служит зонтичной концепцией для описания различных социокультурных феноменов, которые могут быть характерны для населения России.

¹ Такой подход может проследиваться в описании контекста исследования, которое подразумевает наличие запроса на формирование российской идентичности в условиях внешнего давления, а также в подчеркивании описания преимущественно положительных по своему характеру с точки зрения государственной политики тенденций.

Авторы лишь косвенно упоминают риторическое конструирование посредством дискурса элит, в частности региональных элит, который также мог раскрыть стратегии формирования российской идентичности². И хотя в работе говорится о росте значения территориальной составляющей в российской идентичности (с. 41–42), а также о комплиментарности этнической и макрополитической идентичностей, региональная идентичность практически не рассматривается как ориентир, важный для многих регионов, связанный с принадлежностью к территории. Примерно так же, лишь косвенно, посредством опроса о доходах, образовании и собственной оценке материального благополучия, рассматривается отношение к проблеме социально-экономического и территориального неравенства, тогда как эта проблема стоит достаточно остро и может негативно сказываться на сплоченности населения России.

Вызывает вопросы достаточно смелая интерпретация результатов с обобщением и уклоном в определенную сторону, могут возникать вопросы при ознакомлении с общим выводом, особенно при некотором контрасте с представленными данными или при отсутствии их раскрытия. Такая ситуация с интерпретацией характерна для исследований в качественной традиции, которой авторы придерживаются во многих пунктах исследования, которые соотносятся с главами монографии.

Подводя итоги, монографию можно охарактеризовать как всеобъемлющий доклад об эволюции различных параметров и феноменов, так или иначе связанных с инклюзивностью российской идентичности. В целом этот труд охватывает множество феноменов, которые рассматриваются с учетом их динамики ввиду внутренних и внешних событий. Рассматриваются как отношение к различным этническим группам, ощущение принадлежности и поддержка текущего политического курса, так и реализация языковой политики на практике, а также дезинформация. В результате читатель действительно может ознакомиться с тенденциями последних лет в строительстве российской макрополитической нации. Однако при обращении к этой книге у читателя может быть потеряна перспектива ввиду изначального отсутствия определенной исследовательской оптики, поскольку монография во многом представляет «лоскутное одеяло», при этом ее высокое качество и увлекательность не поддаются сомнению.

² По аналогии с исследованием: Юзбекова К. Ш., Стародубцев А. В. Риторика поддержания особого статуса республик Российской Федерации в условиях централизации // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. — 2023. — Т. 17, № 4. — С. 50–67.

Источники

1. *Kymlicka W.* Nation-building and minority rights: comparing West and East // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. — 2000. — Vol. 26, no. 2. — P. 183–212. — DOI: 10.1080/13691830050022767.
2. *Varis P.* Digital ethnography // *The Routledge Handbook of Language and Digital Communication*. — London: Routledge, 2015. — P. 55–68.
3. *Blakkisrud H.* Russkii as the new Rossiiskii? Nation-building in Russia after 1991 // *Nationalities Papers*. — 2023. — Vol. 51, no. 1. — P. 64–79.
4. *Tolz V.* Forging the nation: National identity and nation building in post-communist Russia // *Europe-Asia Studies*. — 1998. — Vol. 50, no. 6. — P. 993–1022.
5. *Smith A. D.* Theories of nationalism. — New York: Harper & Row, 1971. — 344 p.
6. *Semenenko I.* Ethnicities, Nationalism and the Politics of Identity: Shaping the Nation in Russia // *Europe-Asia Studies*. — 2015. — Vol. 67, no. 2. — P. 306–326. — DOI: 10.1080/09668136.2014.1002681. — EDN: UFLJOP.
7. *Казун А. Д.* Эффект «rally around the flag». Как и почему растет поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? // *Полис. Политические исследования*. — 2017. — № 1. — С. 136–146. — DOI: 10.17976/jpps/2017.01.12.
8. *Sartori G.* Concept misformation in comparative politics // *American Political Science Review*. — 1970. — Vol. 64, no. 4. — P. 1033–1053.
9. *Brubaker R., Cooper F.* Beyond “Identity” // *Theory and Society*. — 2000. — Vol. 29, no. 1. — P. 1–47.

Сведения об авторе

Корякин Константин Александрович, аспирант,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»;
Санкт-Петербург, Россия.
kkoryakin@hse.ru

Статья поступила в редакцию: 03.04.2026;
поступила после рецензирования и доработки: 17.04.2026;
принята к публикации: 19.04.2026.

KONSTANTIN A. KORYAKIN

*HSE University,
St. Petersburg, Russian Federation*

BOOK REVIEW:
**Russian Identity and Interethnic Harmony:
New Resources of Consolidation and Risks of Disintegration:**
[monograph] / E. M. Arutyunova, I. M. Kuznetsov [et al.];
eds. I. M. Kuznetsov, S. V. Ryzhova; FSTAS RAS. —
Moscow: FSTAS RAS, 2025. — 308 p.

Abstract. The monograph under review is a comprehensive study that combines conceptual developments in the field of macropolitical identity with a diverse empirical base. The political nation in Russia is defined as a dynamic object of purposeful state policy, which at the same time possesses its own agency and is reproduced on the basis of collective identity. The theoretical and methodological framework of the monograph is built at the intersection of classical Western theories of social identity and the Russian scholarly tradition of studying Russian identity. The authors of the monograph propose a mode-based conceptualization, identifying various aspects of Russian identity and forming a broader spectrum of its manifestations beyond the civic-ethnic dualism. At the same time, the monograph does not fully reveal the interaction between nationwide and ethnic representations of the political nation, including the possible overlap between Russian identity and ethnic Russian identity, with blurred boundaries of belonging. In different parts of the monograph, the very concept of identity risks becoming an overly expanded “umbrella concept” that loses analytical precision, in line with the warnings of R. Brubaker and F. Cooper. Also debatable are the extrapolation of regional data to the national level, the interpretation of empirical trends exclusively in terms of identity consolidation without taking into account the possible impact of the “rally effect” in a crisis context, as well as insufficient attention to regional identity and socio-economic inequality as important factors of national cohesion. Despite a certain stylistic heterogeneity resulting from the contribution of numerous authors, the monograph is of considerable interest as the result of a systematic analysis of the evolution of macropolitical identity in a polyethnic state amid the internal and external challenges of recent years. It also provides an opportunity to examine various social trends considered in the context of Russian nation-building. The authors convincingly demonstrate that Russian identity cannot be reduced either to the Soviet legacy of a supra-ethnic community or to a project of political mobilization, but exists under conditions of continuous formation through both construction and spontaneous multidirectional self-reproduction in everyday practices, the media space, and interethnic interaction.

Keywords: Russian identity, macropolitical identity, political nation, interethnic harmony, polyethnic state, civic identity, ethnic identity, nationalism, patriotism, nation-building

For citation: Koryakin K. A. Book Review: “Russian Identity and Interethnic Harmony: New Resources of Consolidation and Risks of Disintegration”: [monograph] / E. M. Arutyunova, I. M. Kuznetsov [et al.]; eds. I. M. Kuznetsov, S. V. Ryzhova; FSTAS RAS. — Moscow: FSTAS RAS, 2025. — 308 p. *St. Petersburg Sociology Today*. 2026. Vol. 18. No. 2. P. 79–88. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.cv9p-cb77; EDN: FTVHQW

References

1. Kymlicka W. Nation-building and minority rights: comparing West and East. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2000, vol. 26, no. 2, pp. 183–212. DOI: 10.1080/13691830050022767.
2. Varis P. Digital ethnography. *The Routledge Handbook of Language and Digital Communication*. London, Routledge, 2015, pp. 55–68.
3. Blakkisrud H. Russkii as the new Rossiiskii? Nation-building in Russia after 1991. *Nationalities Papers*, 2023, vol. 51, no. 1, pp. 64–79.
4. Tolz V. Forging the nation: National identity and nation building in post-communist Russia. *Europe-Asia Studies*, 1998, vol. 50, no. 6, pp. 993–1022.
5. Smith A. D. *Theories of nationalism*. New York, Harper & Row, 1971, 344 p.
6. Semenenko I. Ethnicities, Nationalism and the Politics of Identity: Shaping the Nation in Russia. *Europe-Asia Studies*, 2015, vol. 67, no. 2, pp. 306–326. DOI: 10.1080/09668136.2014.1002681.
7. Kazun A. D. Effekt “rally around the flag”. Kak i pochemu rastet podderzhka vlasti vo vremya tragediy i mezhdunarodnykh konfliktov? [The “rally around the flag” effect: How and why support for the authorities grows during tragedies and international conflicts]. *Polis. Political Studies*, 2017, no. 1, pp. 136–146. DOI: 10.17976/jpps/2017.01.12. (In Russ.)
8. Sartori G. Concept misformation in comparative politics. *American Political Science Review*, 1970, vol. 64, no. 4, pp. 1033–1053.
9. Brubaker R., Cooper F. Beyond “Identity”. *Theory and Society*, 2000, vol. 29, no. 1, pp. 1–47.

Information about the author

Koryakin Konstantin A., postgraduate student,
National Research University Higher School of Economics;
St. Petersburg, Russia.
kkoryakin@hse.ru

Received: 03.04.2026;
revised after review: 17.04.2026;
accepted for publication: 19.04.2026.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.33e3-7z52

EDN: UOURPP

УДК 316:001.89

**ЕЛЕНА ГЕННАДЬЕВНА ЛАКТЮХИНА,
АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА МАРТЫНЕНКО¹**

*¹ Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

IV ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «(НЕ)НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИИ»

23–24 апреля в Социологическом институте РАН — филиале ФНИСЦ РАН состоялась IV Всероссийская научная конференция «(Не)новые вызовы и возможности социологии».

Участников конференции приветствовал *Руслан Геннадиевич Браславский*, д.соц.н., и.о. директора СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН. Он подчеркнул значимость социологических исследований и сделал краткий обзор научных направлений, развиваемых сотрудниками института. Обращаясь к участникам, *Ирина Ильинична Елисеева*, главный научный сотрудник СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН, подчеркнула, что эта конференция возникла по инициативе редакции журнала «Петербургская социология сегодня» (ПСС).

Сделав краткий обзор истории развития журнала и тематики, И. И. Елисеева сообщила, что со второго квартала 2026 г. решением Рособрандзора ПСС стал сетевым ежеквартальным журналом¹.

Открывая работу секции «**Эволюция семьи: современный этап**», модератор заседания И. И. Елисеева подчеркнула значимость эволюционного подхода к семье, родственным связям, в развитие которого внесли вклад И. С. Кон, С. И. Голод, А. А. Клецин, О. Н. Бурмыкина.

¹ Архив издания за все годы, начиная с 2009-го, доступен по адресу URL: <https://piter-sociology.ru/>.

Отметила, что значимость этого исследовательского направления возрастает. В частности, изучение межпоколенческого взаимодействия родственников становится все более актуальным по мере увеличения продолжительности жизни и, соответственно, периода сосуществования нескольких поколений в рамках одной семейной линии. По словам докладчика, в среднем совместное сосуществование трех поколений составляет 22–25 лет, а четырех поколений — 11–13 лет. И. И. Елисеева напомнила, что начало статистико-социологических исследований в этой области было положено работой «Структура и функции семейных групп», выполненной совместно с В. Л. Ружже и Т. С. Кадибур и поддержанной А. Г. Волковым, руководителем Отдела демографии НИИ статистики ЦСУ. В постсоветский период значимость межпоколенческих контактов была подтверждена и в более поздних исследованиях, в частности в работах А. А. Мироновой. Особое внимание в выступлении было уделено дискуссии о природе родственных связей в современном обществе. Если в западной исследовательской традиции родственные контакты нередко интерпретируются как признак менее развитой социальной среды, где семейная поддержка компенсирует недостаток инфраструктуры, то российский материал, как показала автор доклада, требует более нюансированного взгляда, учитывающего не только структурные ограничения, но и альтруизм, эмоциональную близость и готовность родственников оказывать друг другу помощь. Было отмечено, что развитие интернет-коммуникаций и мобильной связи усилило эмоционально-психологическую включенность родственников друг в друга, одновременно сократив долю повседневных контактов, связанных с бытовой помощью, например с покупкой продуктов и товаров. При этом по-прежнему ключевыми сферами межпоколенческой поддержки остаются уход за детьми, хронически больными и пожилыми людьми, а также помощь в воспитании и обучении детей. В этом контексте межпоколенческие связи были представлены как одно из значимых конкурентных преимуществ российского общества. В заключение И. И. Елисеева провела параллели между эволюцией родственных контактов в России и Китае.

Доклад *Натальи Александровны Нечаевой, со-модератора* (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) «Трансформация ситуационных установок молодежи в структуре гендерных картин мира» был посвящен изменениям в представлениях молодежи о гендерных ролях в семейной жизни в период с 1996 по 2023 г. На материале исследования были выделены два устойчивых комплекса установок — отношение к двойной морали и к профессиональной самореализации женщины. Как показала докладчица, в ситуациях, объединенных общим гендерным

содержанием, молодежь демонстрирует склонность к выбору либо традиционно-патриархатной, либо современно-эгалитарной модели поведения. При этом двойная мораль в нормах поведения мужчин и женщин, по данным исследования, не поддерживается большинством молодежи, и эта тенденция сохраняется на протяжении всего рассматриваемого периода. Одновременно растет число юношей и девушек, которые в сложных семейных обстоятельствах делают выбор в пользу работы и профессиональной реализации женщины, высоко оценивая ее самостоятельность, уверенность в себе и стремление к развитию собственных способностей. Полученные результаты, по мнению докладчицы, свидетельствуют о возрастании субъектности женщины в современной гендерной картине мира.

Доклад *Александра Георгиевича Щёлкина* (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) «Ухаживание: до и после свадьбы — с онтологической точки зрения» носил философско-социологический характер и был посвящен осмыслению ухаживания как особого состояния любовного отношения. Докладчик предложил рассматривать ухаживание не просто как предсвадебный этап, а как форму романтической любви, не сводимую к расчету, социальной функции или прагматическим целям. Особое внимание было уделено бескорыстному характеру любовного чувства, а также роли препятствий, дистанции и самоограничения, которые, по мысли автора, не разрушают любовь, а выявляют ее глубину. В этом контексте был поставлен вопрос о том, может ли ухаживание продолжаться после свадьбы. Ответ на него прозвучал утвердительно: если понимать ухаживание как способ поддержания самой ткани любовного отношения, то оно не исчерпывается добрачным периодом, а может сохраняться и в браке, несмотря на давление повседневных забот и рутинизацию отношений.

Доклад *Лилии Сергеевны Панкратовой* (Санкт-Петербургский государственный университет / СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) «Цивилизационные основания институционализации многодетной семьи в современном российском обществе» был посвящен социокультурным условиям, в которых в России формируется и закрепляется образ многодетной семьи как значимой общественной нормы. Опираясь на вторичный анализ данных опросов АЦ ВЦИОМ, докладчица рассмотрела институционализацию многодетности в контексте задач демографической безопасности и государственной политики поддержки семей с детьми. Особое внимание было уделено нескольким тенденциям, влияющим на этот процесс. Среди них — культурное разнообразие российских регионов и поселений, определяющее различия в ресурсах и возможностях для поддержки многодетных семей, межпоколенческие

расхождения в представлениях о браке, рождении детей и желаемом размере семьи, а также конкуренция различных ценностных моделей, задающих разные сценарии частной и семейной жизни. Как показала докладчица, индивидуализация и консьюмеристские установки становятся серьезным вызовом для воспроизводства традиционных семейных ценностей, связанных с солидарностью, взаимной поддержкой и ориентацией на рождение и воспитание детей.

Доклад *Ирины Сергеевны Петуховой* (Петрозаводский государственный университет / СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) и *Юлии Александровны Федоровой* (Петрозаводский государственный университет) был посвящен тактикам распределения родительских обязанностей в современных семьях Петрозаводска. Исследование опиралось на полуструктурированные фокусированные интервью, проведенные отдельно с каждым из партнеров, и было направлено на построение типологии повседневных способов организации заботы о детях. Авторы выделили четыре тактики — пассивное принятие, активное согласование, ситуативное распределение и делегирование третьим лицам, подчеркнув, что различаются не столько сами обязанности, сколько способы формирования и осмысления сложившегося порядка. Особый интерес представлял анализ внутрисемейных расхождений: при сходстве в описании практик партнеры по-разному оценивали степень женской нагрузки, строгость воспитания и значимость помощи со стороны родственников. Доклад показал, что даже при декларируемом равноправии гендерная асимметрия в семье может сохраняться и не всегда осмысливается как несправедливость.

В докладе *Нatalьи Леонидовны Фадеевой* и *Александра Алексеевича Комарова* (Петрозаводский государственный университет) «Помогает ли помощь? Социальная поддержка глазами многодетных семей Республики Карелия» были представлены результаты онлайн-опроса многодетных семей, посвященного восприятию и использованию различных форм поддержки. Авторы рассмотрели помощь со стороны государства и ближайшего окружения, показав, что в повседневной жизни семей значимы обе. По данным исследования, около 70% опрошенных получают от родственников и близких помощь в присмотре за детьми, уходе, сопровождении, организации досуга и финансах. Государственная поддержка также воспринимается как необходимая, хотя нередко оценивается как недостаточно эффективная. Наиболее востребованными ее формами оказались материально-финансовая, образовательная и рекреационная помощь.

Доклад *Татьяны Захаровны Протасенко* (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) «Какие времена, такие и песни 2.0. Тема семьи и содержание современных песен» был посвящен тому, как семейная

проблематика отражается в современном песенном творчестве. На материале качественного анализа песенных текстов и более широких музыкальных контекстов докладчица показала, что тема семьи в современных песнях чаще всего раскрывается через мотивы ожидания, возвращения, дома, детей и надежды на восстановление мирной жизни. При этом семейные сюжеты, как было отмечено в докладе, оказываются включены в более широкий эмоциональный фон тревоги, утраты и размышления о происходящем. Отдельное внимание было уделено сопоставлению современных песен с более ранней рок-поэтической традицией, что позволило проследить изменение тематических акцентов и способов переживания социальных событий в музыкальной культуре.

Доклад *Марии Александровны Зыряновой* (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, Коми НЦ УрО РАН) «Институт нянь в современной России: актуальные предпосылки нового этапа развития» был посвящен факторам, способствующим росту спроса на профессиональные услуги по уходу за детьми. Докладчица связала этот процесс с нуклеаризацией семей, урбанизацией, повышением пенсионного возраста, ужесточением санитарного контроля в детских садах после пандемии, а также с изменением репродуктивных установок и ростом занятости женщин. По мысли автора, совокупность этих социально-экономических и демографических условий формирует устойчивый запрос на помощь в уходе за детьми и способствует переходу от неформальной занятости нянь к более оформленному и цивилизованному рынку услуг. Работа секции завершилась дискуссией, лейтмотивом которой стала ответственность социологов за обоснованность выводов; отмечалась сомнительность расширительной интерпретации результатов, полученных на слабом эмпирическом основании; одобрено массовое обследование многодетный семей Карелии.

Секция «Цифровая (не)реальность семьи: вызовы и возможности»

Модераторы: Лактюхина Елена Геннадьевна (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН / Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Кранзеева Елена Анатольевна (Кемеровский государственный университет)

Секция была посвящена различным аспектам цифровизации родительства и семейных практик, включая вопросы контроля, заботы и трансформации образовательных стратегий. В представленных докладах рассматривались как повседневные практики использования цифровых технологий в семье, так и более широкие социальные

эффекты — от формирования новых норм «хорошего родительства» до усиления социального неравенства и мобилизационного потенциала онлайн-сообществ. В целом материалы секции продемонстрировали противоречивость цифровой среды, которая одновременно расширяет возможности поддержки и взаимодействия в семье, но усиливает контроль и ставит под вопрос границы приватности.

Галиндабаева Вера Валериевна (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) в докладе «Цифровое родительство: контекст приемной семьи» представила социологический анализ ситуаций, когда цифровые технологии используются родителями для мониторинга приватного пространства приемных детей в доме. Вера Валериевна использовала концепты «гетеротопия кризиса» и «гетеротопия отклонения», представила камеры видеонаблюдения как свидетелей, переопределяющих пространство как небезопасное, отклоняющееся от нормы. Камеры видеонаблюдения в приемных семьях представлены инструментом самозащиты перед этим «невидимым надзирателем» — государством.

Кранзеева Елена Анатольевна (Кемеровский государственный университет) представила доклад «Родительские сетевые сообщества Сибири: мобилизационный потенциал». Елена Анатольевна провела классификацию виртуальных родительских сообществ и выявила основное содержание взаимодействия их пользователей: эмоциональная поддержка, обмен вещами, обмен практическими знаниями и советами. А также выявлен высокий мобилизационный потенциал членов анализируемых сообществ.

Прошкова Зоя Вячеславовна (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) выступила с докладом «Поиск оптимального образовательного формата для семьи в медийных нарративах педагогов онлайн-школ». На основе анализа текстов сетевых СМИ, блогов и сайтов онлайн-школ Зоя Вячеславовна выявила ключевые темы: обсуждение особенностей и перспектив онлайн-образования, доходы учителей, недостатки работы в онлайн-школах, корпоративное обучение и оптимизация затрат времени, приобретаемый в онлайн-школах профессиональный опыт и система школьного образования в России.

Антонова Наталья Леонидовна (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина) выступила с докладом «Материнство: новые вызовы в условиях цифровизации». На материалах интервью автор показывает влияние социальных сетей, транслирующих ролевые модели матери, на женщин, имеющих детей дошкольного возраста. Автором выделены женские образы, транслируемые социальными сетями, а также выявляет механизмы помощи и отвлечения, к которым прибегают молодые мамы: обращение

к родственникам, отвлечение на развлекательный контент, физическая активность и спорт и т. д.

Петрунина Елена Олеговна (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) в докладе на тему «Цифровизация родительства и социальное неравенство: дискурсивный анализ детских смарт-часов в разных ценовых сегментах» подняла вопросы трансформации родительских практик и формирования новых норм «хорошего родительства» в цифровую эпоху. Елена Олеговна сделала выводы о том, что в контексте смарт-часов надзор объясняется через дискурс безопасности, но фактически он выступает инструментом контроля, который лишает ребенка права на приватность.

Томашевская Полина Юрьевна (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург) представила доклад «Как родители следят за детьми: количественный анализ отзывов на детские умные часы». Полина Юрьевна, проанализировав тексты отзывов о детских умных часах, сделала следующие выводы: в отзывах об умных часах для девочек присутствует больший фокус на геолокации и прослушке, в отзывах на часы для мальчиков есть фокус на удобстве ребенка, качестве часов и связи.

Лактюхина Елена Геннадьевна (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) в докладе «Цифровое родительство: техники заботы» представила модель концептуализации практик использования детской носимой электроники с позиций логики заботы и логики выбора. *Молчанова Елена Геннадьевна* (Европейский университет в Санкт-Петербурге) обобщила, как рациональности рыночного поведения и цифровые технологии проникли в практики заботы о детях и принесли с собой новые практики взаимодействия родителей с детьми.

Секция «Город как социальное пространство: интеграции, устойчивости, практики»

Модератор: Рассолова Елена Николаевна (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН)

Секция была посвящена тому, как городское пространство становится средой социальных, экологических и культурных изменений. Разнообразные по тематике доклады показали все богатство городской ткани. Доклады объединены интересом к тому, как городская инфраструктура, нормы, практики и символические образы влияют на качество жизни, доступность пространства и устойчивое развитие. В работе секции были представлены четыре доклада, каждый из которых раскрыл отдельный аспект городской жизни.

Мамонова Ольга Николаевна (Европейский университет в Санкт-Петербурге) в докладе «Трансформация экологической морали

и риск-ориентированные практики: экологическая безопасность на особо охраняемых природных территориях» поделилась тем, как меняются экологические ценности и поведение в контексте природо-охранных территорий. Автор показала, как абстрактные моральные императивы сохранения природы обретают реальное воплощение в инфраструктурных решениях, а экологическая этика интегрируется с риск-ориентированным подходом.

Бондарев Валерий Петрович (МГУ имени М. В. Ломоносова) обратился к теме социологического поворота в геоэкологии. На результатах интервью с жителями прибрежных территорий р. Оки и Лены докладчик показал связь длительности проживания, типа деятельности и озабоченности изменением уровня реки. Работая с концептом «экологической озабоченности», автор выделил группы респондентов с разным уровнем осведомленности.

Гудкова Яна Александровна (РУДН имени Патриса Лумумбы) в докладе «Креативные кластеры в городской среде: социальные границы и ограничения интеграции» обратила внимание на включение творческих пространств в город как драйверов локальной экономики. Креативные кластеры позволены одновременно как проявление новых городских процессов и как продолжение давно обсуждаемых социологических вопросов о социальных границах и интеграции в городской среде.

Доклад *Мухаметзяновой Алисы Рашидовны* (Государственное казенное учреждение Республики Мордовия, НЦ социально-экономического мониторинга) «Возможности визуальной социологии для исследования доступности городской среды для лиц с нарушениями мобильности» позволил «увидеть» повседневные трудности исследуемой группы лиц и сделать их аналитически наблюдаемыми. Визуальная социология представлена инструментом фиксации невидимых или недооцененных препятствий, возможного конструирования более точных рекомендаций по инклюзивной городской политике.

Все доклады вызвали оживленную дискуссию, которая позволила превратить секцию в междисциплинарную площадку, где город был рассмотрен как социальная, экологическая и культурная среда.

Секция «Пожилые люди: здоровье, уход и занятость»

Модератор Галкин Константин Александрович (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН)

На секции «Пожилые люди: здоровье, уход и занятость» прозвучало несколько значимых докладов, посвященных различным аспектам

жизни представителей старшего поколения. В центре внимания участников находились вопросы здоровья, занятости, ухода, самореализации и повседневных практик, формирующих современное видение старения. *Светлана Анатольевна Григорьева* (Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина) представила доклад «Геронтоарт: эстетика пожилого возраста». В работе исследовалась роль искусства и творческих практик в формировании позитивного восприятия старения. Автор показала, каким образом геронтоарт способствует преодолению устойчивых стереотипов о позднем возрасте, помогает пожилым людям реализовывать потребность в самовыражении и формирует новую эстетику старости, в рамках которой возраст воспринимается не как упадок, а как особый жизненный этап, обладающий собственной ценностью, красотой и социальной значимостью.

Корнилова Марина Валерьевна (Институт социологии ФНИСЦ РАН) и *Галкин Константин Александрович* (Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН) выступили с докладом «Сценарии конструирования возраста пожилыми людьми в моделинге как пример реализации практик активного долголетия». Исследователи проанализировали участие представителей старшего возраста в модельной индустрии и пришли к выводу, что подобный опыт позволяет переосмысливать возрастные границы, активно формировать собственную идентичность и демонстрировать обществу возможности активного, продуктивного и творческого старения. Моделинг в данном случае выступает не только как профессиональная деятельность или форма досуга, но и как полноценная социальная практика, поддерживающая физическое, эмоциональное и психологическое благополучие.

Галкин Константин Александрович (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) также представил доклад «Альтернативные лечебные практики и преодоление медиализации у пожилых людей в сельской местности». В исследовании рассматривались стратегии поддержания здоровья сельскими жителями старшего возраста, которые нередко опираются не только на официальную медицину, но и на народные методы лечения, фитотерапию, самолечение и практики взаимопомощи. Автор отметил, что в условиях ограниченного доступа к медицинским услугам подобные способы становятся важным ресурсом сохранения здоровья, несмотря на наличие определенных рисков. Доклад подчеркнул необходимость учитывать подобные традиции при разработке программ здравоохранения и социальной поддержки для сельских территорий.

Ермолаева Анастасия Ивановна (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) в докладе «Особенности организации неформального ухода за пожилыми людьми в малых селах Карелии» рассмотрела специфику ухода

в сельской среде. Исследование показало, что в малых населенных пунктах забота о пожилых людях чаще всего осуществляется силами семьи, родственников и соседского окружения без привлечения профессиональных социальных служб. Подобная система основана на устойчивых традициях взаимопомощи и локальной солидарности, однако одновременно сталкивается с серьезными проблемами нехватки ресурсов, эмоционального выгорания ухаживающих и ограниченности институциональной поддержки. Автор подчеркнула необходимость развития механизмов поддержки неформальных сетей ухода через социальные программы и укрепление местных сообществ.

Червякова Анна Александровна (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») выступила с докладом «Связь шоков здоровья и занятости в среднем и старшем возрасте в России: социально-экономические различия». В исследовании анализировалось влияние серьезных проблем со здоровьем на возможность продолжения трудовой деятельности у людей среднего и старшего возраста. Было выявлено, что последствия подобных «шоков здоровья» существенно различаются в зависимости от социально-экономического положения человека: респонденты с более высоким уровнем дохода и образования значительно чаще сохраняют занятость благодаря доступу к качественному лечению, более устойчивому положению на рынке труда и возможности использовать гибкие форматы занятости. Автор акцентировала внимание на необходимости развития социальной политики, направленной на поддержку трудовой активности пожилых людей, особенно представителей наиболее уязвимых социальных групп.

Представленные доклады продемонстрировали широкий спектр современных исследований, посвященных позднему возрасту: от эстетики старения и творческих практик до вопросов здравоохранения, занятости и организации ухода. Старение не может рассматриваться исключительно как медицинская или демографическая проблема, поскольку оно затрагивает широкий круг социальных, культурных и экономических процессов. В основных выводах участников секции подчеркиваются значимость активного долголетия, необходимость учета региональных и социально-экономических различий, а также важность поддержки неформальных систем ухода и альтернативных стратегий сохранения здоровья. Особое внимание было уделено признанию субъектности пожилых людей, их способности самостоятельно конструировать собственные жизненные сценарии, адаптироваться к изменяющимся условиям и формировать новые практики повседневной жизни.

Секция «Современное здравоохранение и здоровьесбережение: агенты, ценности, практики»

Модератор: Назарова Инна Борисовна (Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Актуальной и перспективной темой в рамках исследования здоровья остается содержание образа жизни населения в целом и представителей различных социальных групп. Особое внимание обращено на здоровье молодого поколения и на комплекс мероприятий, включающих специальные коммуникации контрагентов — самих детей и молодых людей, родителей, педагогов, врачей.

Сурмач Марина Юрьевна (Гродненский государственный медицинский университет) в докладе «Социально-поведенческие факторы здоровья белорусских подростков» определила, что детей школьного возраста необходимо рассматривать как отдельную социальную группу, в которой медико-гигиеническое обучение является обязательным и должно реализовываться комплексно, посредством включения в различные составляющие учебного процесса.

Парфенова Оксана Анатольевна (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) в докладе «Здоровье в жизни молодого поколения: ценности, практики и новая материальность» рассмотрела связь физического и социального поведения, направленного на сохранение или потерю физического и ментального здоровья. Отмечена нерегулярность поведения, направленного на сохранение здоровья, и вторичность профилактических действий.

Журавлева Ирина Владимировна (Институт социологии ФНИСЦ РАН) в докладе «Онлайн-риски и здоровье современных подростков» рассмотрела особенности влияния процессов цифровизации на здоровье подростков. Отмечена необходимость формирования цифровой культуры и грамотности у всех участников процесса цифровизации — подростков, родителей, педагогов, врачей, причем для подростков это обучение предполагает системный характер. Важно обеспечить условия и возможности подросткам для личностного общения, физической активности, творчества как противовеса цифровому общению.

Крошилин Сергей Викторович (Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римащевской ФНИСЦ РАН) в докладе «Индивидуальный информационный ЗОЖ: молодежь против взрослых» концептуализировал необходимость постоянной корректировки и дополнения базовых, классических инструментов «ведения ЗОЖ» инновационными вариантами. К таким факторам отнесены

модернизированные или вновь созданные риски, способные вызывать существенный урон и дисбаланс в правила соблюдения ЗОЖ, в том числе лавинообразный переход к использованию ИКТ, ИИ и всех средств коммуникаций, базирующихся на мобильной связи и интернет-технологиях. Риски в том числе связаны с тем, что практически каждый десятый молодой человек демонстрирует агрессивное поведение при необходимости «выйти» из сети «Интернет»; среди представителей старшего поколения таких в два раза меньше.

Склярова Татьяна Валентиновна, Яхина Римма Равильевна. (ГУЗ Саратовский областной центр общественного здоровья и медицинской профилактики; ФГБОУ ВО Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина) представили доклад «Медико-социальные перспективы воздействия стресса: результаты социологического исследования студенческой молодежи». Выявлено, что стрессовыми факторами для студентов являются такие социальные практики, как подготовка и сдача сессии, в связи с чем необходима как социальная, так и психологическая поддержка со стороны психолога и близких людей.

Пономарёв Анатолий Иванович (ФГБОУ ВО Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского) в докладе «Антропологический поворот в социологии инвалидности: триединая модель адаптации незрячих третьего возраста» представил проблему людей с ограниченными возможностями по зрению. Поведение людей с ограничениями по зрению обусловлено триединой моделью природы человека (физическое, духовное, социальное), в связи с чем необходимо создавать дружественную среду, которая позволит применить людям свои возможности, быть полезными обществу.

Кислицына Ольга Анатольевна (Институт экономики РАН) в докладе «Искусственный интеллект в здравоохранении глазами россиян: информированность и ожидания» отметила, что доверяют ИИ в медицине люди с плохим здоровьем (поскольку ИИ вселяет в них надежду на более качественную помощь) и более обеспеченные люди (поскольку связывают ИИ с сервисом более высокого качества). Опасаются ИИ преимущественно люди с низкой информационной грамотностью.

Нестеров Роман Сергеевич (Институт социологии ФНИСЦ РАН) в докладе «Роль и место некоммерческих организаций в профилактике ВИЧ-инфекции» обозначил особенности оказания поддержки представителям группы риска в отношении ВИЧ-инфекции, которые в силу различных причин не готовы менять поведение и обращаться к представителям системы здравоохранения.

Назарова Инна Борисовна (Институт социологии ФНИСЦ РАН) в докладе «Диспозиционная проблематика при отказе от вредных

привычек» рассмотрела установки на потребление алкогольных напитков и стремление отказаться от потребления.

Секция «Политическое и религиозное: сущности и контексты»

Модератор Дмитриева Валерия Денисовна (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН)

Секция «Политическое и религиозное: сущности и контексты» была организована при поддержке Совета молодых ученых СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН. Работа секции выстраивалась вокруг вопроса о социальной значимости религии.

В своем выступлении *Швая Андрей Юрьевич* (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) рассмотрел трансформации политического пространства, заданные конфликтом сторонников и противников передачи Исаакиевского собора Русской православной церкви. Проанализировав дискурсивные фреймы, или смысловые блоки, важнейшим из которых является фрейм справедливости, докладчик пришел к выводу о недостаточности связей между церковью и региональной элитой для вхождения в поле «музейного управления».

Доклад *Гейм Анжелы Денисовны* (СЗФ РГУП им. В. М. Лебедева), посвященный судебному контролю по статье 125 УПК РФ в делах, затрагивающих религиозно значимые аспекты, был сфокусирован на изучении судебной практики. Как продемонстрировала автор, в исследуемой области религиозная аргументация не обладает автономным статусом и, следовательно, защита религиозных интересов осуществляется через обращение к общепроцессуальным категориям.

В своем докладе *Артеев Сергей Павлович* и *Сигачев Максим Игоревич* (ИМЭМО РАН) раскрыли специфику религиозного фактора в политике США. В настоящее время христианство, традиционно занимающее значимые позиции в американском контексте, оказывается также важным компонентом MAGA идеологии. Во внутренней политике это проявляется, например, в подчеркнутой религиозности политической элиты страны. На внешнеполитическом направлении постсекулярный тренд определяет позиционирование Д. Трампа в качестве защитника христиан. При этом религиозное не ограничивает собственно политическое, о чем свидетельствует открытая критика Президентом США папы римского Льва XIV.

Продолжая линию размышлений о политизации религии и / или религиозизации политики, *Дмитриева Валерия Денисовна* исследовала дискурс представителей католической элиты Европы. На основании

анализа 192 текстов, содержащих высказывания кардиналов относительно актуальной европейской политики, докладчиком установлено, что дискурс церковных иерархов обладает достаточно высокой адаптивностью. Кардиналы-европейцы не только «переводят» религиозные понятия на светский язык, но и учитывают изменения политической ситуации на региональном и глобальном уровнях.

Обратившись к феномену нового атеизма, *Коростиченко Елена Игоревна* (Институт философии РАН) отметила рост численности людей, которые не относят себя к какой-либо религии (nones). В американском контексте новый атеизм стал первым массовым и медийно успешным проектом, в котором критика религии запустила создание как соответствующих текстов, так и сообщества. Автор подчеркнула, что новый атеизм, направленный на отрицание веры, способствует также формированию позитивной самоидентификации социальной группы, манифестирующей атеистическую идентичность в публичных дебатах, символических практиках и борьбе за признание собственных прав.

В своем выступлении *Игнатова Татьяна Анатольевна* (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), напротив, акцентировала внимание на личностном, а не социальном аспекте религиозности. На основании онлайн-опроса 105 человек, инфицированных ВИЧ, докладчик пришла к выводу о сравнительно высоком ресурсном потенциале религии в поддержании жизненных смыслов. Несмотря на то что лишь 24,8% людей с этим заболеванием считают религию важной сферой жизни, анализ их ценностных ориентаций подтвердил значимость индивидуализированной религиозности, способствующей снижению тревоги и неопределенности.

В свою очередь, проведенный *Каримовым Дамиром Артуровичем* (КФУ) опрос 132 человек из мусульманского прихода в Казани выявил мотивы религиозной благотворительности. Согласно результатам, основной мотивацией совершения пожертвований, которые 46% респондентов делают раз в месяц, выступает одобрение Аллаха. Наименьшие баллы при оценке мотивации получили желание заслужить авторитет / признание и традиционность пожертвований, в связи с чем докладчик констатировал приоритетность религиозного над социальным в исследуемой практике.

Резюмируя, секция объединила представителей разных областей знания, исходящих из отличных посылок и теоретико-методологических перспектив. Развернувшаяся научная дискуссия затронула соотношение религиозного и политического (и шире — социального), вновь актуализировав исследование тенденций и пределов секуляризации.

Благодаря отличной технической поддержке работа всех секций прошла успешно. Сожалеем, что несколько заявленных докладов, включенных в программу конференции, не были представлены.

Сведения об авторах

Лактюхина Елена Геннадьевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург / Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия. Laktuchina@mail.ru

Мартыненко Александра Александровна, младший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. amartynenko@eu.spb.ru

Обзор поступил в редакцию: 10.05.2026;
принят к публикации: 16.05.2026.

ELENA G. LAKTYUKHINA, ALEXANDRA A. MARTYSENKO

Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation

**THE FOURTH ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC
CONFERENCE “(NOT-)NEW CHALLENGES
AND OPPORTUNITIES OF SOCIOLOGY”**

Information about the authors

Elena Gennadyevna Laktukhina, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation / European University at St. Petersburg, Russia. Laktuchina@mail.ru

Alexandra Aleksandrovna Martynenko, Junior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation. amartynenko@eu.spb.ru

Received: 10.05.2026;
accepted for publication: 16.05.2026.

Владислав Юрьевич Бочаров^{1,2},
Юлия Владимировна Васькина^{1,2},
Светлана Вячеславовна Егорова¹

¹ Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева,
Самара, Россия

² Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

ШЕСТЫЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ ИМЕНИ Б. Г. ТУКУМЦЕВА «ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»: ВЗГЛЯД САМАРСКИХ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

25 декабря 2025 г. на социологическом факультете Самарского университета состоялись VI социологические чтения имени Будимира Гвидоновича Тукумцева на тему «Трансформация социальных институтов современной России». Научная программа чтений была посвящена анализу ключевых изменений в социальных институтах российского общества в условиях современных вызовов, выявлению основных тенденций, проблем и перспектив их развития, а также роли российской молодежи в происходящих изменениях¹.

Отметим, что в 2025 г. чтения вышли на качественно новый уровень². Впервые эти чтения прошли в формате межрегиональной коллаборации совместно с Центром исследований социально-трудовой сферы им. Б. Г. Тукумцева (руководитель — к.ф.н., в.н.с. **Г. В. Еремичева**) СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН (г. Санкт-Петербург). Благодаря

¹ Программа Шестых студенческих социологических чтений имени Б. Г. Тукумцева «Трансформация социальных институтов современной России» опубликована на официальном сайте СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН: <https://socinst.ru/category/news/siran-conf/>.

² Об истории проведения этих чтений см.: Авдошина Н. В., Васькина Ю. В., Бочаров В. Ю. Самарская школа социологии труда: история и современность // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 23. — С. 39–56. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-23.m4m3-vj34. EDN: QTCPDZ.

телемосту к научному диалогу в онлайн-формате присоединились студенты и магистранты (научный руководитель: к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления СЗИУ РАНХиГС **А. Н. Муфтахова**) ведущих вузов Санкт-Петербурга (Северо-Западный институт управления (СЗИУ) РАНХиГС и Санкт-Петербургский государственный университет). Это позволило не только расширить географию чтений, но и обогатить дискуссию взглядами молодых исследователей из разных научных центров.

Открывая чтения, доцент кафедры социологии и культурологии Самарского университета **В. Ю. Бочаров** подчеркнул важность сохранения традиций самарской школы социологии труда и изучения наследия ее основателя **Будимира Гвидоновича Тукумцева**. Декан социологического факультета Самарского университета, доцент **С. В. Егорова**, отметила ключевую роль чтений в воспитании нового поколения социологов и заявила о поддержке мероприятия Самарским университетом, что знаменует выход чтений на официальный межвузовский уровень. Заведующая кафедрой социологии и культурологии Самарского университета доцент **Ю. В. Васькина** акцентировала внимание на значении социологических чтений для развития у студентов навыков научной работы, публичных выступлений и профессиональной коммуникации.

Далее студенты и магистранты представили серию докладов, объединенных общей исследовательской оптикой — институциональным анализом. Молодые исследователи рассмотрели ключевые социальные институты современности — от рынка труда и образования до культуры и государства — сквозь призму их стремительной трансформации под влиянием цифровых технологий, новых практик и меняющихся ценностей. Выступления логически дополняли друг друга, позволяя представить комплексную картину институциональных сдвигов в современном российском социуме. Отметим наиболее яркие доклады, представленные самарскими молодыми учеными.

Открыла дискуссию **Мария Бочарова** с докладом «**Становление социального института ИИ-рекрутинга в современной России**». Используя неоинституциональный подход Дугласа Норта, исследовательница детально проанализировала процесс формирования института ИИ-рекрутинга, устанавливающего алгоритмические «правила игры» на рынке труда. Она выделила три этапа его генезиса: от традиционного межличностного найма через цифровизацию к современной алгоритмической фазе, где ключевые решения делегированы нейросетям. В докладе подчеркивалась ключевая особенность этого института: ограничительные рамки закодированы в алгоритмах, которые, обучаясь

на исторических данных, наследуют и автоматизируют человеческие предубеждения (эйджизм, гендерную дискриминацию). В условиях правового вакуума и доминирования «мягкого права» это превращает системы отслеживания кандидатов (ATS) в «черный ящик», ведущий к дегуманизации найма, размыванию ответственности и усилению структурного неравенства. В качестве решения автор предложила трехуровневую систему регулирования: 1) внедрение обязательного аудита алгоритмов на предвзятость; 2) сохранение принципа «человека в цепи» (human-in-the-loop) для итоговых кадровых решений; и 3) разработку государственных норм, обеспечивающих прозрачность и подотчетность алгоритмических систем.

Проблему трансформации институтов образования в условиях цифровизации и стандартизации развили в своих выступлениях **Олег Гнутов** и **Данил Лукьянов**. Олег Гнутов в докладе **«Институт онлайн-обучения: альтернатива или дополнение традиционной российской школы?»** применил теорию «макдональдизации» Джорджа Ритцера к анализу феномена массовых онлайн-школ по подготовке к ЕГЭ. Он показал, как принципы формальной рациональности — эффективность, предсказуемость, расчетность и контроль через технологии — пронизывают эту сферу. С одной стороны, это обеспечивает понятный и стандартизированный результат, с другой — ведет к дегуманизации образовательного процесса. В центре внимания таких систем оказываются количественные показатели (баллы, проценты выполнения), а личность ученика с ее индивидуальными особенностями, реальными запросами и глубиной понимания материала отходит на второй план, превращая образование в конвейер по производству формальных результатов. В свою очередь, Данил Лукьянов в докладе **«Институт “цифровой кафедры” в системе высшего образования в современной России»** продолжил тему критического взгляда на нововведения в сфере образования. Он отметил, что хотя создание цифровых кафедр с 2022 г. является институциональным ответом на вызовы цифровой экономики, на практике проект столкнулся с системными проблемами. Чрезмерная нагрузка на студентов, негибкость программ, формальный подход к обучению и низкая внутренняя мотивация приводят к феномену «гонки за галочкой» — получению сертификата без глубокого освоения цифровых компетенций. Таким образом, по мнению автора, текущая реализация института требует существенной переработки для реального сокращения разрыва между вузом и рынком труда.

Следующий блок докладов был посвящен изменениям культурных и досуговых институтов. **Анастасия Дубровская** в докладе

«Социальный институт музыки: от симфонии к джинглу» проследила многовековую эволюцию музыки как социального института. Опираясь на идеи М. Вебера и Т. Адорно, она показала путь от элитарных, канонизированных форм (симфония, консерваторское образование) к массовым и сугубо прикладным цифровым форматам, таким как короткие аудиофрагменты и джинглы. Докладчица проанализировала ключевые этапы институционализации в России, включая возникновение нотной культуры и консерваторий, революцию звукозаписи и современную цифровизацию с использованием ИИ, подчеркнув непреходящую высокую социальную значимость музыки. **Елена Супрун** в докладе **«Антропология российского спорта: тенденции институционализации от традиционного спорта к киберспорту»** продемонстрировала эффект «сжатого социального времени»: процессы институционализации, занявшие у традиционного спорта столетия, в киберспорте уложились в два десятилетия. Используя синтез макро- и микроуровней анализа (структурный функционализм Т. Парсонса, социальный конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана, теорию поля П. Бурдьё), автор показала, как киберспорт стал ареной борьбы за новые формы капитала. Ключевым конфликтом является столкновение двух логик и нарративов: традиционного спорта с его культом физического преодоления и коллективного героизма и киберспорта, делающего ставку на цифровое мастерство, скорость реакции и когнитивные стратегии. Исследовательница пришла к выводу о состоянии «институционального дуализма» в России, где будущее видится в трех сценариях: 1) полное поглощение государственным аппаратом с потерей аутентичности; 2) устойчивая гибридизация и дуализм (наиболее вероятный для России); или 3) радикальная автономизация с созданием принципиально новых институциональных форм.

Фокус на изменяющихся практиках молодежи и новых формах социальной интеграции стал центральным в выступлениях **Арины Терентьевой** и **Сабины Токторбаевой**. Арина Терентьева в докладе **«Трансформация института занятости под влиянием изменяющихся профессиональных стратегий и ценностных ориентаций российской молодежи»** рассмотрела, как классический институт занятости адаптируется к новым реалиям. В ответ на такие вызовы, как феномен NEET (молодежь, не занятая в образовании, труде или профессиональной подготовке), возникают гибридные формы. Ярким примером является движение студенческих отрядов (РСО), которое, по мнению докладчицы, выступает мощным агентом трансформации. РСО институционализирует для молодежи легитимную модель «учебно-трудовой карьеры»,

создавая новый сегмент рынка труда на стыке образования, временной работы и социального воспитания, тем самым легитимируя сезонный труд как важный этап профессиональной социализации. В свою очередь, Сабина Токторбаева в докладе **«Сленговая и мемная культура как драйверы развития института цифровой среды в современной России»** осуществила анализ того, как неформальные практики формируют новые институциональные порядки. Она показала, что сленг и мемы в условиях цифровизации перестают быть просто элементом молодежной субкультуры, превращаясь в значимые драйверы развития целого «института цифровой среды». Эти практики устанавливают новые нормы коммуникации, формируют коллективные идентичности и активно влияют на такие сферы, как медиа, маркетинг и политика. На примере платформ типа TikTok автор показала, как алгоритмическое управление, формальные правила платформ и спонтанное творчество пользователей совместно конструируют динамичную и постоянно трансформирующуюся институциональную реальность.

Далее были представлены доклады, посвященные институтам, непосредственно формирующим публичную среду и человеческий капитал.

Полина Фомина в докладе **«Социальный институт государственных услуг в условиях цифровизации современного российского общества»** проанализировала ключевую социотехническую сеть взаимодействия государства и граждан. Опираясь на концепцию «пространства потоков» М. Кастельса, она проследила эволюцию института от бюрократических процедур к интегрированным цифровым платформам (таким как «Госуслуги»). Автор подчеркнула, что современный институт государственных услуг переориентирован на публичную ценность, проактивность и клиентоориентированность, что подтверждается данными социологических исследований о росте удовлетворенности граждан.

Александра Шепелёва в докладе **«Социальный институт дополнительного образования в современной России: анализ поведения потребителей»** убедительно показала, что дополнительное образование преодолело статус периферийного элемента и превратилось в полноценный самостоятельный институт, особенно востребованный в условиях неопределенности рынка труда. Используя институциональный подход Д. Норта и опираясь на данные ВЦИОМ и Росстата, исследовательница выявила ключевую мотивацию потребителей: рациональный запрос на профессиональную мобильность и конкретные компетенции. Институт дополнительного образования, по ее мнению, компенсирует дисфункции формального образования, снижая социальную неопределенность и выполняя важную функцию развития человеческого капитала, хотя

и сталкивается с проблемами коммерциализации, неравного доступа и отсутствия единых стандартов качества.

В целом, подводя итог прошедшим чтениям, можно отметить, что молодые социологи продемонстрировали, что современные социальные институты — будь то занятость, образование, культура или государственное управление — находятся в состоянии активной пересборки. Их трансформация движется в трех ключевых направлениях: 1) гибридизация (слияние традиционных и цифровых практик, как в спорте и занятости); 2) алгоритмизация (делегирующее регулирование функций технологиям, как в рекрутинге и цифровой среде); и 3) персонализация запроса (рост значения индивидуальных траекторий и ценностей, как в дополнительном и онлайн-образовании). При этом процесс институционализации новых форм зачастую опережает развитие правовых и этических рамок, порождая риски социального исключения, дегуманизации и воспроизводства неравенства. Представленные исследования не только зафиксировали эти сложные процессы, но и наметили контуры возможных решений, подчеркнув необходимость сбалансированного подхода, который сочетает технологическую эффективность с социальной справедливостью, правовой четкостью и учетом человеческого фактора.

На фотографии: самарские участники VI студенческих социологических чтений имени Б. Г. Тукумцева «Трансформация социальных институтов современной России» (г. Самара, Самарский университет, 25.12.2025)

Таким образом, студенческие социологические чтения, проводимые с 2019 г., доказали свою востребованность и переросли в значимое межрегиональное научное событие, укрепляющее связь между академической наукой и студенческим сообществом.

Выражаем искреннюю благодарность всем организаторам шестых социологических чтений имени Б. Г. Тукумцева «Трансформация социальных институтов современной России» за предоставленную возможность участия молодым исследователям из Самары и Санкт-Петербурга и надеемся на продолжение сотрудничества и дальнейшее расширение географии участников.

Сведения об авторах

Бочаров Владислав Юрьевич, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия.
bocharov@ssau.ru

Васькина Юлия Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия.
vaskina.yuv@ssau.ru

Егорова Светлана Вячеславовна, кандидат социологических наук, доцент, декан социологического факультета, заведующая кафедрой методологии социологических и маркетинговых исследований, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия.
egorova.sv@ssau.ru

Статья поступила в редакцию: 09.04.2026;
принята к публикации: 12.05.2026.

VLADISLAV YU. BOCHAROV^{1,2}, YULIA V. VASKINA^{1,2}, SVETLANA V. EGOROVA¹

¹ Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

² Sociological Institute of FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russian Federation

THE SIXTH STUDENT SOCIOLOGICAL READINGS IN MEMORY OF B. G. TUKUMTSEV “TRANSFORMATION OF SOCIAL INSTITUTIONS IN CONTEMPORARY RUSSIA”: A VIEW FROM SAMARA YOUNG SCHOLARS

Information about the authors

Bocharov Vladislav Yu., Candidate of Sociology,
Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies,
Samara National Research University, Samara, Russian Federation;
Research Associate, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia.
bocharov.vyu@ssau.ru

Vaskina Yulia V., Candidate of Sociology,
Head of Department of Sociology and Cultural Studies,
Samara National Research University, Samara,
Russian Federation; Research Associate, Sociological Institute,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia.
vaskina.yuv@ssau.ru

Egorova Svetlana V., Candidate of Sociology,
Associate Professor, Dean of the Faculty of Sociology,
Head of the Department of Methodology of Sociological and Marketing
Research, Samara National Research University,
Samara, Russian Federation.
egorova.sv@ssau.ru

Received: 09.04.2026;
accepted for publication: 12.05.2026.

IN MEMORIAM

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.j7vm-bw68

EDN: ХКЕРОГ

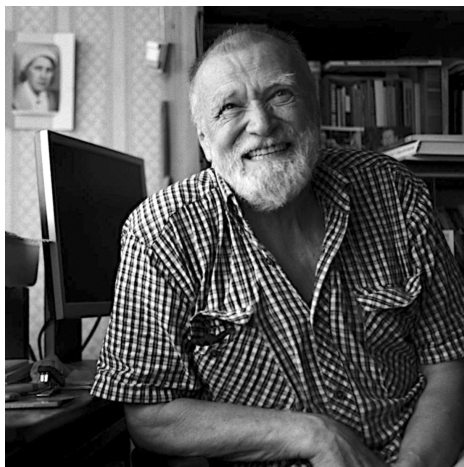
УДК 316(092)

БОРИС ЗУСМАНОВИЧ ДОКТОРОВ

Независимый исследователь

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ И ДРУГА ОЛЕГА БОРИСОВИЧА БОЖКОВА

Ссылка для цитирования: Докторов Б. З. Памяти коллеги и друга Олега Борисовича Божкова // Петербургская социология сегодня. — 2026. — Т. 18. — № 2. — С. 112–119. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.j7vm-bw68; EDN: ХКЕРОГ

27 января 2026 г. петербургские социологи простились с Олегом Борисовичем Божковым (1941–2026). Пусть и мое слово из-за океана прозвучит. Однако оно имеет не только особое пространственное

расположение, но и временное происхождение. Это моя рецензия на книгу О. Б. Божкова «Социология: ориентир — классика» с подзаголовком «Предварительные итоги» (СПб.: Эйдос, 2014).

Я начал работу над этим текстом 11 января 2026 г., думая время от времени консультироваться с О. Б. Божковым, давнее письмо к которому является основой моих рассуждений. Но 12 января пришло печальное сообщение о том, что 10 января его не стало. Приостановил работу и написал для Facebook¹ небольшой некролог.

10 января не стало Олега Борисовича Божкова — яркого, заметного представителя ленинградской социологической школы, уверенно можно сказать — одного из последних. Он давно пришел в социологию и не просто многое впитал от отцов-основателей, но внес в нашу общину свою особую краску. Он многое знал, легко делился знаниями, много опубликовал, с радостью занимался со студентами.

С Олегом я работал многие годы в социологических институтах АН СССР / РАН, в легендарной группе «Социология и театр», и я видел, как много он сделал в последние годы в разных направлениях социологии.

В феврале 1968 г. Андрей Григорьевич Здравомыслов пригласил меня в социологическую группу Ленинградской высшей партийной школы, по-моему, одновременно он руководил небольшим социологическим коллективом в Институте социологии АН СССР, и, наверное, в том же году у него дома я познакомился с Олегом. У него уже был немалый опыт проведения социологических исследований.

Выйдя от Здравомыслова, мы зашли в пирожковую на углу Суворовского проспекта и Одесской улицы. Проговорили час, и наша дружба началась... Очень грустно, тяжело...

Теперь перехожу к тому, что было задумано исходно.

Совсем недавно, 6 января наступившего 2026 г., был написан рассказ «Первая четверть XXI в. Долгая дорога на Проза.ру»², это попытка анализа моего движения к этому portalу. Для меня это означало, во-первых, смену исследовательской ниши и, во-вторых, поиск новой тематики и риторики. Предстояло отойти от истории науки (социологии) к автоэтнографии — синтезу социологии и литературы. Не то что обжитое научное пространство предъявляло ко мне невыполнимые требования, я чувствовал (и чувствую) себя в нем вполне комфортно, но возникло желание к изучению чего-то иного и иначе.

¹ Социальная сеть запрещена в России.

² Докторов Б. Первая четверть XXI в. Долгая дорога на Проза.ру // Проза.ру. — URL: <https://proza.ru/2026/01/06/340> (дата обращения: 30.04.2026).

Сейчас видно, что рассмотрение «долгой дороги» не завершено, необходимо дальнейшее рассмотрение и пути, которым я шел на proza.ru, и характера пребывания здесь. Обнаруженное в моем архиве семилетней давности мое письмо коллеге и другу — петербургскому социологу Олегу Борисовичу Божкову — свидетельствует о том, что многие вопросы, актуальные для меня сейчас, имеют достаточно продолжительную историю. Привожу это письмо с моими комментариями.

25 декабря 2018 г.

«Олег, наверное, уже около года я не провожу новых биографических интервью¹, их много, предостаточно для анализа. И я потихоньку этим занимаюсь. Уже несколько лет на практике осваиваю новый жанр — книга-интервью². Ничего особенного, просто интервью такого размера, что становятся самостоятельными книгами. В этом году вышло три такие книги: интервью с московским социологом Леонтием Бызовым (помоложе нас) и представителями нашего поколения: Равиль Насибуллин (Уфа) и Гарольд Зборовский (Екатеринбург). Как и обычно, объем — не просто механическая (внешняя) характеристика, но во многом — сущностная (ведет к расширению и углублению содержания).

[...] Интервью как было, так и будет мощным инструментом исторического, социального поиска».

«Привлекает меня — уже давно — и другая тема — написание биографий наших коллег. Это я начал делать, когда был жив Валерий Голофаст, с ним были первые обсуждения и темы, и методологии. Но я не думал, что так плотно и так надолго войду в эту тему. Постепенно сформировался метод (скорее — привычка) мысленного диалога с героем биографии. Как правило, этот диалог настолько интимен, что сложно писать и сложно выходить из этого общения. На памяти — мысленный диалог с Татьяной Ивановной Заславской (она была удивительной женщиной, с очень сложной судьбой, многое из известного мне с ее слов я не имею права рассказывать), после окончания работы над ее биографией я долго не мог начать новый “разговор”... Я никак не могу освободиться от внутренних (мысленных) бесед с Грушиным и Ядовым... нет, это не наваждение, но потребность. Недавно умер Андрей Алексеев — для меня это огромная потеря. Последние годы мы постоянно были на связи, многое из написанного я отправлял ему моим вечером, а моим утром уже

¹ В 2019 г. я все же продолжил интервьюирование российских коллег и окончательно завершил этот процесс в 2020 г.

² В целом вышло около дюжины таких книг.

читал в его колонке на сайте Когита.ру. Эта опция пропала, но я создал новый подход, пишу относительно небольшие тексты (до 10 000 знаков) и размещаю их на фейсбуке³. Это дает мне читателей, обратную связь и позволяет накапливать материалы для статей. Пока журналы меня публикуют, не жалею. А летом вышла моя новая книга “Нескончаемые беседы с классиками и современниками”. Это — коллекция ранее написанных биографических статей о трех “классиках”, американцы: Гэллап, Кэнтрил и Огилви⁴, и российских социологах — наших современниках: Алексеев, Батыгин, Грушин, Голофаст, Заславская, Левада и Ядов⁵. Со всеми я работал, долгие годы поддерживал дружеские отношения. Для меня — это грустная книга, но я рад, что она родилась (если интересно, пришлю электронный вариант)».

«Я так подробно описал то, что делаю, чтобы было яснее то, что я хочу сделать, и буду благодарен тебе, если у тебя возникнут вопросы, критические сомнения.

Моя жизнь, включающая эмиграцию, отход от всякой науки и возвращение в социологию, масса публикаций в этом веке, породили то, что я стал интересен для биографических интервью. Сначала была беседа с Натальей Мазлумяновой⁶, на момент беседы я ее не знал и не видел, потом мы шибко подружились, она была редактором четырех моих книг. К сожалению, несколько лет назад ее не стало... потом меня “допрашивали” Фирсов и Ядов... в 2016 г. у меня было большое интервью с (наверное, ты ее знаешь) Еленой Рождественской. Конечно, втянувшись в этот процесс, я и сам написал несколько автобиографических эссе: об обучении на матмехе, о работе с одним известным психиатром, наконец, “6000 другой жизни” — о первых (тяжелейших) годах американской жизни. Но я на все это не смотрел как на предмет направленных размышлений. Писал, отвечал да и только.

Но после смерти Андрея я задумался о смысле его утверждения: “Собственная жизнь может быть полем включенного наблюдения”. Может — это хорошо, но могут ли результаты этих наблюдений “озвучиваться” (не люблю этого слова)? Кому это интересно? Как не скатиться

³ Социальная сеть запрещена в России.

⁴ Джордж Гэллап, Хедли Кэнтрил и Давид Огилви — американские классики изучения общественного мнения и создания эффективной рекламы.

⁵ Алексеев Андрей Николаевич, Батыгин Геннадий Семенович, Голофаст Валерий Борисович, Заславская Татьяна Ивановна, Левада Юрий Александрович, Ядов Владимир Александрович — российские социологи, с которыми я работал многие годы.

⁶ Наталия Яковлевна Мазлумянова — социолог, кандидат социологических наук, переводчик, редактор.

к самокопанию и графоманству? Каким языком все это писать? Где граница между наукой (социологией) и литературой? Еще Валерий Голофаств писал мне “ты работаешь на границе науки и литературы” и призывал действовать смело. Я и действую смело, но стараюсь удержаться в социологии».

«Но, возможно, пару лет назад я пришел к пониманию того, что социологическое творчество (творчество социологов) биографично, то многое из того, что и как мы делаем, детерминировано нашим биографическим опытом. Не бог весть какой глубины мысль, для творчества поэтов, композиторов, художников — это известно и давно изучается. Как не напомнить: “Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...” Применительно к социологии это положение не рассматривалось... но, когда я писал книги о Гэллапе, Грушине, Ядове, историке науке Борисе Кузнецове, я это видел. И когда я анализирую интервью-книги (см. выше), я это чувствую и вижу...

Короче, как и Андрей, я принцип самонаблюдения спроецировал на себя. Это очень сложно, идешь как по углям... ступать или нет? Надо ли? Можно ли? Андрей сделал поле возможного очень широким, он не страшился писать об очень многом. Но он долго к этому шел... еще с работы на заводе, с “Писем любимым женщинам”. У меня на такого “долго” нет временного запаса. Но я понимаю, что идти надо, иначе многое в природе авто(биографического) анализа остается сокрытым, не обнаруженным. И потом, у Андрея был архив за всю его жизнь. Ты знаешь, сколько времени Зина и Володя Костюшев¹ разбирали все и делали первичную опись. Гигантская работа, у меня нет такого архива, правда, есть серия “амбарных книг” с 1985 г. Возможно, ты помнишь, я на всех семинарах писал, и вообще многое из жизни в России и США записывал. Моя работа над биографиями других обострила и собственную память, в ней — масса событий, лиц, имен.

Я исхожу из того, что, если биографична МОЯ работа в социологии, то в той или иной мере она биографична и у ДРУГИХ. Я не могу просить кого-либо проследить свою жизнь, к тому же это и не всем должно быть интересно. Потому делаю сам».

«И, ты знаешь, относительно недавно я пришел к пониманию того, что автобиографию НЕДОСТАТОЧНО излагать “линейно”, т. е. строго в хронологическом измерении. Наша жизнь много богаче, она не растягивается одномерно на оси времени, она — не вектор, она — кривая

¹ Зинаида Глебовна Вахарловская — жена Андрея Николаевича Алексева, Владимир Владимирович Костюшев — социолог, друг Андрея Николаевича Алексева.

с петлями, иногда она — набор, “пучок” векторов. Нельзя нечто рассматривать как продолжение лишь недавно завершившегося, как бы новое в нашей жизни — это не новое, а развитие чего-то, случившегося в детстве, юности, молодости. И когда я намереваюсь о чем-то пережить, сделанном писать, сознание уносит — опять и опять — в далекое прошлое. Получается такая “нелинейность”.

Что ты думаешь об этом? Это так? Или не совсем так? Или совсем не так?

Я публикую очень много, но вот — последнее эссе, вчерашнее, о встрече с графом Калиостро². В нем нет явно того, о чем я написал, но оно присутствует в каждой строчке. Ты это поймешь.

Самолучшего, Боря».

Здесь заканчивается это весьма значимое для меня письмо О. Б. Божкову, в нем предпринималась попытка рассмотреть сделанное в предыдущие годы и заглянуть в будущее. Через два с половиной года я завел страницу на портале Проза.ру³ и стал реализовывать свои планы.

Посмотрел архив электронной переписки, приближавшийся Новый год, пред- и послепраздничная суeta помешали Божкову ответить на это письмо, но и я не особо настаивал.

Книга О. Б. Божкова интересна и полезна многим.

Я очень рад книге Олега Борисовича Божкова и от души поздравляю его с этой работой. Если попытаться кратко сказать, что найдет в ней заинтересованный читатель, то ответ будет таким: «автопортрет автора» на фоне длительного периода развития отечественной социологии. Мы знакомы с Божковым очень давно, и я не только знаю содержание большинства текстов, представленных в книге, но и людей, о которых он пишет, и знаю затекстовую реальность, которая анализировалась им начиная с 1970-х и до наших дней. Биографическое интервью, которое мне дал Божков три года назад и которое вошло в книгу, называется «Каким я был, таким остался». Он и в этой книге остался самим собой и тем самым определил ведущую цветовую тональность своего мозаичного повествования. Речь идет о его полной включенности в дело, которому он — скажу «громко» — беззаветно служит. Более того, он буквально растворен в нем.

² Пост «Рождественская встреча с графом Калиостро. Документально-фантастическая история» был размещен в Facebook (социальная сеть запрещена в России) 23 декабря 2018 г.

³ Докторов Б. Борис Докторов: страница автора // Проза.ру. — URL: <https://proza.ru/avtor/bdbd80> (дата обращения: 30.04.2026).

Я несколько насторожился, когда в названии книги увидел слово «классика»; оно ко многому обязывает. Но ознакомившись с содержанием работы, принял это слово, правда, возможно, в своей собственной интерпретации. Раздел «От автора» начинается словами: «В социологию я плавно перешел из журналистики в самый пик застоя». Это верно в смысле оценки состояния социально-политической атмосферы в СССР (правда, начало 70-х, все же не самый пик застоя), но это лишь одна характеристика того времени. Есть и другие. Так, если иметь в виду процесс становления и развития послевоенной советской / российской социологии, то здесь более оправданно говорить о том, что Божков вошел в нее в «классический период». Мы жили и работали в Ленинграде, были частью «ленинградской социологической школы», наши учителя, под непосредственным руководством которых работал Божков: А. Г. Здравомыслов, О. И. Шкаратан и В. А. Ядов были молоды, лишь разменяли пятый десяток. Они переживали заслуженный успех своих теоретико-эмпирических проектов, были «заряжены» на борьбу с идеологическими консерваторами за признание социологии самостоятельной наукой и еще верили в возможность усовершенствования советской модели социализма.

С тех пор многое произошло в стране, в социологии, в социологическом сообществе. Удивительно, но в содержании текстов Божкова, в их упорядоченности достаточно зримо представлены произошедшие изменения. И это свидетельствует об одном — Божков, при всей многообразии его исследовательской, преподавательской и гражданской деятельности, всегда оставался в поле актуальных событий. Он с полным правом говорит: «История советской социологии — это часть нашей жизни».

Первая часть подзаголовка книги: «ориентир — классика», в моем понимании, это обращение автора к новым действующим поколениям российских социологов и к тем, которые еще придут; он их ориентирует на постхрущевскую социологическую классику. В силу легко объяснимых обстоятельств в постперестроечные годы отечественных специалистов стала привлекать дореволюционная отечественная социология, но нашему сообществу своевременно не пришло понимание необходимости фиксации, описания и анализа происходившего в нашей науке в 60–80-е годы. И то, что в этом плане несложно было сделать в первые постперестроечные годы, то теперь представляется крайне сложным, если в принципе возможным. Во-многом это объясняется сменой ведущих парадигм отечественной социологии, принципиальными изменениями в системе ее понятий, в ее языке.

Значение работы Божкова заключается, в частности, в том, что он предложил и препарировал ряд «кейсов», которые могут войти в нашу

историографию и стать ценнейшим материалом для учебников по социологии 70–80-х гг. Таким образом я понимаю слова «ориентир — классика». И еще. Книга Божкова — и в этом ее огромное достоинство — дает нам яркую иллюстрацию того научного языка, на котором мы писали и на котором говорили в те «классические времена».

Многое для понимания духа книги и времени, о котором в ней говорится, несет в себе фотография на ее обложке. Молод В. А. Ядов, стоящий в центре третьего ряда, молод находящийся слева от него Божков. Все молоды, и уверен, никто из них не готовился, не настраивался писать книгу с подзаголовком: «Предварительные итоги». Но годы прошли. И следует благодарить Олега Божкова за то, что он поделился накопленным опытом, увязал современное со ставшим классикой. Это будет интересно и полезно многим.

От редакции: Б. З. Докторов упоминает фотографию, сделанную в 1979 г., на которой запечатлен сектор «Социология образа жизни» под руководством В. А. Ядова в структуре ИСЭП АН СССР, основанного в Ленинграде в 1975 г. Назовем участников фотографии (слева направо): нижний ряд — В. С. Магун, Л. В. Бозрикова; средний ряд — В. Б. Голофаст, Т. З. Протасенко, Г. И. Саганенко, Л. Е. Кесельман; верхний ряд — С. И. Голод, О. Б. Божков, В. А. Ядов, Е. В. Игнатьева, В. Н. Каюрова. Первая публикация этой фотографии — обложка книги О. Б. Божкова (2014 г.).

Сведения об авторе

Докторов Борис Зусманович, доктор философских наук,
профессор, независимый исследователь,
bdoktorov@inbox.ru

Статья поступила в редакцию: 01.04.2026;
поступила после рецензирования и доработки: 18.04.2026;
принята к публикации: 30.04.2026.

BORIS Z. DOCTOROV

Independent Researcher

**IN MEMORY OF COLLEAGUE AND FRIEND
OLEG BORISOVICH BOZHKO**

For citation: Doctorov B. Z. In memory of colleague and friend Oleg Borisovich Bozhkov. *St. Petersburg Sociology Today*. 2026. Vol. 18. No. 2. P. 112–119. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.j7vm-bw68; EDN: XKEPOG

Information about the author

Doktorov Boris Z., Doctor of Philosophy, Professor,
Independent Researcher, bdoktorov@inbox.ru

Received: 01.04.2026;
revised after review: 18.04.2026;
accepted for publication: 30.04.2026.

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.krfx-v672

EDN: ZKRWUN

УДК 316(092)

ГЕННАДИЙ ВИКТОРОВИЧ КАНЫГИН

*Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

ВМЕСТЕ С ОЛЕГОМ БОРИСОВИЧЕМ: ЧЕТЫРЕ КЕЙСА

Ссылка для цитирования: Каныгин Г. В. Вместе с Олегом Борисовичем: четыре кейса // Петербургская социология сегодня. — 2026. — Т. 18. — № 2. — С. 120–131. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.krfx-v672; EDN: ZKRWUN

Введение

В Интернете можно узнать, что основными областями исследования Олега Борисовича Божкова были методология, методика и компьютерные технологии социологических исследований. Еще в Сети можно найти много публикаций самого Олега Борисовича (далее — ОБ), в некоторых из них он рассказывал о том, как протекала его жизнь в питерской социологии [1, 2]. Публикации говорят словами самого автора о научных и педагогических устремлениях, оказавшихся для него важными в разные годы жизни. В отличие от упомянутых публикаций эти спорадические заметки, появившиеся вследствие печального и неотменяемого ухода ОБ, обязаны своим появлением не столько произошедшему в его жизни, сколько мотивам того, что делал этот человек.

Использую социологический термин «кейс», немного скорректировав его смысл. Буду считать, что кейс — это ситуация, которую ее участникам необходимо «разрулить». Причем такое «разруливание» не предполагает создания или применения какой-то теории, позволяющей формулировать правила, ведущие к успеху. Наоборот, заранее известно, что теория, если и возникает, то только для того, чтобы дезориентировать участников кейса. Однако люди все-таки могут «разрулить» свой кейс, несмотря на «теоретические миражи», ведущие в никуда. Нужно только быть готовым предпринять бесконечную череду попыток идти туда, не знаю куда, найти то, не знаю что.

Знакомство с кейсами исследовательской жизни в социологии началось для меня в 1977 г., когда мы познакомились с ОБ в ИСЭП АН СССР. Тогда деревья были зеленее, а вода — мокрее. Наверное, и мотивы людей, участвующих в социологических перипетиях, были другими. Однако уже тогда многогранная личность Олега Борисовича сразу явилась мне единым образом ищущего человека.

1. Когда еще не было компьютеров и когда они только появились

Двумерная аналитика

ОБ начал свою профессиональную деятельность в романтические времена, когда компьютеры, тогда называемые электронно-вычислительными машинами (ЭВМ), еще не были доступны широкой публике. Социологи, будучи ее частью, были вольны непредвзято верить, что превращение их научных понятий в социальную теорию нуждается в точности математических определений, подкрепляемых по мере необходимости инновационными вычислительными ресурсами. В 60-е гг. XX в. для социолога не существовало ЭВМ, но была вдохновляющая вера в математику. Точнее, в статистические методы, которые, имея свое фундаментальное обоснование «в использовании цифр», способны прояснить, что стоит за огромными массивами чисел, которые социолог порождал с помощью исконного социологического метода — анкетного опроса.

После появления в жизни питерских адептов социологии ИСЭП АН СССР в 1975 г., а с ним и ЭВМ в виде БЭСМ-6, социологи и математики, повинаясь распоряжениям общей для них администрации ИСЭП, стали налаживать производственные связи друг с другом. Результатом должно было стать научное доказательство преимуществ социализма над капитализмом. Замысел единения гуманитарных ученых и математиков-инженеров, возникший ближе к концу прошлого века и реализованный благодаря соответствующим партийным постановлениям, свершился. Теперь каждый социолог мог получить результаты опросов в виде 64-метровых распечаток с колонками цифр, о назначении которых необходимо было судить по анкете. Однако соединение слов и чисел в социологическом исследовании требовало специальных усилий. Бумажные полотна «социологического знания» делали необходимой аналитическую работу, называвшуюся «описанием двумерных таблиц».

Будучи сотрудником социологического отдела 3, но имея рабочее место в отделе 5, т.е. в вычислительном центре ИСЭП АН СССР, автор этого воспоминания, равно как и ОБ, постоянно был включен в эту аналитическую работу с двух сторон. Во-первых, на входе социологических идей в ЭВМ приходилось превращать в диалогах с социологами слова из опросного листа в социологические, т.е. преимущественно числовые данные. Во-вторых, получив на выходе из ЭВМ полотно бумаги с таблицами цифр, нужно было помочь коллегам соотнести полученные числа со словесными формулировками анкеты, которые предвосхитили появление таблиц с цифрами.

Сегодня «двумерная» аналитическая деятельность на фоне возможностей искусственного интеллекта выглядит трудоемким занятием с не вполне понятными целями. Однако у такого занятия было историческое предназначение. Из раза в раз деятельность такого рода превращала слова анкеты, понятные и социологу, и его информанту, в числа, а затем возвращала числа в словесные формулировки. Одной из стадий этих превращений было преобразование ответов анкеты в новые социологические понятия. Скажем, в данных опроса указан возраст в годах, а следует описать опрошенных обобщенно: кто-то молод, другие — постарше, но есть и пожилые. Тогда разрабатывалась методика, которая, основываясь на знании социологом предмета исследования, обосновывала, кто такие молодые люди, кто — люди среднего возраста, а кто, при всем уважении, — пожилые. При этом методика отвечала на многие другие вопросы, возникающие в социологическом исследовании. Скажем, как спросить человека, чтобы его не обидеть, как проверить осмысленность ответов, где и как выбирать респондентов, как преодолевать издержки опроса, например, что делать с «неответами», как облегчить исследователю соединение слов анкеты и чисел данных в едином отчете и т.п.

Разработка методик получения социологических результатов была специальной научной деятельностью, которая требовала знания как предметного поля, наблюдаемого через собираемую информацию, так и компьютерных средств, с помощью которых данные обрабатывались. ОБ с энтузиазмом был вовлечен в эту методическую работу, результаты которой некоторое время для всех нас воплощали мечты о научной кооперации социологов и математиков с помощью компьютерных методов. ОБ был одним из первых, кто освоил разработку специальных техник такого рода, практически соединяя неформальное социологическое знание с инструментами анкетирования и методами анализа его результатов.

Обработка социологических данных была поставлена в ИСЭП АН СССР на поток, поэтому многие гуманитарии благодаря собственному опыту, а не только чтению статей и научным дискуссиям, обрели возможность познакомиться со взаимодействием слов и чисел в процессе социологического исследования. По крайней мере, с помощью тех методических подходов, которые удалось разработать в рамках «производственного» единения социологов и математиков в Ленинграде в последней трети XX в. Несмотря на возникающие споры о возможностях и границах «ЭВМизации», равно как и на эпистемологические сомнения на этот счет, в отечественную социологию вошли компьютерные технологии.

ЭВМ — это не совсем компьютер

Сегодняшний пользователь вычислительного устройства, как правило, оказывается его собственником. Это сближает человека и устройство: между ними никто не стоит. Во времена использования ЭВМ для обработки социологических данных между пользователем и «его вычислительным девайсом» всегда оказывался кто-то со стороны ЭВМ. Обычно администратор ЭВМ или ее оператор, которые обеспечивали аналитические запросы пользователя посредством операций с его данными.

В годы БЭСМ-6 весь процесс применения ЭВМ для целей социологического исследования состоял из нескольких этапов. На каждом этапе пользователь ЭВМ осуществлял преобразование своих данных не напрямую, а с помощью посредников. Во-первых, вся компьютерная обработка начиналась с подготовительных действий. Получив из рук респондентов анкеты с ответами, социолог должен был выполнить кодирование, т. е. создать кипу бумажных листов, называемых кодировальными. На каждом из них ответы респондентов, представленные в анкете, принимали вид таблицы данных. Обычно эта работа требовала специальных навыков и не могла быть выполнена самим пользователем ЭВМ. Приходилось формулировать заказ на «вычислительные услуги» операторов, договариваться с администратором ЭВМ о сроках его выполнения, проверять опечатки и т. п.

Во-вторых, числа из кодировального листа для каждого респондента необходимо было *вручную* привести к машиночитаемому виду. В 1975 г. машиночитаемость данных для их обработки на БЭСМ-6 обеспечивалась с помощью перфокарт. По мере развития вычислительного центра ИСЭП числа, т. е. данные, полученные, как

правило, в результате опроса, стали заносить на магнитные носители. Но в любом случае это была ручная работа, не предполагавшая ни сканирования, ни распознавания образов. Вместе с тем выполняемые манипуляции требовали профессиональных навыков, которыми обладали только специально обученные операторы ЭВМ. Социологам, приобщаемым к технологиям БЭСМ-6, повезло. Кроме операторов в небольшом числе существовали специалисты, которые, обеспечивая единство всего процесса получения тогдашнего социологического знания с помощью ЭВМ, могли самостоятельно, без помощи со стороны выполнить каждый этап этого процесса. Одним из таких редких специалистов был ОБ.

В-третьих, данные обрабатывались программами БЭСМ-6, что приводило к получению уже упомянутых бумажных полотен, на которых красовались колонки цифр. Это были количественные результаты в первозданном виде, нуждающиеся в неформальном осмыслении. Такое осмысление знаменовалось соответствующим текстом, для написания которого обладатель данных должен был просматривать огромные «выдачи», силясь вычленить и сопоставить раскиданную по ним информацию. Человек, впервые столкнувшийся с такой задачей, попросту терялся в нахлынувших на него потоках цифр. В этот момент к нему на помощь всегда готов был прийти ОБ. Сначала успокоить коллегу, потом объяснить, каким образом из его же слов рождались числа, которые его так некстати обескуражили.

Иногда возникали курьезы, которые разгружали серьезность наших с ОБ разговоров. Не раз бывало, что, только взглянув на заказ социолога на получение двумерных распределений, возникало сомнение. Наш с ОБ опыт подсказывал, что длина бумажного потока, с помощью которого заказчик рассчитывал представить свои результаты, оказывалась сравнимой с расстояниями, характерными для России. Так что результат «двумерной аналитики» мог оказаться неожиданным для социолога-заказчика буквально по причине его злоупотребления числами.

Правда, такой результат тоже можно было практически использовать. Бумага, на которой печатались двумерки, обладала практически важным свойством. Из нее отлично получалось нарезать ленту, которая была почти идеальным решением для... утепления окон в зимнее время (стеклопакетов еще не было).

Эти времена уже безвозвратно ушли, но именно тогда для меня, в спорах с ОБ, начали проявляться научные проблемы социологии, которые ждут своего решения до сих пор. Компьютер не может думать

за человека. Наверное, это уже не должно удивлять. Но остается вопрос: как помочь человеку думать с помощью компьютера?

ОБ был всегда на острие взаимодействия социологов и математиков. Он прекрасно был осведомлен о всех этапах получения и анализа информации на БЭСМ-6, знал, с кем и каким образом можно договориться в процессе проведения исследования, умел создавать новые методики, имел опыт выявления и преодоления ляпов анкетирования, знал, как кодировать данные, как засылать их на обработку, как, имея данные, строить из них индексы и многое другое, что требовало затрат времени, неформальных умений, как и формальных знаний о том, каким образом все эти процессы организованы в тогдашней ЭВМ-технологии.

2. Открытые вопросы и детерминационный анализ

ОБ был постоянно включен в «неформальные» преобразования слов в цифры с помощью энтузиазма как социологов, так и математиков. И ему одному из первых стало ясно, что необходимо как-то более осмысленно и тем самым ответственно подходить к этой компьютерной игре со словами и числами. Это осознание возникло не как научно сформулированный вывод, а как результат собственной наглядной деятельности «с цифрой» — созданием шкал разного вида, их превращением посредством опроса людей в массив данных и последующим анализом с помощью математических методов — от многомерок до контент-анализа и факторного анализа.

В то время одним из расширений социологических методик виделись открытые вопросы. Представлялось, что, встречаясь с непредусмотренными ответами респондентов, социолог как бы дополнял свое восприятие изучаемого сюжета, принимая во внимание спектр взглядов опрашиваемых людей. По-видимому, опираясь на мудрость пословицы «одна голова хорошо, а две — лучше», социологи увеличивали число голов до размеров статистической выборки.

Респондентов в опросе было много, и каждый из них получал возможность задать «словесный вектор», который мыслился как многомерный ответ на вопрос, заданный социологом. Скажем, вместо ответа, предопределенного самой формулировкой «Любите ли вы Брамса?», появлялся целый сонм опций, заранее не предусмотренных исследователем: «Назовите имена композиторов-классиков, чьи произведения вы знаете». Эта идея включения в исследовательский словарь заранее

не определяемых мнений респондентов была реализована в виде сначала открытых вопросов, а затем детерминационного анализа.

Использование открытых вопросов, равно как и детерминационного анализа, фактически означает, что инструментальным средством социолога становится многомерное распределение. Каждое направление такой многомерности выражалось с помощью номинальной шкалы, т. е. самого «количественно бесхитростного» способа измерений. Но скоро выяснилось, что многомерки в практике своего применения всегда оказываются крайне слабо заполненными. Это могло означать, что с помощью анкеты социолога и ответов респондентов на вопросы удавалось «зацепить» лишь некоторые стороны изучаемого социологического сюжета. Связи этих сторон между собой оставались «эвристическим айсбергом», и чтобы не разбиться о подводную часть этой концептуальной глыбы, социологу необходимо было иметь более мощные, а главное — специализированные средства компьютерного ассистирования. Понимая актуальные тренды, ОБ задумывался о рабочем месте социолога [3] — идее, которая, по-видимому, так и не оказалась технологически воплощенной.

3. Персональные компьютеры

ОБ вспоминает эйфорию, охватившую отечественных исследователей при переходе на новые вычислительные мощности и новое программное обеспечение, воплощенные в персональных компьютерах (ПК) IBM PC [1: 334–335]. ПК принесли с собой много серьезных улучшений для пользователей, стремившихся облегчить свою интеллектуальную жизнь благодаря компьютеру. Улучшения касались как общечеловеческих возможностей «лучше думать», так и профессиональных задач, возникавших в ходе социологических исследований. Например, прямое общение пользователя с вычислительной системой; несравнимо большие вычислительные мощности; полноценная компьютерная графика; неограниченный круг разработчиков прикладных программ, работающих по всему миру; сетевое взаимодействие компьютеров и т. д.

В числе пользователей, сразу же оценивших достоинства графических дисплеев IBM PC в сравнении с алфавитно-цифровыми экранами БЭСМ-6, оказались социологи. Однако ПК, разумеется, не могли изменить сами социологические процедуры сбора и анализа данных. Если социолог получал в свое распоряжение, например, Statistical Package for Social Science (SPSS), то такое обладание не отменяло необходимость

осуществления канонических социологических шагов: разработать анкету, выбрать респондентов, провести анкетирование, собрать данные в виде файла SPSS, выполнить их статистическую обработку, представить тексты отчета. Однако все эти рутинно необходимые действия совершались социологом, во-первых, уже без посредников, в новом качестве полноправного хозяина вычислительных ресурсов, предоставленных ему ПК. Во-вторых, сама возможность осуществлять социологические процедуры на ПК требовала от социолога расширения своей компетентности. Приходилось осваивать новые технологии в условиях, когда соответствующая документация зачастую отсутствовала.

ОБ был на высоте возникших требований, выдвинутых заморскими девайсами. Изучал интерфейсы статистических пакетов — SPSS, Statgraphics, STATISTICA, SAS, — сравнивал их возможности, осваивал новую терминологию и новые методы структурирования и анализа данных. Общительность ОБ, его добрый нрав и давняя научно-деятельностная интеграция с математиками, работавшими на БЭСМ-6, резко сократили для него время освоения вычислительных ресурсов ПК. Можно смело сказать, что благодаря энтузиазму, жизнерадостности и профессионализму ОБ для питерского социологического сообщества переход на новый технологический уклад оказался менее травмирующим.

Функциональные возможности статистического пакета, например SPSS, закрывали научные потребности исследователей, возникавшие в социологических проектах в части неспецифических задач обработки информации: управление данными; вычисление описательных статистик; различные виды развитого статистического анализа, в числе которых: факторный, компонентный, дисперсионный, регрессионный; шкалирование, кластерный анализ; визуализация результатов анализа данных. Однако наряду с технологическим обеспечением уже закрепившихся практик социологического исследования ПК открыли для социологов новые типы компьютерных программ, чья функциональность была рассчитана на собственные методы социологии. Одним из классов таких программ были различные средства компьютерного интервьюирования, главным образом телефонного [4]. Еще одним типом программ, непосредственно затрагивающих научные устремления социолога, были пакеты анализа качественных данных [5]. Одно время о таких пакетах говорили даже как о программах построения теорий (theory building software). Впрочем, некоторое время спустя все же оказалось, что программы построения теорий — инструмент, который

помогает в ряде исследовательских случаев, но по-прежнему функция теоретизирования по поводу социума остается за человеком.

ОБ легко увлекался новыми компьютерными программами и их применением в своей научной практике. Круг таких программ никогда не был ограничен. Одно время ОБ заинтересовался генеалогическими приложениями [6], подал заявку на грант по разработке собственного софта в кооперации с коллегами-математиками. Такое начинание вполне логично дополняло возможности биографического метода, который сам ОБ широко использовал в научных начинаниях.

4. Биографический фонд

За время жизни ОБ методы социологических исследований прошли путь от «аналитики двумерок» до конструирования исследовательского нарратива посредством искусственного интеллекта. Но в течение того же периода остался без ответа вопрос: «Что делать социологу, если сомнение в цифре, прослеживаемое с середины XX в., не уходит, особенно после знакомства с нарративами компьютерной Алисы, вещающей из глубин Интернета?»

Практическим ответом на этот вопрос для ОБ были идеи качественного социологического исследования с его ориентацией на непосредственное смысловое общение между людьми; установление социальных истин, невзирая на административные и семейственные условности; эмоциональная человеческая правда, а не формально выполняемые обязательства. Этот ответ воплотился в исследовательских проектах, которые отвечали методологическим чаяниям ОБ. Одним из них стал Биографический фонд [7]. Конкурсы биографий, которые проводил фонд под началом ОБ, открывали практическую возможность увидеть и почувствовать многообразие жизни в собственном изложении людей, которые строили эту жизнь каждый день своими руками и надеждами. Благодаря усилиям фонда сами люди смогли почувствовать себя причастными к тому, что происходило при их жизни. Равно как и поразмыслить о степени такой причастности.

Еще одной «отдушиной от наследия двумерных методов» для ОБ оказались социологические экспедиции в деревни нечерноземной зоны Северо-Запада РФ [8]. Искренние рассказы сельчан о том, что каждый день происходит на их глазах, делали эфемерными наши методические дискуссии об анкетировании и способах его компьютерной организации. Рассказы о нечерноземной деревне не нуждались в превращении

в числа, соответственно, пропадал повод для словесных обоснований цифр. Все оказалось укоренено в смыслах, которые далеко не всегда претендовали на академическую толерантность, но всегда были по-человечески понятными.

Послесловие

Текст, оформленный в стиле научной статьи, предполагает промежуточный результат бесконечного исследовательского процесса. Из общения с ОБ по поводу трансформации слов в числа, таблицы и структуры я вынес убеждение, что смысл у слов возникает не всегда, а только если... Свои слова произносишь спокойно, на язвительные замечания не реагируешь и конструируешь фразы, только чтобы соединять смыслы в процессе делания общего дела.

Источники

1. Божков О. Б., Саганенко Г. И. Как социологи осваивали математику и ЭВМ // Ядовские чтения: перспективы социологии: сборник научных докладов конференции, Санкт-Петербург, 14–16 декабря 2015 г. — СПб.: Эйдос, 2016. — С. 331–342. — EDN: ZGRADX.

2. Докторов Б. З. Божков О. Б.: «Каким я был, таким остался» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2011. — № 4. — С. 2–5. — EDN: NYHVFT.

3. Божков О. Б. Технология социологического исследования: как это варится: курс лекций. — СПб.: Эйдос, 2016. — 296 с.

4. What is CATI? Computer Assisted Telephone Interviewing // B2B International. — URL: <https://www.b2binternational.com/experience/methods/faq/what-is-cati/> (дата обращения: 29.03.2026).

5. Online QDA: один из старейших интернет-ресурсов по анализу качественных данных. — URL: <https://onlineqda.com/> (дата обращения: 29.03.2026).

6. Генеалогические программы. — URL: <https://tonfotos.com/ru/articles/top-family-tree-applications/> <https://yandex.ru/q/genealogy/7972462338/> (дата обращения: 29.03.2026).

7. Биографический фонд // Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН. — URL: <https://socinst.ru/departament/biographfond/> (дата обращения: 29.03.2026).

8. Божков О. Б., Троцук И. В. Постсоветский фермерский интернационал в сельском хозяйстве Северо-Западного региона // Крестьяноведение. — 2020. — Т. 5, № 4. — С. 162–179. — DOI 10.22394/2500-1809-2020-5-4-162-179. — EDN: ATXFHM.

Сведения об авторе

Каныгин Геннадий Викторович,

доктор социологических наук,

ведущий научный сотрудник,

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,

Санкт-Петербург, Россия.

g.kanygin@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3533-6076

SPIN: 6680-9987

Статья поступила в редакцию: 02.04.2026;

поступила после рецензирования и доработки: 12.04.2026;

принята к публикации: 26.04.2026.

GENNADY V. KANYGIN

Sociological Institute of FCTAS RAS,

St. Petersburg, Russian Federation

**TOGETHER WITH OLEG BORISOVICH:
FOUR CASES**

For citation: Kanygin G. V. Together with Oleg Borisovich: four cases. *St. Petersburg Sociology Today*. 2026. Vol. 18. No. 2. P. 120–131. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.krff-v672; EDN: ZKRWUN

References

1. Bozhkov O. B., Saganenko G. I. Kak sotsiologi osvaivali matematiku i EVM [How sociologists mastered mathematics and computers]. *Yadovskie chteniya: perspektivy sotsiologii: sbornik nauchnykh dokladov konferentsii*, Saint Petersburg, December 14–16, 2015 [Yadov Readings: Prospects of Sociology: Collection of Scientific Conference Papers, Saint Petersburg, December 14–16, 2015]. Saint Petersburg, Eidos, 2016, pp. 331–342. EDN: ZGRADX.

2. Doktorov B. Z. Bozhkov O. B.: “Kakim ya byl, takim ostalsya” [Bozhkov O. B.: “As I Was, So I Remained”]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research], 2011, no. 4, pp. 2–5. EDN: NYHVFT.

3. Bozhkov O. B. *Tekhnologiya sotsiologicheskogo issledovaniya: kak eto varitsya: kurs lektsii* [Technology of Sociological Research: How It Is Made: A Course of Lectures]. Saint Petersburg, Eidos, 2016, 296 p.

4. *What is CATI? Computer Assisted Telephone Interviewing*. B2B International. URL: <https://www.b2binternational.com/experience/methods/faq/what-is-cati/> (access date: 29.03.2026).

5. *Online QDA: one of the oldest Internet resources on qualitative data analysis*. URL: <https://onlineqda.com/> (access date: 29.03.2026).

6. *Genealogical programs*. URL: <https://tonfotos.com/ru/articles/top-familiy-tree-applications/>; <https://yandex.ru/q/genealogy/7972462338/> (access date: 29.03.2026).

7. Biograficheskiy fond [Biographical Fund]. *Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences*. URL: <https://socinst.ru/department/biographfond/> (access date: 29.03.2026).

8. Bozhkov O. B., Trotsuk I. V. Postsovetskii fermerskii internatsional v sel'skom khozyaistve Severo-Zapadnogo regiona [Post-Soviet farmers' international in agriculture of the North-Western region]. *Krest'yanovedenie* [Russian Peasant Studies], 2020, vol. 5, no. 4, pp. 162–179. DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-4-162-179. EDN: ATXFHM.

Information about the author

Kanygin Gennady V.,

Doctor of Sociology, Leading Researcher;

Sociological Institute of FCTAS RAS,

St. Petersburg, Russian Federation.

g.kanygin@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3533-6076

SPIN: 6680-9987

Received: 02.04.2026;

revised after review: 12.04.2026;

accepted for publication: 26.04.2026.

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.fcx7-5j64

EDN: ZSFZTK

УДК 316(092)

ЭРИКА БОРИСОВНА БОЖКОВА

Независимая исследовательница,

Санкт-Петербург, Россия

ОЛЕГ БОРИСОВИЧ БОЖКОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ ВНУЧКИ

Ссылка для цитирования: Божкова Э. Б. Олег Борисович Божков в воспоминаниях внучки Эрики // Петербургская социология сегодня. — 2026. — Т. 18. — № 2. — С. 132–135. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.fcx7-5j64; EDN: ZSFZTK

Хотелось бы рассказать о его стороне, о которой, наверное, мало кто знал. А именно о внутрисемейном. В нашей семье были трудности, поэтому в моем раннем детстве было принято решение отдать меня к моим бабушке и дедушке, Олегу с Флорой, жить. Я прожила с ними до 13 лет, после чего уехала жить с мамой. И я всегда, всю жизнь называла их просто: Деда и Киска.

И вот что я помню из того времени.

Помню, что дед очень много работал, но при этом успевал постоянно нас куда-то возить. В лес за грибами, на озера купаться (Семиозерье, Чертово, на Вуоксу, Первомайское), просто гулять, например в Выборг, или на несколько дней с палаткой, на Ладогу или Тиверские волоки, или еще куда. Он брал меня с собой зимой в Молодежное на какие-то свои рабочие конференции, и мы там катались на финских санках, каждый вечер ходили смотреть закат и гулять по льду Финского залива.

Еще он очень много ездил сам в конце лета — начале осени, собирал огромные количества ягод — клюквы, брусники, черники, голубики, потом ночами их перебирал от мусора, создавал конструкции для упрощения процесса и перерабатывал в варенья и желе. Собранные грибы все тоже он чистил и развешивал на нитках сушиться над плитой.

В 96-м, кажется, году он заморочился: мне пришло письмо от Деда Мороза, напечатанное витиеватым шрифтом на английском. Дед Мороз мне писал, что приглашает меня в Финляндию... И мой дед сделал мне загранпаспорт, свозил в Финляндию (кажется, что тоже что-то

с работой было связано) зимой на автобусе. Познакомил с лакричными сладостями, кажется, удивлялся, что мне понравилось. Мы там были в аквапарке, гуляли, купил мне там комбинезон и ботиночки. Ботинки, правда, были совершенно не зимние...

Мне никогда не было с ним скучно. Он всегда находил, о чем со мной поговорить, что рассказать, показать, научить.

Он научил меня ездить на велосипеде и поворачивать на нем. Для этого он сразу на входе в Таврическом саду прямо на главной аллее нарисовал дорожки с поворотами и запускал меня по ним.

Помню, что я очень любила, когда он мог со мной сходить в Таврический. Потому что с ним мы обязательно заходили в булочную, которая была через дорогу от сада в сторону Смольного, покупали там изумительные свежие только что испеченные булочки с помадкой и заварным кремом и обязательно пару французских булок — покормить уток. Он показал мне ключ, который был в пруду, рассказал о нем.

Как-то раз мы на двух машинах — я с дедом на одной и мой папа с кем-то на другой — собрались куда-то с палатками. Мобильных тогда не было, и в какой-то момент мы потеряли друг друга по дороге. Дед как-то смог связаться с ними, но что-то пошло не так, и мы решили остановиться на ночевку и найтись уже в конечной точке на следующий день. Я понимала, что все пошло не по плану, что мы черт знает где, но мне никогда не было с ним страшно.

Он постоянно меня таскал в театр кукол. Что там смотрели, не помню, помню только сам факт.

Когда я пошла в школу, только он мог заниматься со мной моими уроками без скандалов. Никогда на меня не повышал голос. Единственный раз за все время поднял на меня руку — я устроила тогда скандал и швырнула книжку через всю комнату, и он отвесил мне звонкую пощечину. А потом в ночи тащил меня в глазную клинику, перепугавшись: у меня в глазу сосуд лопнул :)

Он очень много со мной возился, и сейчас я это осознаю и восхищаюсь.

Уехав в свои 13 лет к маме, я очень много пропустила, долго их не навещала. Думаю, он сильно расстраивался из-за этого. Но надеюсь, что за последние 10 лет я смогла ему показать, что он самый любимый Дед.

Человек, который никогда меня не осуждал и не стыдил за выбор стиля, цвета волос, за то, что я читаю, слушаю и думаю. Для него было главное, что я мыслю и размышляю. Мы могли разговаривать обо всем на свете.

Он очень любил петь, раскладывать пасьянс, незабудки и голубой цвет. Он заменил мне отца.

Эрика

Сведения об авторе

Божкова Эрика Борисовна,
координатор игрового тестирования, HobbyWorld,
независимая исследовательница,
Санкт-Петербург, Россия

Статья поступила в редакцию: 30.03.2026;
поступила после рецензирования и доработки: 05.04.2026;
принята к публикации: 08.04.2026.

ERIKA B. BOZHKOVA

*Independent Researcher;
St. Petersburg, Russian Federation*

OLEG BORISOVICH BOZHKOV IN THE MEMOIRS OF HIS GRANDDAUGHTER

For citation: Bozhkova E. B. Oleg Borisovich Bozhkov in the memoirs of his granddaughter Erica. *St. Petersburg Sociology Today*. 2026. Vol. 18. No. 2. P. 132–135. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.fcx7-5j64; EDN: ZSFZTK

Information about the author

Bozhkova Erika B.,
game testing coordinator, HobbyWorld,
St. Petersburg, Russia

Received: 30.03.2026;
revised after review: 05.04.2026;
accepted for publication: 08.04.2026.

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.e2ra-ys68

EDN: ZTNQRU

УДК 316(092)

ТАТЬЯНА ЗАХАРОВНА ПРОТАСЕНКО

*Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

ПАМЯТИ ОЛЕГА БОЖКОВА

Ссылка для цитирования: Протасенко Т. З. Памяти Олега Божкова // Петербургская социология сегодня — 2026. — Т. 18. — № 2. — С. 136–139. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.e2ra-ys68; EDN: ZTNQRU

10 января 2026 г. ушел из жизни Олег Борисович Божков. Я познакомилась с Олегом в 1972 г., а с 1974 г., когда он пришел в сектор О. И. Шкаратана, началась наша совместная работа, которая продолжалась более полувека. Что такое совместная работа? Обсуждение различного рода исследований, в том числе проблема «полей» (как и каким образом проводить опросы на разные темы, кого опрашивать, как находить респондентов), проблемы совместных публикаций, организация семинаров, конференций, дискуссий, сбор различной социологической информации. Олег (он для меня всегда остается Олегом) получил первоначальное образование в области журналистики. Социологию осваивал практически. Он был, не побоюсь этого слова, «жаден» до получения самой разнообразной информации в самых разнообразных областях нашей жизни. Каких только сфер жизни он не касался. Это и городские проблемы, повседневная жизнь, проблемы жизни в сельской местности, проблемы элит, поведение избирателей в период выборов и т. п. Самый первый опрос, который мы проводили вместе в 1974 г., был посвящен повседневной жизни петербуржцев в различных районах города. Он был интересен тем, что это был поквартирный опрос, где мы получали очень интересную информацию, интервью длились порой полтора-два часа. Эти данные можно использовать и сейчас. В дальнейшем мы провели огромное количество совместных исследований и опросов. Они касались поведения избирателей во время выборов, изучения потребительского поведения и уровня жизни петербуржцев, отношения к средствам массовой информации и т. п. Многие годы мы работали совместно с редакцией газеты «Невское время», которая заказывала

нам исследования, где я работала обозревателем. Большие развороты в газете, посвященные элитам, уровню жизни и другим проблемам, регулярно публиковались в газете. Насколько я знаю, эти экземпляры газет многие читатели хранят до сих пор.

В 1989 г. по инициативе Валерия Борисовича Голофаства был образован Биографический фонд в нашем институте, который, как предполагалось, будет аккумулировать тексты воспоминаний о разных сторонах и периодах жизни наших соотечественников, прежде всего ленинградцев. Биографический фонд организовал не один конкурс воспоминаний, в результате которых мы получили очень интересные материалы. Например, был конкурс под названием «Гляжу в себя, как в зеркало эпохи», посвященный прежде всего шестидесятиникам, потом был конкурс «Жить в эпоху перемен», потом интересовались, как определяют горожане, что такое настоящий петербуржец. Потом мы изучали «жилищный вопрос», прежде всего в Ленинграде — Петербурге, который, как сказал классик, «всех испортил». В результате последнего конкурса мы издали две большие книжки, «Жилищная история-1» и «Жилищная история-2». Материалы Биографического фонда весьма активно используются.

Олег практически все последнее время возглавлял всю работу по Биографическому фонду.

Олег Борисович любил учиться и учить. Он хорошо водил машину. Прекрасно пел. Помню, как на секторальных посиделках он вместе с Альбертом Васильевичем Барановым и с подпевающим им Владимиром Александровичем Ядовым часто пели любимую песню Ядова — Александра Галича «Мы похоронены где-то под Нарвой». Он даже научился вязать. В роли учителя выступала я. Он всем демонстрировал шарф и некоторые другие изделия, которые он связал.

Олег регулярно читал лекции по социологии и выпустил не одну книгу по актуальным проблемам нашей науки. По отзывам студентов и читателей этих материалов, отличительной особенностью его пропагандистской социологической деятельности было исключительно доходчивое изложение, что очень приветствовалось и читателями, и слушателями.

Но главной его особенностью (безусловно, это было связано с его журналистским образованием) было умение завязывать контакты, найти партнеров, завлечь людей в исследование. Он умел прекрасно организовать научные дискуссии, конференции, семинары. Так, на протяжении многих лет он был главным вдохновителем и организатором «Голофастовских чтений», где обсуждались актуальные проблемы социологии, которые собирали участников не только из Петербурга, но и со всей

страны. Результатом, как правило, была публикация сборников, отражающих основные доклады.

И в заключение хочу сказать, что главным достижением Олега Борисовича являлся интерес к проблемам социологической информации, способам ее получения. Несмотря на свое гуманитарное образование, он прекрасно освоил математические методы обработки социологической информации, особенности так называемых количественных методов. В совершенстве владел качественными методами, изучал возможности и степень репрезентации социологической информации. Недаром его последняя брошюра называлась «Судьба репрезентативных эмпирических исследований в современной социологии», которая была издана к XII чтением памяти Валерия Голофаства в марте 2020 г. К сожалению, чтения не состоялись из-за эпидемии ковида. Но, как мне кажется, и сейчас эта тема в современных условиях еще более актуальна, чем была тогда. Тема способов получения информации фактически является главной в современный период. И ее надо обсуждать и обсуждать, именно сейчас опыт, способности и драйв Олега Борисовича Божкова были бы незаменимы. Увы, увы. Надеюсь, что все-таки мы используем его наследие.

Сведения об авторе

Протасенко Татьяна Захаровна,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
Санкт-Петербург, Россия.
mneniemass@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 03.04.2026;

поступила после рецензирования и доработки: 13.04.2026;

принята к публикации: 24.04.2026.

TATIANA Z. PROTASENKO

*Sociological Institute of FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russian Federation*

IN MEMORY OF OLEG BOZHKOV

For citation: Protasenko T. Z. In memory of Oleg Bozhkov. St. Petersburg Sociology Today. 2026. Vol. 18. No 2. P. 136–139. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-2.e2ra-yss68; EDN: ZTNQRU

Information about the author

Protasenko Tatiana Z.,

Candidate of Sociology, senior researcher,

Sociological Institute of FCTAS RAS,

St. Petersburg, Russian Federation.

mneniemass@yandex.ru

Received: 03.04.2026;

revised after review: 13.04.2026;

accepted for publication: 24.04.2026.

Научное издание

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

2026

Том 18, № 2

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 — 55387 от 17.09.2013

У ч р е д и т е л ь:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: *И. И. Елисеева*

Научные редакторы: *И. И. Елисеева, Н. В. Колесник*

Журнал «Петербургская социология сегодня» включен в базу РИНЦ
Права на материалы, опубликованные «Петербургской социологией сегодня»,
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без письменного разрешения редакции.

Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации
на официальном сайте журнала: <https://pitersociology.ru/ru/about>
на сайте издателя: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=3067
на сайте РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=33540

И з д а т е л ь:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес издателя: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Телефон издателя: 8 499 125-00-79. Сайт издателя: <https://www.fnisc.ru>

Адрес редакции: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Телефон редакции: 8 812 316-24-96. Электронная почта редакции: si_ras@mail.ru

Технический редактор *А. Б. Левкина.*

Корректор *А. А. Нотик.* Оригинал-макет *С. В. Красильнюк.*

Подписано в печать 22.06.2026. Формат 60×84^{1/16}. Электронное издание.

Подготовлено в издательско-полиграфической фирме «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40. Тел. (812) 766-05-66.

E-mail: book@renomespb.ru. www.renomespb.ru